

Мѣсяцъ по Японіи.

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

Изъ Тоокёо въ Мацуяму.

28—29 іюля. Въ 3 ч. 30 м. 28 іюля мы выѣхали изъ Тоокёо въ Мацуяму, на освященіе вновь устроенной нашей церкви. На вокзалѣ «Симбаси» собрались къ этому времени владыка—архіепископъ, я, посольскій протоіерей о. Петръ Ив. Булгаковъ, американскій епископальный священникъ Г. С. Джефрисъ, воспитанникъ Кагара, иподіаконъ Исида, нашъ слуга Иванъ... Компанія не малая!—Смотря по вкусамъ, а еще болѣе по карманамъ, наша компанія распредѣлилась по всѣмъ тремъ классамъ. Мы съ владыкой усѣлись въ вагонъ I класса, имѣя въ душѣ намѣреніе ночью хоть сколько-нибудь и поспать. А сидѣть въ вагонѣ предстояло ровно 24 часа! Желаніе «поспать» поэтому вполне понятное.

Ливень, а не дождь, послалъ намъ послѣдній привѣтъ съ Тоокёо. Но какъ всякій ливень, онъ продолжался недолго. Опять засіяло солнышко. И лишь не стало той невыносимой жары, по какой мы добирались до «Симбаси». Полетѣли предъ нашими глазами рисовыя поля, хвойныя деревья... Пересохшія рѣки, покрытыя зеленью горы, постоянныя селенья, богатая растительность... Налѣво то появляется, то опять скрывается море... Летятъ одна за другой станціи, и лишь на большихъ получаемъ возможность постоять у вагона и хотя нѣсколько размять ноги... Непривыкшее ухо съ трудомъ переноситъ выкрикиваніе торговцевъ: «бенто—бенто», «о—ча» и т. п. Но—раздается свистокъ, и мы мчимся далѣе!

Въ вагонахъ, и даже у насъ, тѣснота страшная. Сидимъ плечо къ плечу. А приближается и ночь. Какъ же спать-то

будемъ?..—На нашихъ глазахъ «счастливымъ» уготовляютъ постели; но стоимость спального мѣста не по миссіонерскому карману. Приходится выжидать, что намъ останется...

И вотъ наступила томительная ночь!.. Спать хочется. а спать нельзя... Сидимъ и дремлемъ сидя... Владыка, при малѣйшей попыткѣ устроить его хоть сколько-нибудь удобнѣе, сердится... Приходится сидѣть, какъ старецъ старается заснуть, облокотившись на футляръ отъ митры... На мое счастье ушла съ 2 ч. ночи толстая-претолстая «тетенька» и съ ея уходомъ я получилъ себѣ еще два мѣста (по крайней мѣрѣ!), и сокративши свою длину наполовину, я заснулъ часа на два.

Дождались и утра!.. И хотя чувствовали себя какими-то помятыми, но всѣмъ стало веселѣе, всѣ говорили бодрѣе. Стаканъ же крѣпкаго чаю съ вагонѣ-столовой совсѣмъ оживилъ насъ...

Пролетѣли предъ нашими глазами Кёото, Оосака, Кобе... Потѣздъ теперь пошелъ еще ближе къ морю, награждая насъ иногда чудными картинами... Въ 3 часа дня мы приѣхали на ст. Хиросима, откуда въ маленькихъ вагончикахъ переѣхали въ *Удзимо*: здѣсь мы и должны были сѣсть на пароходъ, отправляющійся на островъ Сикоку, въ портъ *Такахама*.

Три часа съ половиной, въ ожиданіи парохода, не показались столь длинными: у насъ былъ взятъ свой чай, и мы большую часть время утѣшались..., но не около самовара, а всего лишь около «хибаци»!..

Въ 6 ч. 30 м. сѣли на довольно тѣсный пароходъ и поѣхали по «средиземному» японскому морю...

Красиво было ѣхать при дневномъ свѣтѣ. Эти постоянные острова и островочки, эти причудливыя очертанія береговыхъ горъ; лазурь неба; блескъ воды; лодки; паруса!.. бинокля я кажется изъ рукъ не выпускалъ.

Но вотъ—стемнилось! Пассажиры куда-то поубрались. На палубѣ стало просторнѣе... Какъ легко дышала грудь, вдыхая свѣжій морской воздухъ!.. Скоро взошла луна... Ея отраженіе въ водѣ; освѣщенные ею острова; наконецъ нѣкоторая все же «таинственность» ночи!.. Чѣмъ-то волшебнымъ вѣяло около тебя!.. Мои спутники предпочли дремать; но не могъ я оторваться отъ картины, которую забыть не смогу: такъ она восхитительна! Но описать эту картину,—нужно быть поэтомъ, а не миссіонеромъ!..

Четыре часа ѣзды на пароходѣ меня совершенно освѣжили. Бодрѣе я спускался на пристань въ Такахамѣ, гдѣ насъ встрѣчали уже христіане.—Усѣлись въ поѣздъ, и минутъ черезъ 20 добрались до своей цѣли: пріѣхали въ г. *Мацуяму*.

Пѣшкомъ мы шли по улицамъ города. Весь городъ уже спалъ. Тишина кругомъ. Съ неба свѣтитъ высоко подымающаяся луна... Въ воздухѣ—тепло... Дышется какъ-то особенно легко... Да! Чудная ночь была, когда мы добирались до своей миссіи...

Здѣсь насъ ждалъ чай съ безчисленными комарами; первыя новости хозяевъ; первые разспросы наши... И уже въ первомъ часу ночи мы забрались на свои постели, подъ пологи, владыка—въ домѣ о. *Өомы*, я—въ домѣ катихизатора.

Сонъ не заставилъ себя долго ждать. И, вѣроятно, онъ лишь ждалъ момента, когда усталая голова коснется подушки... Постоянный же притокъ свѣжаго воздуха въ «воздушномъ» японскомъ домикѣ еще болѣе помогалъ сну здоровому и крѣпкому.

Мацуяма.

30 июля. Въ шесть часовъ утра я уже ходилъ около церкви. Въ воздухѣ полное затишье. Сѣрое небо какъ будто обѣщаетъ желанный дождь. Дѣйствительно, скоро началъ накрапывать сначала мелкій дождикъ; постепенно усиливаясь, онъ наконецъ перешелъ въ сильный, прямой дождь... Я сидѣлъ у окна и думалъ: у насъ въ Россіи, въ родной Новгородіи, сказали бы: «ну, теперь пойдутъ грибы»... Однако, воображеніе ненадолго перенесло меня въ далекую родину!.. Тучки разошлись, солнышко засіяло; и такъ хорошо, такъ легко дышалось послѣ дождя подъ теплыми лучами солнышка!

Напившись чаю, мы съ владыкою архіепископомъ пошли прежде всего осмотрѣть церковь. Бѣлая, что снѣгъ; съ двумя главами; съ шестью колоколами,—церковка кажется особенно родною, дорогою среди міра языческаго. Но и въ язычникахъ она возбуждаетъ большой интересъ; и часто можно видѣть группы прохожихъ, внимательно разсматривающихъ новый нашъ храмъ. Хочется вѣрить, что это любопытство постепенно будетъ смѣняться серьезнымъ проникновеніемъ въ ученіе Христово. Хочется думать, что Божьей помощью, да

трусами мѣстнаго батюшки увеличится церковь мацуямская и 19 христіанъ принесутъ со временемъ плодъ сторицею!

Церковь имѣеть знакомую русскимъ форму корабля. Куполь храма возвышается нѣсколько надъ куполомъ колокольной.—Собственно церковь имѣеть форму квадрата, стороны котораго имѣють по 31 сяку ¹⁾). Алтарь—съ юга на сѣверъ 27 сяку, съ запада на востокъ 13 сяку. Одного размѣра съ алтаремъ и паперть, но она имѣеть направо небольшую ризницу, налѣво—кладовую и ходъ на колокольню. Вышина стѣнь церкви—24 сяку, высота церкви съ куполомъ 44 сяку.

Войдя въ церковь, мы долгое время смотрѣли молча, переживая первое впечатлѣніе, произведенное новымъ храмомъ. Невольно и мы прежде всего сказали: «риппа»—«красиво», что такъ часто говорятъ язычники, осматривающіе нашъ храмъ... Шестъ небольшихъ оконъ формы ромба на южной и сѣверной сторонѣ храма, четыре большихъ—по два на каждой, даютъ необыкновенно много свѣта и, кажется, бѣлый цвѣтъ стѣнь дѣлають еще бѣлѣе!—Иконостасъ работы московской. Сдѣланъ подъ дубъ. Изыщной простотѣ иконостаса вполне соответствуетъ изыщная, но строгая, стильная живопись иконъ (работы Гурьянова), безъ малѣйшихъ выпадовъ въ сторону любимаго декадентства. Царскіе врата съ обычными изображеніями Благовѣщенія и четырехъ Евангелистовъ; Господь Вседержитель, Архистратигъ Михаилъ, Воскресеніе Христово, Вознесеніе Господне,—вотъ правая половина перваго яруса; Богоматерь, Архистратигъ Гавріиль, крещеніе Господне, Рождество Христово—лѣвая половина того же яруса иконостаса. Надъ Царскими дверьми изображеніе Тайной вечери. Во второмъ ярусѣ—по срединѣ Св. Троица, направо Срѣтеніе Господне, Успеніе Богородицы и на одной доскѣ лики Св. Іоанна, патр. Цареградскаго и преп. Ксеніи; налѣво—Введеніе во храмъ, Рождество пресв. Богородицы и на одной доскѣ—лики Святителя Николая и преп. Сергія Радонежскаго. Крестъ увѣнчиваетъ этотъ несложный, но полный иконостасъ. Какъ отличительную и пріятную черту иконостаса, хочется отмѣтить полное отсутствіе золота и позолоты и довольно крупныя фигуры святыхъ на иконахъ.—Кромѣ иконостаса на стѣнахъ помѣщены кіоты съ изображеніями Воскресенія Христова и

¹⁾ Два сяку составляютъ почти аршинъ.

12 праздниковъ (на южной), Успенія Богоматери и чтимыхъ Иконъ Ея и Святыхъ Угодниковъ (на сѣверной).

Въ алтарѣ устроенъ престолъ изъ мѣстнаго гранита. За престоломъ Образа Господа Вседержителя, надъ жертвенникомъ—Моленіе о чашѣ. Два окна даютъ алтарю свѣта достаточно. Не составляетъ большого недостатка и сравнительно низкій потолокъ алтаря: большого скопленія служащихъ въ этомъ алтарѣ въ будущемъ не придвидится.

На колокольні звонъ около 36 пудовъ, съ большимъ колоколомъ въ 19 п. 30 ф. Вотъ-то будетъ новость, когда загудятъ среди горъ мацуямскихъ наши московскіе колокола, здѣсь еще доселѣ не извѣстные. А нашъ Иванъ уже приспосаблиется и къ этой колокольні, практикуясь въ трезвонѣ съ обязанными языками. Вѣроятно, думаетъ поразить всѣхъ своимъ искусствомъ!

Вся церковь стоитъ на фундаментѣ изъ сѣраго гранита, уложеннаго въ три ряда и имѣетъ три входа со ступенями изъ этихъ же гранитныхъ плитъ.

Построена церковь на главной улицѣ Мацуяма [ицибанъ-чо—первая улица], въ виду мѣстной старинной крѣпости, въ сосѣдствѣ съ присутственными мѣстами. Участокъ земли выбранъ военноплѣнными и купленъ за 1600 енъ, изъ которыхъ побольше половины пожертвовали они. Средства же на построеніе Церкви и на обзаведеніе ея утварью и ризницей даны одною доброй московскою благотворительницею, не пожелавшей открыть міру свое имя.

Церковь построена по способу японскому. Все выполнено необыкновенно изящно, прочно, а задумано хозяйственно. Не стыдно было бы такую церковь украсить и русскій городъ! И какъ отрадно, что есть еще души добрыя, смотрящія выше національности и для славы Христа въ далекой странѣ не жалѣющія своихъ средствъ!.. Хотѣлось бы завопить: души добрыя! отзовитесь и еще! Тормозится дѣло Божье силой матеріальной — отсутствіемъ достаточныхъ средствъ... Всюду нужда:... Но боюсь свои замѣтки обратить въ воззваніе...

Ярко свѣтило и очень грѣло солнце! Но мы не отказались отъ своего намѣренія начать осмотръ Мацуямы сегодня же. Часовъ въ 9 съ минутами мы пошли, а владыка-архіепископъ остался хлопотать въ церкви. Да и видалъ онъ все, что для насъ такъ ново! Пошли, кромѣ меня, о. Петръ Булгаковъ, о. Сергій Судзуки изъ Оосака, Г. С. Джефрисъ и семина-

ристь Кагэта. Пройдя немного по улицамъ города, мы оказались скоро — среди рисовыхъ полей: насъ невольно тянуло русское сердце туда — къ своимъ соотечественникамъ..., на кладбище!.. Невеселое начало осмотра!.. Но такъ понятно для русскаго!

Переходя долину между городомъ и горами, мы видѣли ту площадь, гдѣ стояли бараки нашихъ военнопленныхъ: болѣе 3.000 солдатиковъ переживали здѣсь, въ этой долинѣ свое горе-горькое!.. Сколько слезъ отъ горя, сколько слезъ отъ тоски, сколько вздоховъ отъ стыда слышала ты, теперь молчащая долина?!

Вотъ мы приближаемся къ завѣтной цѣли,—къ бѣлѣющему еще издали памятнику на могилахъ русскихъ воиновъ. Томно... Льетъ потъ... Хочется хоть немного охладиться... Но въ буддѣйской «тера» пашлась лишь дождевая вода... Съ большой усталостью взошли мы на площадь кладбища, и невольно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ... Здравствуйте, страдальцы-земляки!.. Привѣтъ вамъ отъ родной земли!.. Но земляки не отвѣчали...

Кладбище расположено на склонѣ горы, отъ города верстахъ въ трехъ. Живописный уголокъ! Гора поросла деревьями, главнымъ образомъ—сосной. Вдали виднѣется море. Бѣлѣютъ паруса лодокъ; дымить какой то пароходикъ... Подъ тобой—Мацуяма со своей горой-крѣпостью, со своими многочисленными домиками... Свѣжая зелень рисовыхъ полей такъ говорить о жизни деревенской; но, однако, среди зелени—ползеть маленькій поѣздъ! Далеко за городомъ зеленѣютъ, синѣютъ, темнѣютъ горы... Къ жизни зоветъ здѣсь вся природа!..

И вотъ здѣсь то, въ этомъ чудномъ уголкѣ, подъ желтымъ пескомъ горы, залегли наши солдатикѣ! Съ надеждою на побѣды, съ вѣрою въ себя, въ свои силы, съ жаждою славы шли они сюда, на дальній злополучный востокъ... Но не то судили имъ Богъ!.. Позоръ плѣна, страданія въ госпиталяхъ, и въ концѣ—смерть на чужбинѣ... Горько на душѣ за земляковъ-солдатъ, за всю армію, за всю Россію!.. — И въ какомъ то мрачномъ свѣтѣ казалось все... Вотъ эти памятники-плиты на каждой могилкѣ!.. Вотъ этотъ памятникъ, сооруженный военнопленными... Что они?.. Конечно, для сердца братскаго—это естественное дѣло любви... Но вѣдь есть сердце гражданина?.. И весьма чуткое оно! А оно настойчиво говорить, что и этотъ памятникъ, и эти плиты есть ничто иное, какъ вѣчные памят-

ники русскаго позора... Но сооружены они не бывшими врагами нашими, а нами же самими!.. Пройдутъ годы... Но плиты будутъ стоять, и надписями своими говорить многое... Придетъ сюда для прогулки молодежь... Воскреснутъ въ ней воспоминанія прошлой славы, проснетъ сознание своей былой силы, явится жажда успѣховъ... А потомъ?.. Впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь! Но и помимо этихъ памятниковъ ужь слишкомъ много нашихъ трофеевъ разнесено по всей Японіи: при видѣ этихъ трофеевъ воспитываются въ школахъ будущіе *граждане*... Зачѣмъ же прибавлять намъ самимъ то, на чемъ воспитывается это чувство?..—Я смотрѣлъ на могилки... Они такъ «устроены», находятся въ такомъ «порядкѣ»; наблюдаютъ за ними усердно здѣшнее военное начальство... Но мнѣ невольно вспомнились японцы, пріѣзжавшіе въ Россію за прахомъ своихъ 17 умершихъ плѣнныхъ... И я невольно спрашиваю себя: кто съ *гражданской* точки зрѣнія поступаетъ разумнѣе?..

Горькое чувство искало для себя выхода.. И этотъ выходъ мы нашли въ молитвѣ... Я совершилъ литію, о. Петръ пѣлъ, молились наши спутники... Горячо мы помянули «православныхъ воиновъ и всѣхъ, за вѣру, царя и отечество на полѣ брани и въ морѣ животовъ свой положившихъ». Отъ души неслась наша молитва «со святыми упокой». И вѣрится, что страдальцы искупили своею кровью за родину грѣхи свои вольные и невольные... «Вѣчная память»...—да!.. Вѣчная память героямъ-мученикамъ... Но скорѣйшаго забвенія нашего позора дай, Господи!

На обратномъ пути—то же яркое солнышко, та же жара... Но нѣкоторое уныніе, бѣльшая задумчивость, отсюда—усталость... Хотѣлось какъ-нибудь забыться, и мы упросили Г. С. Джефриса спѣть что-нибудь изъ своихъ погребальныхъ гимновъ, что онъ и исполнилъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Уже въ первомъ часу дня мы снова увидѣли главки своей церкви и могли отдохнуть отъ жары и отъ впечатлѣній подъ кровлею своихъ домовъ.

31 іюля. Сегодня я, о. Петръ и Кагэта осматривали городъ. Ни одинъ изъ насъ Мацуямы не видалъ. Поэтому рѣшили ходить «на-авось» по южной и западной части и удовольствоваться тѣмъ, что случайно увидимъ. Ходить сначала было легко: отъ солнышка спасались подъ зонтиками. Весьма прохлаждалъ насъ и вѣтерокъ.

Городъ довольно большой. Жителей около 40 тысячъ. Улицы есть всякія: и довольно широкія, и очень узкія. На одной мы встали трое въ рядъ и заняли собою всю улицу поперекъ! Однако даже въ такихъ улицахъ чистота замѣчательная! Есть и довольно большіе дома; даже на европейскій ладъ. Но преобладаютъ, конечно, дома японскіе и дѣлаютъ Мацуяму весьма типичнымъ японскимъ городомъ. Торговля большая: магазины чуть ли не въ каждомъ домѣ. На нѣкоторыхъ вывѣскахъ есть надписи, сначала неожиданностью своею насъ поразившія: «портной», «бакалейная», «поставщикъ г.г. русскихъ офицеровъ. Портной Чибо. Продаются разные, хорошіе европо-американскіе товары, чемоданы и обувь» и т. п. Печальное напоминаніе о столь недавнемъ печальномъ прошломъ! Впрочемъ,—напоминаніе не единственное: насъ вездѣ узнавали и часто можно было слышать «росіязинъ» (т. е. русскій).

Намъ хотѣлось увидѣть какъ можно больше; поэтому ходили мы по разнымъ направлѣніямъ; и не всегда удачно. Соблазнилъ насъ напр. сосновый паркъ. Мы зашли въ него... Идемъ... Но чувствуемъ, что между нами и Мацуямой все болѣе и болѣе начинаютъ залегать рисовыя поля... Какъ ни пріятно было ходить въ тѣни, но зайти очень далеко было не въ нашихъ интересахъ... И намъ пришлось спрашивать, какъ пройти въ Мацуяму, не возвращаясь вспять... По одной улицѣ мы шли до того, что предъ нами оказалось поле, и намъ волей-неволей пришлось гулять обратно.

А солнышко грѣло уже немилосердно. Почему-то больно становилось и глазамъ. Скорѣе до дому!..—Но домъ оказался очень далеко, и не скоро пришлось протянуть усталыя ноги!

Въ городѣ, конечно, много буддійскихъ *тера* и синтонетскихъ *мія*. Мы въ нѣкоторыя изъ нихъ заходили. Въ одной же *тера* неожиданно встрѣтили гостепріимство. Бонза, встрѣтивъ насъ поклономъ, предложилъ войти въ самый храмъ. Опускать случая не хотѣлось; мы сняли свои сапоги: конечно—и шляпы;—и вошли внутрь *тера*. Бонза сразу же началъ показывать свою утварь: только вчера у нихъ былъ большой праздникъ, и было достано все праздничное, торжественное... Предъ изображеніемъ Будды довольно изящныя серебряныя подсвѣчники. За особымъ столомъ, предъ нимъ же, два серебрянныхъ анста на двухъ черепахахъ, изящной ра-

боты (и аистъ, и черепаха — символы долголѣтія: аистъ—1.000 лѣтъ, черепаха—10.000 лѣтъ). Тутъ же вазы съ цвѣтами, горшокъ съ сосной (—опять символъ долголѣтія).—Бонза принесъ разные столики, уставилъ ихъ, какъ они стояли вчера, и предъ нами произвелъ репетицію, какъ онъ вчера молился: и руки молитвенно складывалъ, и кадильницей кадилъ!—Словомъ, опъ съ полной охотой знакомилъ насъ со своимъ богослуженіемъ. Показалъ и молитвенники свои (въ свиткахъ).

Поблагодаривъ бонзу, собрались было мы уходить; но онъ предложилъ намъ чаю. Что жъ дѣлать?.. Отказываться неловко! Усѣлись мы на корточки... Намъ подали японскій чай... Начались разговоры... Бонза, сразу же узналъ, что мы русскіе... «Русскіе миѣ очень нравились... Они очень религіозны... Солдатики, приходившіе къ нашему храму, всегда снимали шляпу»...—Да! Мы любимъ сами на себя лить ушатъ помоевъ. А вотъ хвалить религіозность солдатиковъ чужой, да еще—бонза! И хвалить не потому конечно, что говорить съ нами! Оказалось, что всѣ почти буддійскія *тера* были заняты нашими солдатами! Въ одной изъ нихъ даже совершалось наше богослуженіе. И бонзы съ особымъ удовольствіемъ прятали своихъ идоловъ и уступали мѣсто Христу. Почему? Да потому, что «солдатики религіозны! Они всегда предъ храмомъ шапку снимаютъ. Они и съ нами (бонзами) раскланиваются, чего не дѣлаютъ даже многіе японцы»... Такъ разсуждали бонзы во время войны,—передавалъ намъ батюшка изъ Оосака о. Сергій Судзуки. То же пришлось услышать намъ непосредственно отъ бонзы. Порадовалось сердце мое! Вѣдь давно ли въ грозной проповѣди возвѣщалась грозная правда, что наши дальневосточные грады—это новые Содомъ и Гоморра. Имя Христово хулилось тогда среди язычниковъ. И досадно было за носителей этой гнилой культуры на Дальнемъ Востокѣ. Имена и положенія ихъ, Ты, Господи, вѣси!

Но вотъ, не наносный слой, не кора дерева, а самая сердцевина его появляется среди язычниковъ. И съ чувствомъ удовлетворенія приходится слышать, какъ доброю жизнью нашихъ солдатиковъ, ихъ религіозностью прельстились даже бонзы... Не видимъ ли, что Богъ все ведетъ къ лучшему. И въ самомъ несчастіи Онъ направляетъ жизнь нашихъ солдатиковъ на пользу блуждающихъ во тьмѣ язычниковъ.

Я пригласилъ бонзу придти въ воскресенье къ намъ и по-

смотримъ нашу торжественную службу. Поблагодаривъ его за его радушіе, провожаемые его поклономъ до земли (по мѣстному обычаю), мы вышли изъ храма на улицу; а здѣсь уже собралось достаточно любопытствующаго народа...

Хотѣлось поскорѣе домой. Но улица какъ будто нарочно увеличивалась. Идемъ мимо крѣпости, идемъ мимо казармъ, смотримъ мимоходомъ солдатское ученіе. И такъ-то было пріятно, когда крыша домика укрыла насъ отъ солнца и незамѣнимый самоваръ готовъ былъ для утомившихся поспехонцевъ. Не одинъ разъ самоваръ нуждался въ повтореніи. Но и потому отчасти, что онъ размѣрами не рассчитанъ на русскихъ любителей чая! А все-таки—выводъ: безъ плана городовъ не осматривать!

Вечеркомъ, когда начала уже спадать жара, я и Кагэта сѣли въ мињятурный вагончикъ мѣстнаго поѣзда и за 5 сень переѣхали черезъ долину по I классу въ Доочо,—такъ называется мѣстечко верстахъ въ 3-хъ отъ Мацуямы, у подножія горъ. Славится оно своими минеральными водами. Но не на воды мы пріѣхали въ настоящій разъ: послѣ полуторыхъ мѣсяцевъ *городской* жизни въ Японіи, меня тянуло поближе къ природѣ, въ горы, на поля. А время и обстоятельства давали мнѣ пока достаточно досуга.

По лѣстницѣ изъ дикаго, нетесанаго булыжника, поднялись мы прежде всего къ *мія*, синтеистскому храму. 119 ступеней прошли не безъ отдыха. Около *мія*, въ видѣ ограды, установлены тесаныя плиты съ надписями. «Что за памятники?»—спрашиваю. Оказывается,—это памятники тѣмъ, кто жертвовалъ деньги на храмъ—*мія*; и содержаніе текста всегда одно и то же: «такого-то года, мѣсяца и числа, столько-то *енъ*, внесъ (или внесли) такой-то (или такіе-то), изъ такого-то города». Вносили увѣковѣченные на плитахъ по 25, 15, 10 и даже 5 *енъ*; вносили иногда группами... Невольно задаешься вопросомъ:—а сколько же стоитъ плита, если она ставится и за пятирублевую жертву?.. Такія же плиты около синтоистскаго храма въ самой Мацуямѣ образовали уже сплошную ограду.

Отъ *мія* мы пошли по парку, точнѣе—по сосновому лѣсу, расположенному по склонамъ горъ. Шагъ за шагомъ поднимались мы выше и выше. Подъ ногами—крупный, твердый песокъ; онъ весьма облегчалъ нашу дорогу. Долго мы любовались въ бинокль на окрестности! Прикрытое легкой дымкой море. зелень рисовыхъ полей, синева горъ,—какъ все это,

вмѣстѣ взятое, говорило о красотѣ. Богомъ по природѣ разлитой!..

Однако, можно и выше подняться,—почему же не попробовать? А для меня подъемъ на гору—совершенная новость. Пошли. Для того, чтобы не падать духомъ,—намѣчали мы себѣ какой-нибудь пунктъ, гдѣ будемъ отдыхать... И такъ-то долго ползли!.. Устали... Потъ каплями падалъ съ лица... Но близко уже и послѣдняя намѣченная сосна... Нѣсколько секундъ,—и мы у ней... Господы! Что за красота открылась предъ нами и подъ нами! Горы и долины, поросшія соснами, иногда гигантскихъ размѣровъ... Въ оврагахъ озерки, рѣчки, ручьи съ ихъ непрерывнымъ шумомъ... Налѣво отъ насъ къ востоку, по темной синевѣ горъ плывутъ сѣрыя и бѣлыя облака. Красива гора, облакомъ какъ бы разрѣзанная на двѣ части!.. и невольно даешься обману, темные верхи горъ принимая за темныя тучи. А высота?!.. Черезъ городскую крѣпость (а она ли не на высокой горѣ?) видимъ море! Мацуяма предъ нами. что на ладони... Мы опредѣляемъ, гдѣ сегодня блуждали... Казалось бы,—не ушелъ отсюда. Но громъ все приближается. Дождемъ закрываются уже ближайшія горы. И мы спѣшимъ внизъ. Лишь на полпути мы замѣтили доску, на которой значилось, что гора эта—священная, почему и входъ на нее не совсѣмъ свободный (впрочемъ, положительнаго запрещенія не было). Но дѣло уже было сдѣлано! Тѣмъ не менѣе, мы предпочли другой дорогой спуститься въ Доого. Попали опять къ *мія*, но уже съ другой стороны, откуда и спустились по тесанымъ плитамъ, по 130 ступенямъ. Нѣсколько отдохнувъ въ паркѣ, хотѣли-было мы идти на поѣздъ; но до отхода оставался почти часъ: сама судьба толкнула насъ на рисовыя поля. По прекрасной дорогѣ среди полей, уже при вечерней прохладѣ, плелись мы домой, ежеминутно, кажется, получая впечатлѣнія новыя!..

Все поле до малѣйшаго кусочка засажено рисомъ. Выросъ уже много: верхковъ по 8—10—12 въ вышину. А когда я ѣхалъ изъ Россіи полтора мѣсяца тому назадъ,—его только еще пересаживали. Мой спутникъ познакомилъ меня очень подробно съ культурой риса. Каждый хозяинъ дѣлитъ свое поле на отдѣльныя полоски; каждая изъ нихъ ограждается небольшимъ валикомъ земли, который и не даетъ выхода для воды. Ранней весной всѣ эти полоски заливаются обильной водой, которая и поддерживается въ такомъ количествѣ, чтобы

вершка на два покрывала землю. Словомъ,—искусственно устраивается болото, такъ какъ рись—болотное растеніе. Поля перерѣзаны канавами, иногда обложенными камнемъ;—черезъ эти камни вода *не* спускается съ полей, а проводится на поля и распредѣляется по разнымъ полосамъ. Ранней же весной каждый хозяинъ удобряетъ свои полосы, вливая въ воду жидкій растворъ того, что мы въ Россіи охотно уступаемъ чухонцамъ и колонистамъ. Рись сначала *стытъ* въ особыя полосы, гдѣ онъ закореняется и подрастаетъ. Около іюня мѣсяца, съ наступленіемъ дождей, всѣ въ деревнѣ выходятъ на поля, и хотя выше колѣнъ въ водѣ и жидкой землѣ,—перекрываютъ полосы, снова нѣсколько ихъ удобряютъ, а затѣмъ уже, прямо въ воду, рись *пересаживается* въ разстояніи одинъ отъ другого около 8 вершковъ. Красивы такъ посаженные поля! Рись растетъ правильными рядами и вдоль, и поперекъ. Конечно, получаютъ правильныя ряды и въ другихъ направленіяхъ. Припоминается мнѣ:—ѣду я въ ночь на 14-е іюня въ Тоокёо. Кругомъ вновь посаженный рись. Поля залиты водой. И въ этихъ поляхъ какъ красиво отражались огни летѣвшаго мимо нихъ нашего поѣзда. Но и лягушекъ на поляхъ, вѣроятно, нужно считать не тысячами, а милліонами. Концертъ ихъ настолько звучный, что ходъ поѣзда не заглушалъ его... Но это было *тогда*, теперь же лягушекъ уже мало слышно. Красивы поля и теперь! Правильно выстроенные стоятъ не стебли, а кустики риса... Мы считали, сколько стеблей въ кустикахъ; находили разное: 8—10—15 стеблей!.. развѣ это не награда за труды весенніе?—Но съ пересадкой риса не кончаются заботы о немъ. Хозяинъ продолжаетъ ходить на поля; слѣдить, чтобы держалось извѣстное количество воды: въ извѣстное время полется поле. Да! На полосахъ я не замѣтилъ ни одной посторонней травки,—такъ тщательно пропалываются они! Когда нужно,—прибавляетъ удобренія, которое здѣсь же на поляхъ и хранится въ особыхъ цементныхъ ямахъ, почему не во всякое время пріятно пройти по полю. Наступятъ вѣтры въ сентябрѣ,—хозяева будутъ болѣть душой за свой рись. Но потомъ—снимутъ урожай и деревни торжественно справднуютъ праздникъ риса.

Я съ большимъ интересомъ слушалъ рассказъ о культурѣ риса. И мои мысли переносились на милую родину. Громадныя пространства земли лежатъ у насъ подъ полями; не меньшія пространства—подъ пустырями. Видали ли они отношеніе

къ себѣ столь заботливое, какъ здѣшніе «уголочки» и «квартатики»? Были ли они хотя разъ перекопаны рукою, когда можно размять каждый клочекъ земли? Были ли они когда-нибудь удобрены такъ, какъ здѣшнія поля? Невольно мнѣ припоминается одинъ давній фельетонъ М. О. Меншикова. Онъ тамъ проводитъ повидимому парадоксальную, но совершенно справедливую мысль, что несчастье Россіи *не въ мало-земельи, а въ многоземельи*. Это послѣднее—причина того, что «художественной» обработки земля не видитъ у насъ, встрѣчая къ себѣ отношеніе «варварское». Понятны и результаты! *Здѣсь обычный* урожай даетъ самъ-пятьдесятъ, а *у насъ?* въ Россіи?.. Явился проповѣдникъ новаго начала въ земледѣліи—Н. А. Демчинскій,—встрѣчаютъ его съ недовѣріемъ. А сколько добраго новаго предлагаетъ онъ въ своей грядковой культурѣ хлѣбовъ для Россіи! Я сказалъ бы можетъ быть не очень много, если бы сталъ утверждать, что рано ли, поздно ли, но въ *этой* системѣ естественный и желательный выходъ изъ аграрныхъ затрудненій... Вѣрится, что наступитъ время, когда и съ небольшой полоски будетъ получать мужичекъ то же, что онъ теперь съ трудомъ собираетъ съ десятины. Вычиталь я въ газетахъ, что г. Демчинскій производитъ нынче посадки свои въ Александріи у дворца Ея Величества, предъ зданіемъ Г. Думы... Неужели занимается заря лучшаго будущаго?..

Проснись же, русскій мужичекъ! Пойми, что земля *любитъ заботливое* отношеніе къ себѣ, и за него она воздастъ больше, чѣмъ сторицею. Но жестоко она мститъ за *варварское* обращеніе съ собою, отнимая у мужичка и то, что онъ имѣетъ.

Просвѣти же Господи, нашу матушку Русь свѣтомъ ученья, знаній. И тогда мирнымъ путемъ она сброситъ съ себя тотъ кошмаръ, который такъ ее сейчасъ давитъ, мучитъ, и который такъ ужасно выливается въ дикія формы пожаровъ, грабежей, убійствъ и всякаго насилія.

Долой варварство, забвеніе ему! Впередъ, на почетное мѣсто—знаніе; и вѣчное царство ему!

1-е августа. Въ 8 часовъ утра наша церковь наполнилась богомольцами. Впрочемъ, постороннихъ не было; пришли свои, пріѣхавшіе на освященіе. О. Сергій Судзуки изъ Осака совершилъ малое освященіе воды. Пѣли пѣвчіе, пріѣхавшіе главнымъ образомъ изъ Кёото, частію—изъ Тоокёо. Послѣ водоосвященія Владыка Архіепископъ облачился въ мантию,

епитрахиль, поручи, омофоръ и митру. По возгласѣ и обычаемъ началъ, частица мощей св. муч. Мардарія, вложенная въ сребро-позлащенный ковчежець, по помазаніи ея св. муромъ, была помѣщена въ уготованное для нея внутри гранитнаго престола мѣсто. Прочитана положенная на этотъ случай молитва и пропѣтъ псаломъ. По окропленіи св. водою, гранитная плита, толщиною вершка въ четыре, была рабочими уложена на престоль, и такимъ образомъ онъ былъ подготовленъ къ имѣющему быть послѣ завтра освященію.

Вечеромъ мы собрались компаніей въ *Доого*, покупаться въ теплыхъ минеральныхъ водахъ. Разсказываютъ, что извѣстны эти воды очень давно, 1½ тысячи лѣтъ тому назадъ. Открытію ихъ помогла цапля. Крестьяне подмѣтили, что одна цапля, сломавшая себѣ погу, аккуратно являлась къ источнику и становилась въ него, послѣ чего скоро поправилась. Тогда де и люди стали лечиться изъ этого источника. Пріѣзжалъ на воды когда то въ древнія времена императоръ и этимъ способствовалъ еще большей популярности источника. Въ настоящее время здѣсь устроены хорошо оборудованныя ванны, которыя и посѣщаются охотно японцами. Около ваннъ масса гостинницъ, получился настоящій маленькій городокъ.

Мы взяли особое помѣщеніе, за одинъ часъ заплатили 2 ена и отправились поблагодарить вчетверомъ: владыка, я, о. Петръ и Джафрисъ. Намъ дали японское кимоно, и я впервые въ жизни превратился въ японца!.. Впрочемъ, для меня въ полтора мѣсяца это очень много... Но и «дай-сикѳо» тоже участвовалъ въ маскарадѣ!.. И кажется, второй разъ за всю свою долгую жизнь въ Японіи! Наше «переодѣваніе» дало пищу остроумію, и мы много говорили о «маскарадахъ»...

Вода въ ваннахъ горячая, около 37° R.! Послѣ постоянной жары, неизмѣннаго пота—этотъ часъ былъ для насъ большимъ облегченіемъ. Затѣмъ—японскій чай въ занятой нами комнатѣ, къ нему печенья въ видѣ цапли—памятка о той, которая открыла воды... И мы на маленькомъ поѣздѣ возвратились въ Мацуяму, на вокзалъ «Ицибанчо», называемый по улицѣ, на которой стоитъ и нашъ храмъ.

2-е августа. Завтра—освященіе храма. Всѣ усиленно хлопчуть. Всѣ провѣряютъ себя и порученное имъ дѣло. Но кажется болѣе всего хлопотъ приходится на долю Владыки. Имъ собраны всѣ лица, принимающія участіе въ освященіи;

и всѣмъ-то онъ все растолковываетъ, указываетъ... Да и понятно это!.. Вѣдь не часто и у насъ въ Россіи бываютъ освященія церквей. Здѣсь же это событіе — большая рѣдкость. Путаться же во время службы — было бы и неудобно, и нѣсколько зазорно предъ присутствующими, среди которыхъ будетъ много лишь любопытствующихъ, совершенно не склонныхъ все покрывать любовью своею.

Завѣдывавшій постройкой храма, иподіаконъ и ризничій изъ Тоокѳо Комура, постоянно и усиленно хлопочетъ; и въ церкви нужно все въ порядокъ привести, и прочія хлопоты хозяйственныя на его отвѣтственности. Озабоченное его лицо часто мелькаетъ мимо моихъ оконъ. Но вѣроятно онъ все исполнить такъ же хорошо, какъ хорошо съумѣлъ построить церковь.

Мой слуга Иванъ (вѣрнѣе — нашъ общій, съ Владыкой) не сходить съ колокольни, упражняясь въ трезвонѣ, конечно съ языками, обвязанными сукномъ... Хорошо трезвонить, — самъ знаетъ. Но все еще кажется мало. И задумчиво стоя на колокольнѣ, онъ перебираетъ колокола, желая, кажется, всю свою душу вложить въ трезвонъ. Отличительная черта японца: до точности, до изящества отдѣлать то дѣло, которое поручено ему.

Во дворѣ масса японскихъ ребятишекъ. Натациль ихъ сюда г. Джефрисъ. Онъ и поетъ съ ними школьныя пѣсни про японскихъ героевъ, и показываетъ имъ картины, и учитъ ихъ по-православному креститься; самъ поетъ имъ свои религіозныя гимны. Типъ миссіонера во всякомъ случаѣ весьма интересный. Можетъ черезъ часъ собрать слушателей.

Какъ и въ Россіи къ большому торжеству плетутся изъ разныхъ концовъ богомольцы, такъ и здѣсь. Весь день приходятъ люди съ саквояжами, съ узелками въ рукахъ. Это хрістіане, пріѣхавшіе на торжество изъ Кубе, пришедшіе изъ разныхъ концовъ острова Сикоку. Шли пѣшкомъ пѣкоторые по 50 верстъ, лишь бы попасть на молитвенное торжество. Это ли не любовь къ церкви своей? Это ли не преданность ей? Много иногда говорятъ въ журнальныхъ статьяхъ неладнаго о религіозномъ настроеніи японскихъ хрістіанъ. Но вѣдь настроенія особенно сильно сказываются въ исключительныхъ случаяхъ! И эти-то случаи ясно говорятъ о томъ огнѣ Христовой вѣры и Христовой любви, который согрѣваетъ душу японца-хрістіанина и дѣлаетъ его достойнымъ членомъ Христовой церкви. По печальнымъ исключеніямъ дѣлать общее

заключеніе — несправедливо; и таково именно мнѣніе нѣкоторыхъ минутныхъ наблюдателей жизни японца-христіанина. Мы же вѣримъ, что Устроитель церкви Господь «благихъ» изъ нихъ «во благодости соблюдетъ», «среднихъ лучшими сотворитъ», а «лукавыхъ» — исправитъ.

Въ 6 ч. веч. всенощная. Звону не было. Такой уговоръ съ городскими властями, что звонить будемъ лишь по воскресеньямъ... Жаль, но что жъ пока дѣлать! Звони же громче о Христовой вѣрѣ по воскресеньямъ, родной московскій колоколь! Возвѣщай язычникамъ, что вливается въ ихъ тьму свѣтъ вѣры Христовой! И не устоитъ Будда предъ Христомъ!.. Богомольцевъ было немного: вѣдь и христіанъ-то въ Мацуямѣ пока 19 человѣкъ! Но церковь была наполнена значительно: присутствовали въ большей части язычники. Стоялъ всенощную пріѣхавшій изъ Кобе русскій консулъ А. С. Максимовъ. Пѣвчіе пѣли очень хорошо, и очень торжественно. Служба совершалась на серединѣ храма. Какъ онъ уже украшенъ теперь! Предъ иконостасомъ накладного серебра подсвѣчники, предъ иконами праздниковъ — большія лампы. Стоитъ пара очень хорошихъ хоругвей. Всѣ аналои, столики — въ новыхъ, чистыхъ облаченіяхъ. На особомъ столикѣ — всѣ церковные сосуды и принадлежности Св. Престола и Жертвенника, — все сдѣлано изъ серебра. Да! Хорошо украсила нашу церковку благочестивая москвичка. Вѣчная молитва о ея душѣ — вотъ та благодарность, которую ей принесетъ церковь японская. Послѣ всенощной Владыка архіепископъ бесѣдовалъ съ народомъ; и несомнѣнно его горячее слово убѣжденія западетъ въ души не только христіанъ, но и тѣхъ, что присутствовали при богослуженіи... Дай-то, Боже, слову нашему здѣсь найти почву добрую!..

Тихій вечеръ послѣ всенощной. Присутствовавшіе при богослуженіи мало-по-малу расходились. Я сидѣлъ у окна въ домѣ катихизатора и утолялъ жажду чаемъ. Подходить послѣ нѣкоторыхъ колебаній какой-то японецъ и, видимо стѣсняясь, спрашиваетъ, можно ли ему завтра быть на освященіи, такъ какъ онъ не вѣрующій... Невольно подумалось мнѣ, не изъ того ли этотъ мужъ класса людей, что *ношию* приходятъ, сначала все испытывая; но тѣмъ преданнѣе церкви дѣлаясь потомъ... Конечно, онъ будетъ зрителемъ нашего торжества!..

Супруга катихизатора, моего хозяина, привела ко мнѣ трехъ японокъ; одна изъ нихъ — дѣвочка лѣтъ 7 — только что

крещена. Другія—около 15—16 лѣтъ; уже оглашены и кажутся въ понедѣльникъ будутъ ихъ крещеніе. Я привѣтствовалъ ихъ. Пожелалъ имъ добраго житія по заповѣдямъ Христовымъ, чтобы ихъ родные (а они—язычники), видя ихъ доброе житіе, Христа и вѣру Его прославляли и въ концѣ сами пришли въ ограду Христову. Онѣ осѣнили себя въ отвѣтъ на мое привѣтствіе крестнымъ знаменіемъ: а я благословилъ ихъ своимъ благословеніемъ.

Представили мнѣ язычника, уже въ возрастѣ, изучающаго вѣру Христову. Еще только шесть разъ онъ слушалъ катихизатора. Онъ тоже просилъ моего благословенія... Я сказалъ ему, чтобы онъ, начавъ идти ко Христу, не остановился на этомъ спасительномъ пути, а довелъ его до блаженнаго конца; говорилъ ему, что Христосъ недалеко отъ тѣхъ, кто ищетъ Его; если мы сдѣлаемъ къ Нему шагъ, Онъ — выражаясь образно—сдѣлаетъ къ намъ тысячи шаговъ; если мы полюбимъ Его,—Онъ безконечно болѣе возлюбитъ насъ; если мы только вздохнемъ по Немъ,—Онъ уже готовъ войти въ сердце наше; если же призовемъ Его. — Онъ, стоящій при дверяхъ сердца нашего, стучащій въ него, сразу же входитъ въ сердце христианина и поселяется въ немъ. Этого послѣдняго счастья я и пожелалъ будущему новому члену Христовой церкви и благословилъ его на дальнѣйшій путь ко Христу.

Нужно видѣть, съ какой радостью слушаютъ твое наставленіе, съ какой готовностью его влагаютъ въ сердце! Съ добрымъ чувствомъ, съ мечтами о славномъ будущемъ Церкви въ Мацумѣ, и во всей Японіи, я закончилъ день свой и всталъ на молитву, готовясь къ завтрашней службѣ *).

Епископъ Сергій.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Мѣсяць по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

3-е августа. Сегодня съ ранняго утра на дворѣ церковномъ хлопоты. Ворота украсили флагами. Приготовили мѣста для гэта. Кажется, въ сотый разъ провѣрили, все ли готово къ освященію. Рядомъ съ моею квартиркой уставлены ящики съ коробками гостинцевъ: это подарки отъ церкви христіанамъ и добрымъ сосѣдямъ.

Ровно въ 9 ч. утра звонко раздался первый въ Мацуямѣ ударъ колокола; за нимъ второй, третій... И полились звуки колокола православнаго надъ городомъ языческимъ!.. Трезвонъ въ три приѣма дополнялъ впечатлѣніе. Смѣло, мощно гудѣлъ колоколь... И невольно мысли переносились на далекую родину, гдѣ перекрестившись по третьему удару спѣшать къ церкви наши крестьяне, и наполняютъ ихъ... Однако, сходство пока ограничилось звономъ... Сходились любопытствующіе язычники. Но они останавливались по большей части на улицѣ (Ицибанъ-чо). Въ церковь же проходили лишь нарочито приглашенные, и получившіе билеты.

Къ 9 ч. въ церкви уже были губернаторъ г. Мацуяма г. Андоо, главный судья города г. Гакахаси, начальникъ мѣстныхъ войскъ полковникъ Фудзии, начальникъ полиціи г. Курота, три редактора мѣстныхъ газетъ: г. Мацуяма [Кайшанъ-Симбунъ], г. Суосаки [Ихими-Симпу] и г. Табэ [Іѣ-Ници-Ници Симбуи]. Русскихъ властей представлялъ консулъ изъ Кобе А. С. Максимовъ. Пришелъ въ церковь и бонза, у котораго я угощался чаемъ...

*) Продолженіе. См. ноябрь.

Всѣ, прибывшіе съ нами изъ Тоокёо и для насъ изъ Кёото; всѣ мѣстные и собравшіеся изъ окрестностей хрістіане; нѣсколько наиболѣе почтенныхъ язычниковъ; вотъ и всѣ, при которыхъ состоялось освященіе престола и храма.

Владыкѣ архіепископу сослужили благочинный—протоіерей о. Сумеонъ Мій, прот. о. Петръ Булгаковъ, о. Сергій Судзуки, о. Тома Маки и о. Тома Такеока при діакопѣ Петрѣ Уцида.

Конечно, обычнымъ порядкомъ, лишь на японскомъ языкѣ, совершалось освященіе храма. Читанныя внятно, громкимъ голосомъ молитвы не могли, конечно, не войти въ уши язычниковъ. И хотя всѣ они стояли «истуканами», тѣмъ не менѣе хорошо уже, что *стояли*: и помимо воли они могли ознакомиться съ тѣмъ, чего обычно предпочитаютъ не знать, и что въ то же время отрицаютъ! Не въ тѣснотѣ среди народа, не при красномъ звонѣ прошли мы и съ крестнымъ ходомъ, сзади котораго, конечно, язычники не ходили.

Литургію сослужилъ Владыкѣ и я. Вышедшее было «начальство» къ херувимской пѣсни возвратилось и терпѣливо стояло не только литургію до конца, но и молебень. Вся главная часть литургіи съ ея поэзією, съ ея молитвенными восторгами прошла предъ ними. И кто знаетъ, не возраститъ ли Господь въ сердцахъ кого-нибудь изъ нихъ любовь къ Себѣ? Не призоветъ ли кого-нибудь изъ нихъ въ Свою ограду? Вѣра вѣдь всегда отъ слуха! Благодарственнымъ молебствіемъ, а послѣ него—торжественнымъ пѣніемъ «Ику то семо» (Многая лѣта) закончилось наше торжество освященія храма...

Я такъ еще недавно изъ Россіи... Еще живы въ моей памяти эти безконечные при освященіяхъ звоны, перезвоны, тривзоны... Какъ живыя, стоятъ радостныя лица участниковъ постройки храма... Тысячи богомольцевъ, рвущихъ на части кусочки мыла, бросающихъ на престолъ платки... Всего этого не было въ такомъ количествѣ, а кой чего—и совсѣмъ, здѣсь... Но радость хрістіанъ, получившихъ себѣ храмъ, радость Владыки, которому Господь судилъ соорудить и еще святилище Себѣ, велика! Со стороны же язычниковъ мы не видѣли по крайней мѣрѣ ни смѣху, ни тѣмъ болѣе злобы!..

Непосредственно послѣ литургіи, всѣ участники торжества хрістіане и приглашенные язычники собрались въ помѣщеніе мѣстнаго клуба:—единственное помѣщеніе, гдѣ можно было заказать «съ позволенія сказать» европейскій обѣдъ, и хотя

хозяева упирались долго, навязывая обѣдъ скоромный, тѣмъ не менѣе и постнымъ обѣдомъ накормили мы весьма сытно! Подавались всякія рыбы, во всевозможныхъ приготовленіяхъ, всѣ ѣли все и не оставляли... Пили только лимонадъ. День былъ нарочито жаркій, поэтому много его пили!.. И какъ мы были рады, когда наконецъ-то подали сладкое и чай по-англійски: признакъ скорого конца... Въ добромъ здоровьѣ, но нуждаясь въ отдыхѣ, возвратились мы домой. Въ шестомъ часу губернаторъ пріѣзжалъ къ Владыкѣ съ нарочитою цѣлью—поблагодарить его за праздникъ... Какая деликатность! Мы въ свою очередь благодарили его за посѣщеніе. Да и есть, мнѣ кажется, за что благодарить! Вѣдь каждая подробность освященія, всѣ наши гости, обѣдъ,—все это становилось достояніемъ мѣстныхъ газетъ. И мѣстные жители не могли не видѣть большого къ нашей церкви вниманія со стороны своихъ властей... А вѣдь окружающее настроеніе далеко не безразлично въ дѣлѣ проповѣди въ городѣ языческомъ!..

Первая служба, совершенная во вновь освященномъ храмѣ—оглашеніе одной женщины съ двумя малютками (крещеніе ея отложено по личнымъ ея обстоятельствамъ на нѣкоторое время). Не Самъ ли Господь указываетъ на назначеніе новой Церкви быть разсадникомъ Христовой вѣры на о-вѣ Сикоку!?

Послѣ всенощной состоялась бесѣда Владыки Архіепископа. Еще нѣсколько дней назадъ по разнымъ мѣстамъ города катихизаторамъ были разрѣшены объявленія на громадной величины листахъ; въ нихъ извѣщалось населеніе обимѣющихъ быть бесѣдахъ 3-го вечеромъ—«Дай-сикѣо Николая» и 4-го вечеромъ—«сикѣо—Сергія». Часамъ къ 7 веч. церковь мало-по-малу начала наполняться язычниками, а къ 7^{1/2} час. ихъ было уже достаточно; конечно—человѣкъ 40 дѣтей разныхъ возрастовъ, совершенно не знакомыхъ съ дисциплиной въ нашихъ храмахъ; но они все же не препятствовали проповѣди. Владыка Архіепископъ вышелъ послѣ службы и сѣлъ среди церкви на стулѣ. Японцы по своему обычаю, конечно, всѣ сидѣли. Уже смеркалось. Лишь свѣтъ лампадокъ у образовъ Спасителя и Божіей Матери разгонялъ тьму. Да въ паперти горѣла лампа,—оттуда постепенно входили язычники. Среди полумрака, при гробовой тишинѣ раздавалось убѣжденное слово старца-святителя. Говорилъ онъ о Богѣ единомъ, въ трехъ лицахъ познавасомъ; о твореніи всего міра изъ ничего; о твореніи человѣка. Говорилъ долго, ста-

раясь какъ можно яснѣе изложить для язычниковъ то, чего они не знаютъ и что составляетъ основу нашей вѣры. А число слушателей все росло и росло. вмѣсто утомившихся дѣтей приходили юноши, мужи и даже старцы... Какого-то слѣпца ввели и усадили подѣ-руки... Я сидѣлъ тоже среди народа. Не чувствуя еще особаго удовольствія сидѣть по-японски,— я сидѣлъ на ступенькѣ каеэдры и поэтому мало выдѣлялся среди прочихъ. И какъ умилительно было смотрѣть на этихъ язычниковъ, пріютившихся у самыхъ ногъ проповѣдника! Ни усмѣшекъ, ни улыбки! Отношеніе къ проповѣдуемому слову самое серьезное!.. Пошли же Господи свой свѣтъ въ сердца сѣдящаго здѣсь во тьмѣ народа! Не бѣжить онъ отъ Христа, и идетъ къ Нему: Эти 200 язычниковъ,—развѣ не доброе знаменіе христіанскаго будущаго?.. Послѣ Владыки Архіепископа говорилъ проповѣдь о. Сергій Судзуки, проводившій мысль о томъ, что настоящій храмъ, построенный щедро русскою благотворительницею, есть подарокъ мацуямскому народу, на который нужно отвѣтить устройствомъ церкви изъ многихъ христіанъ. Уже поздно, около 10 час. веч., расходились язычники изъ нашего храма. Господь, конечно, вѣдаетъ судьбы церкви. Онъ знаетъ, гдѣ слово наше находитъ почву добрую, гдѣ оно падаетъ на камни. Но разсуждая по-человѣчески,—можно ли было храму съ большимъ успѣхомъ начать свою дѣятельность... Завтра буду говорить я. Первый разъ въ жизни среди язычниковъ. Говорить буду о Христѣ Спасителѣ... Много я говаривалъ проповѣдей въ Питерѣ, но сейчасъ невольно сердце сжимается... И конечно,—не за блескъ проповѣди смущается оно: говорить вѣдь буду еще чрезъ переводчика... Но сознаніе, что я быть можетъ *спасу* кого-нибудь,—какое это и трудное, и вмѣстѣ отвѣтственное сознаніе! Господи, помѣги мнѣ въ моемъ выступленіи на дѣланіе новое!..

Поздно вечеромъ, сидя съ персиками въ рукахъ (а они здѣсь такъ хороши!) мы съ Владыкой дѣлили впечатлѣніемъ дня и составляли планы на ближайшее будущее. Онъ рѣшилъ выѣхать во вторникъ, 5-го числа, и проѣхать на островокъ Оки, куда выбросило послѣ Цуссимскаго сраженія 13 нашихъ моряковъ: нужно посмотрѣть могилки; да быть можетъ удастся какъ-нибудь узнать отъ мѣстныхъ жителей, не осталось ли отъ выброшенныхъ на берегъ какихъ-либо документовъ о ихъ личности. Трудная Владыкѣ предстоитъ дорога,—почти вся безъ поѣздовъ, на курумахъ и пѣшкомъ! Помогите ему, Господи!

Я же останусь здѣсь до Преображенія, когда вечеромъ и отправлюсь чрезъ Кобе въ Оосака.

4-е августа. Еще въ шестомъ часу утра начались приготовленія къ св. крещенію; а въ 6 ч. я уже стоялъ въ притворѣ, гдѣ присоединялись къ Христовой церкви пять чело-вѣкъ: два юноши въ возрастѣ 22 и 20 лѣтъ (гимназистъ), мальчикъ 12 лѣтъ, и двѣ дѣвочки лѣтъ по 14—16. Они уже давно оглашались; уже пѣли на церковныхъ служеніяхъ, совершавшихся катихизаторомъ; теперь и они сдѣлались нашими братьями и сестрами во Христѣ. Новокрещенные получили имена—Александръ, Владиміръ, Азарія, Марія и Марѳа. Владыка Архіепископъ, поздравивъ ихъ съ припятиемъ св. крещенія, дѣлалъ имъ свои наставленія, еще ранѣе благословивъ ихъ крестиками. Благословилъ новыхъ христіанъ и я, пожелалъ имъ, чтобы они, подобно св. князю Владиміру, были распространителями вѣры Христовой среди язычниковъ; подобно св. Александру Невскому, были защитниками православія отъ инославныхъ исповѣданій; чтобы они своимъ чистымъ житіемъ влекли ко Христу и своихъ семейныхъ (а присоединенные всѣ—изъ семей языческихъ).

Итакъ, для перваго дня новой церкви—пять новыхъ христіанъ! Начало вполне благопріятное... Катихизаторъ горитъ желаніемъ работать. Работаетъ сейчасъ еще надъ 8 душами; а мечтаетъ привести ко Христу въ теченіе года до 30 чело-вѣкъ. Помоги ему Господь!..

Въ 8 часовъ началась заупокойная литургія. Поминались православные воины, за вѣру, царя и отечество умершіе и въ разныхъ концахъ Японіи погребенные... Грустный списокъ!.. 373 чело-вѣка (изъ нихъ христіанъ 354 чело-вѣка)! И гдѣ-гдѣ не лежатъ сейчасъ русскія кости! Въ синодикѣ, составлен-помъ Владыкою, кромѣ именъ, есть еще особо помѣщенные свѣдѣнія: кто именно, когда и гдѣ умеръ, и гдѣ погребенъ. Оказывается 25 мѣстъ гдѣ жили военноплѣнные сейчасъ скрывають у себя умершихъ на далекой чужбинѣ защитниковъ родины!.. Мацуяма (97 чел.), Хамадера близъ Оосака (86 ч.), Нарасино близъ Тоокѳо (34 ч.), Ниносима (34 ч.), Сасебо (20 чел.), Фукуока на Кіу-сіу (17 ч.), Нагоя (15 ч.), Кумамото (13 ч.), Каназава (10 ч.), Фусими (7 ч.), Химедзи (6 ч.), Цусима (5 ч.), Кокура (4 ч.), Сендай (4 ч.), Фукуцїяма (3 ч.), Такасаки (3 ч.), Майдзуру (3 ч.), Куруме (3 ч.), Тоѳхаси (2 ч.), Дайри (2 ч.), Дзенцуудзи (2 ч.), Маругаме (1 ч.), Оцу (1 ч.), Спдзуока (1 ч.), лаз. Котохирамару (3 ч.).

Не кажется мнѣ, снова повторю, чтобы эти вѣчные памятники русскаго позора способствовали возстановленію нашего престижа на Дальнемъ Востокѣ. И неужели тогда, когда это окажется по законамъ природы возможнымъ, пельзя будетъ русскихъ людей возвратить въ Россію, устроивъ для нихъ гдѣ-нибудь подъ Владивостокомъ и братскую могилу, и братскій памятникъ?.. Японцы сдѣлали это со своими военноплѣнными, не убоившись разстояній. А мы чего бы должны были бояться?!.. Чѣмъ меньше памятниковъ позора, тѣмъ лучше для насъ!..

Послѣ Литургіи совершена была въ церкви торжественная панихида... Присутствовалъ на пей нашъ консулъ въ Кобе А. С. Максимовъ... Больно, очень больно было слушать этотъ длинный списокъ!.. И усиленно душа молилась за тѣхъ, кои не по винѣ своей умерли прежде времени, не по винѣ своей и лежатъ сейчасъ, развѣянные въ разныхъ концахъ Японіи... Господи, упокой страдальцевъ въ обителяхъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій. Вѣчная радость да будетъ для тѣхъ, кто не видѣлъ этой радости, смежая среди чужихъ свои очи на вѣки!..

Послѣ обѣда отправились мы на русское кладбище. День былъ очень жаркій. Поэтому многіе поѣхали туда на курумахъ, и лишь нѣкоторые пошли пѣшкомъ. Я оказался въ числѣ послѣднихъ, и не потому только, что подъ зонтикомъ не такъ страшень жаръ; а и потому главнымъ образомъ, что никакъ не могу привыкнуть ѣздить на человѣкѣ... Лишь крайняя нужда заставляетъ меня прибѣгать къ этому способу передвиженія, въ которомъ все же столько унижительнаго для человѣческаго достоинства!

Владыка—Архіепископъ, я, прот. П. Булгаковъ, діаконъ Д. К. Львовскій, консулъ А. С. Максимовъ, офицеръ—слушатель восточнаго института С. Д. Рудницкій—вотъ русскіе, пришедшіе сегодня къ своимъ собратьямъ. Были и наши спутники—японцы, человѣкъ 10. Литію совершалъ я, помянувъ «православныхъ сыновъ и всѣхъ, за вѣру, царя и отечество на полѣ брани и въ морѣ животь свой положившихъ». Случайный составъ богомольцевъ даль, однако, прекрасный хоръ. И сколько души, русской молящейся скорбной души чувствовалось, когда разносились чудные звуки русскаго пѣнія заупокойнаго!.. «Со святыми упокой»—не звуки одни произносились... Душа какъ бы выпрашивала у Творца покоя стра-

дальцамъ... И даетъ Онъ имъ его!.. «Вѣчная память» закончила наше моленіе... Долго побыли на кладбищѣ, мы уходили благославляя всѣхъ защитниковъ родины; магометанъ же и евреевъ поручая особому Божиему смотрѣнію. промышленности... Всѣхъ ихъ, нашихъ защитниковъ, упокой Боже!..

Вечеромъ, послѣ всенощнаго бдѣнія, назначена была моя бесѣда для язычниковъ. Уже къ концу службы собралось достаточно язычниковъ. Были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія, вызванныя вчерашнимъ опытомъ: поставленъ столъ, и на немъ лампа, — чтобы видно было и лицо говорящаго. Народъ при входѣ направлялся впередъ, чтобы не дѣлать этого во время бесѣды. Началь проповѣдывать о. діаконъ П. Уциза о томъ, что служить для насъ пищей истинной... Пока онъ говорилъ, церковь была полна, и я началъ говорить, имѣя уже до 200 слушателей. Меня переводилъ прот. С. Мій, кандидатъ кіевской академіи. Повторивъ кратко содержаніе бесѣды Владыки Архіепископа, я говорилъ приблизительно вотъ что.— Господь все создалъ добрымъ, прекраснымъ. Онъ и человѣка создалъ безгрѣшнымъ, бессмертнымъ. Но первые люди не послушались заповѣди Творца, оказали Ему «ослушаніе», согрѣшили, пали. Человѣкъ черезъ это пересталъ быть приятнымъ, безгрѣшнымъ, царемъ;—къ нему Создатель приспособилъ и природу, которая отселѣ начала приносить человѣку вредъ, или въ лучшемъ случаѣ—не стала приносить той пользы, какую могла. Нужно было возстановить человѣка въ его достоинствѣ, какъ бы вновь создать его для жизни по правдѣ. И Господь, создавшій изъ ничего перваго Адама, Своимъ всемогуществомъ далъ бытіе и второму Адаму, который родился отъ Дѣвы-Маріи и поэтому былъ *человѣкъ*, но родился безъ мужа, по наитію Божьему, и поэтому былъ *Богъ*. Этотъ Богочеловѣкъ назывался *Иисусомъ*. Мы Его называемъ Христомъ. Кратко сказавъ о годахъ дѣтства Христа Спасителя, я перешелъ къ Его общественному служенію. Коротко повѣдалъ слушателямъ: къ кому, для кого пришелъ Христосъ Спаситель («приидите ко мнѣ всѣ *труждающіися и обремененніи*, и Азъ упокою вы»); какое иго благое и легкое возложилъ Онъ на насъ (кратко заповѣдь блаженства; заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ; прочиталъ слова на мѣстной иконѣ: «о семъ разумѣютъ всѣ, что вы мои ученики, если любовь будете имѣть между собою»). Затѣмъ сказалъ я, что слова Иисуса были и дѣломъ, и кратко повѣдалъ о чудесахъ, какъ проявле-

нїяхъ Его не столько силы, сколько любви. Вотъ, кто былъ нашъ Иисусъ Христосъ въ жизни Своей!.. Однако, враги Его предали на судъ, добились его смерти; и Онъ, будучи безгрѣшнымъ человѣкомъ, сталъ вполнѣ удовлетворяющею Божью правду жертвою за грѣхи людей!.. Изобразилъ кратко страданія Христа, я повѣдалъ потомъ о Его воскресеніи, въ которомъ все человѣчество получило источникъ для новой жизни; о Его вознесеніи, въ которомъ Онъ все человѣчество привелъ къ Богу, своему Отцу. Жить, по вѣрѣ во Христа, съ Богомъ жизнью блаженной, — такова наша надежда.

Въ заключеніе своей бесѣды, я поблагодарилъ слушателей за вниманіе, высказалъ надежду, что они не станутъ смѣяться надъ тѣмъ, чего не знаютъ (—это не разумно); узнать же нашу вѣру могутъ легко, ибо мы ни отъ кого не прячемся; открыто говоримъ и свое Евангеліе всюду распространяемъ.

Свою бесѣду я пояснилъ имѣющимися на иконостасѣ изображеніями изъ жизни Спасителя. Я старался съ одной стороны быть совершенно понятнымъ, съ другой — сознательно обходилъ тѣ пункты, которые требуютъ нарочитаго и долгаго разясненія. Конечно, представленная мною схема проповѣди моей лишь сколокъ того, что я говорилъ. Значительно моему воодушевленію способствовало то, что «дай-сигѣо», укладывавшій вещи въ дорогу, не могъ присутствовать на бесѣдѣ: доселѣ не могу не сознать себя ученикомъ, сдающимъ урокъ, когда проповѣдь мою слушаетъ начальство мое! ¹⁾).

Слушали меня язычники съ большимъ вниманіемъ. Какой-то юноша лѣтъ 18—20 сидѣлъ прямо предо мною; не пропускалъ ни одного слова; а когда я пояснялъ, что есть на иконостасѣ,—онъ такъ и впивался глазами своими!.. Были и выходившіе во время проповѣди; но мѣсто ихъ почти сразу же восполнялось вновь пришедшими. При полной церкви я закончилъ свою бесѣду открытымъ исповѣданіемъ своего убѣжденія: не устояли языческіе боги и греко-римская филосо-

¹⁾ Оказалось, что Владыка во время бесѣды о діакона успѣлъ уложить всѣ свои вещи; и мою проповѣдь слышалъ отъ слова до слова. сѣдя на ступенькахъ южнаго входа въ церковь (всѣ двери были открыты). Предъ отъѣздомъ, прощаясь со мною, отъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ спокоенъ за тѣ церкви, гдѣ я буду проповѣдывать!.. Много и другого говорилъ онъ мнѣ, чего я здѣсь не передамъ; но что такъ меня ободрило на дальнѣйшіе труды!..

фія предъ христіанствомъ; — не устоитъ предъ Христомъ и Будда; и конечно не сегодня, не завтра, но наступитъ время, когда Солнце Правды Христовой озаритъ Своимъ свѣтомъ страну восходящаго солнца!..

Съ большимъ удовлетвореніемъ исполненнаго честно долга я сижу за вечернимъ стаканомъ чая... Слово Божіе съется. Христось же возраститъ его во время Свое. И лишь сознание, что не могу я говорить пока безъ переводчика весьма огорчаетъ меня... Скоро ли?.. Впрочемъ, побольше куропаткинскаго терпѣнія: въ 50 дней заговорить на новомъ языкѣ трудно. Завтра уѣзжаетъ «дай-сикёо»: что то отрывается, къ чему я уже успѣлъ привыкнуть. Сегодня уѣхали кой-кто изъ нашей компаніи. Скоро ѣхать изъ Мацуямы и мнѣ. Поѣду на новыя мѣста, къ новымъ людямъ, и теперъ—на труды!

5-е августа. Проводили владыку-архіепископа. Встали всѣ въ 5 ч. утра, напились чаю и въ 6 ч. 20 м. поѣхали въ Такахаму, — небольшой, но очень оживленный торговый портъ верстахъ въ 5 отъ Мацуямы. Простились съ владыкой, желая ему самага счастливаго пути. Въ 8 ч. отошелъ его пароходъ въ Удзино. А мы отправились домой; по пути соединяя пріятное съ полезнымъ... Путь нашъ до городка Мицу лежалъ по живописному берегу моря... То мы шли среди искусственныхъ ущелій, то выходили на откосы береговыхъ горъ и шли по широко устроенной дорогѣ. Горы покрыты прекрасной сосной. Всюду—зелень, растительность. На морѣ снуютъ пароходики, гудятъ густымъ басомъ пароходы, совершающіе рейсы въ Кубе, Симносеки. Бѣлѣютъ своими парусами лодочки... Какъ обильно бьетъ жизнь здѣсь! И какъ хорошо дышалось здѣсь при солнышкѣ!.. Здѣсь въ первый разъ я почувствовалъ вполне, что такое *морской* запахъ!..

Соблазнъ былъ великъ... Какъ пройти мимо прозрачной воды моря? И мы, выбравъ берегъ песчаный, а не каменистый, рѣшили выкупаться. На берегу лишь рыбакъ чинилъ свой баркасъ. Море было, что зеркало. Въ воздухѣ жара... Какъ пріятно было идти въ воду!.. И долго мы шли, пока оказалась достаточная глубина... Я не купался съ прошлаго года. Говорить, что за удовольствіе получилъ я!.. Однако, я часто забывался, и усиленно приходилось очищать ротъ, когда я случайно пилъ этотъ сильный соляной растворъ. Удовольствіе было настолько пріятнымъ, что не уѣзжай я завтра, — непременно опять побывалъ бы въ Мицу, въ морѣ!..

Но цѣлью нашей было, конечно, не купанье!.. Мы пробирались въ Мицу, въ одну христіанскую семью. Услугами поѣзда не воспользовались потому, что изучая Японію, я считаю необходимымъ изучить и ея природу, и всѣ стороны ея жизни... Мицу—городокъ небольшой. И даже мѣстный «Невскій пр.» такой ширины, что зонтикомъ съ середины улицы можно указывать въ магазинахъ и направо, и налѣво товары! Христіанская семья—Петръ и Софія и братъ Петра—Іаковъ; молодые люди. Нашему приходу (я ходилъ съ катихизаторомъ и Кагэтой) очень обрадовались. Лучшій японскій чай; лучшая посуда; персики; все это быстро появилось: любовь ихъ двигала, ими и нами очень чувствовалась... Сидя по-японски, мы долго, не менѣе часу, провели среди своихъ братьевъ во Христѣ. Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ они стали христіанами и я давалъ имъ наставленіе дорожить полученнымъ счастьемъ и чаще посѣщать свой храмъ...—Да, пріятно видѣть христіанина въ городѣ языческомъ! А эта иконочка Черниговской Божіей Матери, этотъ аналойчикъ, эти книжки—Св. Евангеліе и др.,—какъ все это утѣшаетъ сердце среди кругомъ царящей тьмы!..—Уходя отъ доброй семьи, я пожелалъ, чтобы она была мѣстомъ, откуда начнетъ собираться церковь въ Мицу, и къ своему утѣшенію узналъ, что уже въ этомъ домѣ, разъ въ недѣлю, собирается по нѣскольку язычниковъ и слушаютъ приходящаго къ нимъ катихизатора... Такъ то зачинается церковь Христова и въ этомъ городкѣ, и можно надѣяться, что помощью Господа эти три христіанина дадутъ плодъ достаточный...—Говорить ли о томъ, что на улицу провожали меня христіане; что они не стѣснялись и здѣсь, открыто брать благословеніе мое!!!...

Завтра—Преображеніе Господне. Я по этому случаю служилъ всенощную, выходя на литію и величаніе. Кромѣ пѣвчихъ и нѣсколькихъ христіанъ, въ церкви присутствовали два протестантскихъ миссіонера и нѣсколько язычниковъ.—Невольно я вспомнилъ 5-е августа минувшаго года, когда съ сотнями штиглицкихъ трезвенниковъ я ѣздилъ крестнымъ ходомъ въ Шлиссельбургъ. Да! Когда то наступитъ время, когда и здѣсь будутъ массы христіанъ, когда и они будутъ искать себѣ удовлетворенія въ молитвѣ церковной и въ благочестивыхъ упражненіяхъ?!

6-е августа. Литургію совершалъ въ сослуженіи о. Сергія Судзуки и о. Ѳомы Такеока. Я конечно служилъ еще по-сла-

вянски. Немного было и молящихся: вездѣ у язычниковъ работы,—гонить нужда на работу и христіань!..—Послѣ литургіи посѣщаль христіанъ. Еще по пути насъ встрѣтили новокрещенные Александръ и Владиміръ. Они поселились пока въ японской гостинницѣ. Видно, что они насъ ждали съ радостью! Кофе, яблоки, виноградъ,—все ими предлагалось отъ сердца. А мы принимали ихъ угощеніе съ благодарностью... Хорошіе юноши, подающіе надежду большую! И дай Богъ, чтобы они дѣйствительно стали тѣми столпами, какими ихъ чають видѣть: твердые въ вѣрѣ христіане такъ нужны вездѣ, и такъ дороги въ такомъ новомъ для христіанства пунктѣ, какъ Мацуяма.—Мы въ домъ новокрещенной Марѣи... У нея отецъ—больной ногами, мать, и маленькія братья и сестры... — всѣ язычники. Дѣвочка встрѣтила насъ съ радостью. Перекрестилась истово (такъ дѣлають всѣ христіане; вѣроятно, желая показать свою вѣру), а я ее благословилъ... И поразили меня ея родители! Послѣ всѣхъ церемоній привѣта, они начали благодарить меня за то, что мы хлопотали около ихъ дочери (я то меньше всѣхъ!). Я поблагодарилъ родителей за то, что они не препятствовали Марѣи удовлетворить желаніе сердца своего; говорилъ имъ, что христіанство учитъ любви ко всѣмъ, и только любви и всему доброму научена будетъ и дочь ихъ; ихъ просилъ ее любить по прежнему; а Марѣю наставлялъ любить своихъ отца и мать и горячо молиться за нихъ...—Удивительно мирная атмосфера царилла около насъ. Съ большимъ почетомъ, съ благодарностью за посѣщеніе, которое надолго останеца памятнымъ, провожала меня эта языческая семья съ Марѣи-христіанкой. Марѣи — воспитанница гимназіи.

Въ домъ новокрещенной Маріи (—тоже гимназистка) мы встрѣтили опять необыкновенное радушіе! Хлопотала и сама Марія, и ея братишка, л. 12, Азарія, тоже крещенный 4-го числа. Но болѣе всѣхъ, конечно, ихъ мать—язычница. Она вдова; лишилась своего мужа (военнаго чина) уже давно, и теперь всю свою душу отдаетъ воспитанію дѣтей... Явился кофе, груши... Но не это было пріятно, а та благодарность, которую мы услышали за хлопоты отъ матери-язычницы... Гдѣ тутъ нетерпимость? Гдѣ тутъ гоненіе на Христа?... Но это и не безразличіе, не индифферентность въ вопросахъ вѣры!.. Нѣтъ,—это тихое, но глубокое сознаніе превосходства восходящаго солнца правды предъ заходящимъ Буддой.—Мы зашли

въ семейство оглашаемаго. Большая семья! Что-то больше 6 человекъ! Оглашается собственно хозяинъ. Но можно ли сомнѣваться, что за нимъ послѣдуютъ и его дѣти и такимъ образомъ получится полная домашняя церковь?.. Мы побесѣдовали въ этой семьѣ достаточно и я выразилъ надежду, что въ слѣдующій разъ найду уже здѣсь Христа. Предупредилъ, однако, чтобы оглашаемый не считалъ того, что получить отъ катихизатора, *полнымъ* ученіемъ: онъ долженъ будетъ всю жизнь учиться, проникать глубины христіанства и тогда все же не сможетъ сказать: я знаю все...—Глубокимъ поклономъ провожали насъ члены этой семьи, пока только слышавшей о Христѣ!—Но все, что мы видѣли, меркнетъ предъ тѣмъ, что мы встрѣтили въ семьѣ Лукіи, недавно крещенной... Лукія—дѣвочка лѣтъ 10. Отецъ ея, язычникъ, довольно богатый; по нашему—извозопромышленникъ: имѣетъ около 60 курума. Едва только мы вошли,—выбѣжала радостная Лукія, перекрестилась, взяла благословеніе... Какъ-то особенно пріятно было привѣтствовать эту героиню. Поступивъ въ нашу воскресную школу, она скоро полюбила Христово ученіе, и выразила настойчиво желаніе принять христіанство; окружающіе ее родители, братья и сестры—всѣ язычники, но она этимъ не смутилась. Получивъ отъ родителей разрѣшеніе, она и сдѣлалась христіанкой, съ именемъ Лукіи. Услышавъ наши голоса, выскочилъ изъ-за перегородки отецъ, и привѣтствовалъ насъ радостнымъ «*do vouso*»—«пожалуста». Мы начали снимать обувь. И здѣсь произошло препирательство между мною и отцомъ: тотъ во что бы то ни стало хотѣлъ снять мою обувь. Но мои ботинки меня выручили, и я во время спора успѣлъ сдернуть ихъ.—Поразительное уваженіе ко мнѣ, представителю другой вѣры!—Мы поднялись во второй этажъ. Усѣлись на полу. Я началъ обычно: поблагодарилъ отца за то, что онъ позволилъ Лукіи поступить по влеченію сердца своего; въ отвѣтъ я получилъ тоже благодарность за хлопоты, которыя понесли мы около Лукіи.—Я сказалъ отцу: Христось всѣхъ Самъ любилъ; Онъ насъ учитъ всѣхъ любить. Поэтому, и Лукію мы будемъ учить любить всѣхъ, и особенно родителей. Наша вѣра никогда не разрушаетъ семьи, а напротивъ—укрѣпляетъ.—Поклономъ благодарности были встрѣчены мои слова. Я затѣмъ сказалъ, что хотя мы прежде всего молимъ Господа о душахъ своихъ, но мы желаемъ всѣмъ и земныхъ благъ; мы и въ церкви молимъ, чтобы Господь «сокровища» вѣрую-

шихъ исполниль всякаго блага. И сейчасъ я съ особеннымъ удовольствіемъ желаю хозяину всякихъ благъ въ жизни, богатства и благополучія. Конечно,—язычникъ принялъ благожеланіе съ восторгомъ—однако, я продолжалъ, и въ богатствѣ не забывайте, что вы человѣкъ и никогда не дѣлайте того, за что было бы предъ собой стыдно... Язычникъ въ свою очередь говорилъ мнѣ и прежде всего онъ поблагодарилъ меня за то, что я не погнушался зайти къ нему, столь низкому человѣку (на это я возразилъ, указывая, что считаю его однимъ изъ наиболѣе добрыхъ представителей японскаго народа и пораженъ незаслуженнымъ гостепріимствомъ—той порой намъ уже былъ поданъ чай). «Я никогда не забуду, продолжалъ хозяинъ, этого посѣщенія и считаю его дѣломъ особой благодати Божіей». Господи! Уши отказывались слушать, что они слышали! И это говоритъ язычникъ! Да. «И во Израилѣ такой вѣры Я не обрѣталъ»,—говорилъ когда-то Христосъ Спаситель. И какъ эти слова припоминались мнѣ въ семьѣ сего язычника. Затѣмъ начались обычные разговоры. Узнавъ, что мнѣ уже 37 лѣтъ, хозяинъ былъ пораженъ молодымъ моимъ видомъ (а ему только 40, но выгладитъ куда старше!)... Я объяснилъ ему, что считаю это даромъ Божиимъ... И язычникъ со мной вполне согласился, особенно узнавъ, что я не женатъ, и что я уже 15 лѣтъ не ѣмъ мяса... Мы начали прощаться... Съ меня хозяинъ взялъ слово, что я буду у него непременно въ слѣдующій пріѣздъ въ Мацуяму; на что я заявилъ, что сочту это своимъ долгомъ... Я благословилъ Лукію, поцѣловалъ ее въ голову. Началъ одѣваться,—а мой хозяинъ, какъ Оома невѣрующій, освидѣтельствовалъ меня осязаніемъ, дѣйствительно и тѣло мое такъ же хорошо, какъ свѣжо лицо мое... Сколько трогательнаго въ этой простотѣ! Провожая на улицу и цанутствуя благожеланіями, отпустилъ насъ отецъ Лукіи... Да! Когда я пообѣщаль побывать у него еще, катхизаторъ выразилъ надежду, что къ той порѣ хозяинъ сдѣлается уже христіаниномъ. На что я замѣтилъ, что Господь Самъ влечетъ къ Себѣ, и Онъ знаетъ, кого и когда призвать въ Свою церковь. Лукію уже призвалъ,—будемъ надѣяться, что Своимъ премудрымъ промысломъ призоветъ Онъ и ея Отца! Зайдя на нѣсколько минутъ въ семью, уже оглашенную, но еще не крестившуюся (она въ это время обѣдала), мы отправились домой, дѣлаясь впечатлѣніями всего пережитаго. Мы были въ нѣсколькихъ языческихъ семьяхъ. Мы—носители

той вѣры, которую давно ли гнали, преслѣдовали? И что же мы видимъ? Отрываются въ вѣру Христову нѣкоторые члены семьи,—отцы же и матери насъ встрѣчаютъ благодарностями. И даже въ нашемъ посѣщеніи усматриваютъ особую благодать Божию! Это ли не почва, подготовленная для сѣянія! Это ли не примѣры, вдохновляющіе на работу!.. Какимъ-то окрыленнымъ я шелъ домой. И думалось мнѣ, какъ я потомъ буду подолгу бесѣдовать съ язычниками; какъ Христось черезъ мою немощь будетъ проявлять силу Свою; какъ впоследствии умножится вѣрующіе братья въ Мацуямѣ! Бесѣдуя со мной, тотъ же добрый язычникъ пожелалъ, чтобы я скорѣе изучилъ ихъ языкъ и бесѣдовалъ съ ними безъ переводчиковъ. Да! Какъ будетъ это пріятно для себя, полезно для дѣла. И дай, Боже, поскорѣе дожить до этихъ счастливыхъ дней!

Послѣ обѣда шли усиленные приготовленія къ отъѣзду. Около 6 ч. в. я простился съ церковью, съ батюшкой, съ катихизаторомъ,—съ ихъ семействами и въ 6 ч. 20 м., провожаемый на вокзалѣ христіанами, принимавшими отъ меня благословенія, отбылъ въ Такахаму. «Прощайте»,—вотъ послѣднее слово въ Мацуямѣ, которое нарочито на сей случай изучилъ молодой христіанинъ. До Такахамы (5 в.) меня проводили катихизаторъ и слуга мой Иванъ. Въ 8 ч. в. нашъ пароходъ «Минитогава-мору» отвалилъ отъ пристани, направляясь въ Кобе.

Епископъ Сергій.

Мѣсяцъ по Японіи.

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

Отъ Такахама до Кобе.

6 августа. Ровно въ 8 час. вечера нашъ пароходъ отчалить отъ берега. Слава Богу: кажется сегодня отдохнуть удастся,—пассажировъ на пароходѣ совсѣмъ мало. Но сосѣдство не очень-то пріятно: у самаго люка въ каюту поставили нѣсколько большихъ корзины съ курами, цѣбухами и утками, и они не замедлили скоро создать около себя полную обстановку курятника...

До Кобе пужно ѣхать часовъ 18—19. Билетъ I кл. стоитъ лишь 5 руб. съ коп., а II—даже 3 руб.! И за эту цѣну не только везуть, но еще поятъ и кормятъ! Удивительно дешево здѣсь переѣзды! Впрочемъ, нельзя и мечтать о тѣхъ удобствахъ, какими избалованы путники въ Россіи...

Было совершенно темно. Лишь слабый бумажный фонарь нѣсколько освѣщалъ палубу. Внизу плескали волны. Вдали по берегу непрерывной цѣпью виднѣлись огоньки. Моимъ спутникомъ на три часа оказался г. губернаторъ Мацуямы. Усѣвшись на кормѣ, мы, какъ уже знакомые, очень оживленно съ нимъ бесѣдовали. Слуга намъ подалъ кофе. Г. Андоо вспоминалъ время, когда въ Мацуямѣ были русскіе военноплѣнные... Трудно было, говорилъ онъ, ему тогда. Завѣдывалъ военноплѣнными полковникъ, который часто съ ними «не ладилъ»... Приходили офицера съ жалобами къ нему; по что онъ могъ сдѣлать?.. Одно я говорилъ всегда своимъ подчиненнымъ, чтобы они неизмѣнно помнили, что «русскіе, конечно, не гости наши, но онѣ—и не преступники, не враги», и чтобы со-

образно съ этимъ устанавливали свои отношенія къ плѣннымъ... Г. Андоо съ удовольствіемъ вспоминаетъ время, когда онъ 35 лѣтъ назадъ пріѣзжалъ въ Россію учиться (въ Сѣв. Ип—тѣ), и ее изучать. Онъ въ совершенствѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ; много путешествовалъ по Россіи; увидѣлъ Россію «и бѣленькою, и черненькою», и поэтому полюбилъ ее. Когда мы, говорилъ г. Андоо, пробыли въ Россіи 8 лѣтъ, уѣзжали изъ Россіи, мы *плакали*: такъ мы сумѣли узнать и полюбить ее.— Въ настоящее время, занимая отвѣтственный постъ, г. Андоо причисляется къ той группѣ японскихъ политическихъ дѣятелей, которые твердо настаиваютъ, что о Россіи нельзя судить по отзывамъ газетъ англійскихъ и американскихъ; что ее нужно «*понять*», а для этого необходимо изучать ее и на мѣстѣ. При взаимномъ пониманіи, котораго у насъ не было, не было бы и той печальной страницы въ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Японіи, которая такъ неожиданно и мрачно явилась...—Изъ частныхъ, заслуживающихъ вниманія, не могу умолчать о прекрасномъ отзывѣ *о русскомъ солдатѣ*, который былъ сдѣланъ г. Андоо.—Съ большимъ уваженіемъ онъ относится къ Владыкѣ-архіепископу, трудами котораго устроилась «святая православная церковь»,—знаменательно такое почтительное отношеніе язычника къ православной церкви? Впрочемъ, русскому-то языку Андоо началъ учиться въ нашей семинаріи!—О многомъ и другомъ мы бесѣдовали съ г. Андоо и онъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Симпатична и самая обстановка его жизни. Домъ у него въ Мацуямѣ очень хорошій, но вполнѣ японскій. Вышелъ онъ ко мнѣ въ настоящемъ японскомъ костюмѣ, и даже въ туфляхъ, безъ носковъ; какъ здѣсь мужчины обычно въ комнатахъ ходятъ. Ѣздить на велосипедѣ и по городу, и по своей губерніи; и находить это очень удобнымъ, такъ какъ можетъ легко и скоро попадать туда, куда на курумѣ ѣхать или очень долго, или совсѣмъ невозможно. А на о-вѣ Сикоку желѣзныхъ дорогъ совсѣмъ мало, почти нѣтъ. Да и не предвидятся онѣ: слишкомъ много горъ, и слишкомъ недостаточно населенія, чтобы при самомъ сильномъ движеніи окупались расходы по постройкѣ дороги...—Вообще, г. Андоо типичный представитель той націи, что по его словамъ—«за очень малыя деньги дѣлаетъ очень много дѣла», не гоняясь за внѣшнимъ блескомъ, за представительствомъ.

Откланявшись сердечнѣйшимъ образомъ, я не дождался

11 час. вечера, и отправился въ каюту. гдѣ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ найти подходящее для головы положеніе (спальныхъ приборовъ, конечно, нѣтъ), все таки устроился, положивъ руку вмѣсто подушки, и заснулъ... Помогла мнѣ нѣсколько подь утро уже, какъ послѣ оказалось, японская подушечка: это—деревянная подставочка, вершка 4 въ ширину, вершка 3 въ вышину; основаніе нѣсколько шире верха; къ ней прикрѣпленъ мягкій валикъ... Я «почувствовалъ», что «снарядъ» этотъ—для головы, взялъ его съ полки. и очень хорошо на немъ спать.—Дамы употребляютъ его для того, чтобы не портить своей прически.—Но мнѣ кажется, что такія подушки и гигиеничны весьма, такъ какъ воздухъ постоянно окружаетъ голову, и вставая утромъ, не чувствуешь, что вся твоя голова мокра, что такъ обычно здѣсь въ эти жаркіе мѣсяцы.

7-е августа. Уже образовавшаяся привычка подняла меня и теперь въ шестомъ часу утра. На пароходѣ уже начиналась жизнь. Всѣ вставали и умывались. Умывалень, подобныхъ нашимъ, нѣтъ. Да и самый способъ умываться *иной*. Наливается небольшой тазъ воды, и японецъ, положивъ въ него свое коротенькое полотенце—«тенугуй», долго этимъ полотенцемъ моетъ свои руки... Затѣмъ, смѣнивъ воду, и выжавъ тенугуй, онъ опять же полотенцемъ моетъ свое лицо: руками мыть лице у нихъ не принято! Выжавъ хорошо тенугуй, японецъ имъ же и вытираетъ свое лицо, конечно, поэтому нѣсколько послѣ мытья всегда влажное.—Тенугуй остается при японцѣ влажнымъ весь день, и онъ имъ въ жаркую погоду постоянно утирается...—Я тоже пошелъ на палубу, и дождавшись своей очереди, мылся, однако, по своему, хотя бы потому только, что пока тенугуевъ не имѣю. А удобная вещь! И несомнѣнно,—удобиѣе въ жаркую погоду нашихъ носовыхъ платковъ!

Въ бѣломъ подрясникѣ, въ бѣлой шляпѣ, въ носкахъ (сапоги здѣсь снимаются при входѣ на пароходъ, и замѣняются или туфлями, или «зоори») усѣлся я опять на корму парохода и съ восхищеніемъ снова любовался тѣмъ моремъ, которое такимъ очаровательнымъ показалось мнѣ вечеромъ, при зупѣ, когда мы ѣхали изъ Удзино въ Такахаму. Слишкомъ большихъ водныхъ пространствъ пока еще не видѣли мы... Всюду,—и направо, и налево, и впереди, и позади—острова и островочки... Вотъ уже давно-давно тянется островъ на-

право... Горы его то покрыты лѣсомъ и манятъ къ себѣ своею зеленью; то вдругъ зажелтѣютъ своими песками. Въ разныхъ мѣстахъ видны береговыя поселенія... Рыбачать рыбаки на своихъ душегубкахъ, поражая европейца своимъ упрощеннымъ до крайнихъ предѣловъ костюмомъ, близкимъ къ костюму нашего праотца до паденія его; и во всякомъ случаѣ,—не сложили же его костюма по паденіи... Здѣсь же, въ лодкѣ маленькія ребята—японцы, лѣтъ до 3—4 включительно; они то, конечно, всѣ «нагишомъ»... Невольно думаю,—такъ вотъ когда и какъ привыкаютъ къ морю, начинаютъ любить его, и потомъ даютъ отечеству блестящихъ моряковъ:..—Вотъhalb должно быть очень высокія горы... Набѣжало громадное облако... Ползеть по нимъ... Вотъ-вотъ проскочить среди облака синева горъ, но набѣжавшее облако вновь скрываетъ ее... Красиво!.. И не одинъ я, а привыкшіе къ своимъ красотамъ японцы,—и тѣ берутъ бинокли и засматриваются чудными картинами!..—Вотъ, что оторванный, стоитъ среди другихъ маленькій-маленькій островокъ... Но отъ него идетъ рядъ скалъ... И этотъ рядъ скалъ ясно говоритъ, что *да*, этотъ островокъ дѣйствительно оторванъ!..—Изрѣдка на берегу видѣтся дымокъ:—то или заводъ, или какая-нибудь фабрика... Среди такихъ-то прелестей шель нашъ пароходъ, двигаясь понемногу впередъ.—Но вотъ и городъ Такамацу! Мы вошли въ его гавань и причалили къ пристани.

Въ Такамацу стояли около часа, но на берегъ не сходили, такъ какъ пароходъ могъ всегда отчалить, окончивъ погрузку товара. Съ парохода видѣнъ былъ довольно большой городъ и въ немъ обширная крѣпость изъ тесанаго булыжника,—принадлежность всѣхъ, кажется, старинныхъ большихъ городовъ..

Пассажировъ къ намъ сѣло очень мало. Но погрузили товару, особенно рису, очень много. Судно съ рисомъ причалило къ нашему пароходу, и кули съ рисомъ такъ быстро залетали въ умѣлыхъ рукахъ рабочихъ! Но пѣсни, заунывныя пѣсни,—какъ своимъ мотивомъ они напоминаютъ нашу «Дубинушку»! Погрузивъ послѣднее мѣсто, рабочіе быстро раздѣвшись, здѣсь бросились въ море. И конечно, только такъ они и могли охладиться послѣ своей тяжелой работы въ жаркій день.

Вся пристань заставлена фруктами; персики же превосходны. Такихъ вкусныхъ и крупныхъ я еще не видалъ! А говорятъ, что на о-вѣ Сикоку они не такъ давно и появились, чуть ли

не со времени послѣдней войны. Поразительна и дешевизна ихъ: самые крупныя и самые зрѣлыя покупалъ я по 20—25 коп. за десятокъ. Пассажиры здѣсь тоже достаточно нагрузились фруктами...

Отъ Такамацу мы шли безъ остановки до Кобе. Конечно, береговъ ни разу изъ вида не потеряли; по этотъ переѣздъ совершался уже по болѣе открытому морю. Встрѣчались пароходы и пассажирскіе, и грузовые. Неизбѣжныя всюду рыбаки.—Около 2 час. дня мы уже подходили къ Кобе, а около 2½ ч. дня, пройдя мимо громаднаго количества коммерческихъ судовъ (Кобе уступаетъ по своей торговлѣ лишь Йокагамѣ) причалили къ пристани.

Кобе.

Встрѣтилъ насъ представитель здѣшнихъ христіанъ, которые заранѣе разузнали о моемъ проѣздѣ и теперь собрались въ одномъ домѣ, чтобы получить отъ меня благословеніе и послушать моего наставленія. На курумахъ мы пріѣхали въ домъ Даниила Цуда, — онъ занимается вырѣзываніемъ печатей. Поднялись на верхъ... Тамъ было 14 человекъ, изъ 20 христіанъ, числящихся въ Кобе. Я всѣхъ благословилъ, и когда мы усѣлись на полу, я сказалъ приблизительно слѣдующее: «я радъ привѣтствовать сейчасъ христіанскую общину г. Кобе. Небольшая она, — но слава Богу и за то, что она существуетъ. Какъ среди глубокой тьмы ночной привѣтливо заскаютъ глазъ яркія звѣздочки, такъ отдыхаетъ и душа моя, при видѣ этихъ христіанъ, какъ звѣздочки горящихъ среди мрака язычества. Горите же, братья и сестры! Горите яркимъ огнемъ вѣры и любви. У всѣхъ насъ есть Солнце Правды — Христосъ Спаситель. Онъ оставилъ намъ примѣръ Своей жизни. Читайте св. Евангеліе, — и вы увидите, какъ нужно жить, чтобы ярко горѣть своею жизнью среди язычниковъ. Христосъ оставилъ намъ Свое возвышенное ученіе. Читайте св. Евангеліе, принимайте его своимъ сердцемъ, — и вы невольно по своей жизни сдѣлаетесь свѣтильникомъ, горящимъ въ темномъ мѣстѣ! — Вамъ, этой малой общинѣ, необходимо горѣть огнемъ вѣры и любви... На васъ вѣдь всѣ смотрятъ; по вамъ судятъ о Христовой вѣрѣ. Не будете жить по примѣру и ученію Христа, — имя Его будетъ всѣми хулиться среди язычниковъ. Будете жить по ученію Христа, — своимъ добрымъ примѣромъ, а можетъ быть и убѣжденнымъ словомъ, вы при-

влечете ко Христу тѣхъ, которые сейчасъ не въ оградѣ церковной. И умножится тогда христіанская община наша...—Итакъ, на свѣтлую жизнь по Христову завѣту я и благославляю васъ».—По окончаніи моего привѣтствія начались сердечные разговоры... Одинъ изъ дѣтей, еще грудной младенецъ, потянулъ ко мнѣ ручки... Я его взялъ на руки:—онъ такъ хорошо улыбался!.. Но однако добрался до моихъ волосъ, и я наглядно убѣдился, что всѣ дѣти одинаковы!.. Около 1/2 часа мы провели съ христіанами.

Затѣмъ, я сдѣлалъ визитъ нашему конзолу А. С. Максиму... Русью запахло у него! И эта вывѣска съ нашимъ двуглавымъ орломъ и старинною надписью; и варенье къ чаю, и русскіе конфеты Ландрина... Невольно мысленно перенесся на далекую-далекую родину!..

Въ 5 ч. 20 м., провожаемый представителемъ христіанъ, я сѣлъ въ поѣздъ и *черезъ 50 м.* прибылъ уже въ Осака. На вокзалѣ встрѣтилъ меня катихизаторъ, а въ миссійскомъ зданіи—о. Сергій Судзуки и человекъ 20 христіанъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій я расположился въ имѣющихся здѣсь архіепископскихъ комнатахъ.

Оосана.

8-го августа. Удивительное умѣнье у Владыки Архіепископа выбирать для миссійскихъ зданій красивыя и удобныя мѣста! Прекрасенъ нашъ Суругадай въ Тоокёо, царящій какъ бы надъ городомъ... Красиво наше мѣсто въ Мацуямѣ... Въ лучшей части города—восточной (а Оосака дѣлится на 4 части: восточная, западная, сѣверная и южная) находится наше мѣсто и здѣсь!.. Одной стороною (около 30 с. дл.) оно выходитъ на улицу, противоположная сторона круто обрывается къ р. Ёдокава, имѣя внизу до рѣки нѣсколько домовъ. Въ ширину мѣсто занимаетъ около 17 саж. и граничитъ съ сосѣдями.—Прежде здѣсь помѣщался лучшій ресторанъ въ городѣ, съ видомъ на рѣку и три ея моста (почему ресторанъ и назывался «Санкё-роо» = трехмостныхъ). Теперь—эти зданія заняты церковью, квартирой діакона, архіерейскими комнатами, катихизаторомъ и др. служащими при церкви. Мѣста въ домѣ очень много, комнаты всѣ просторны. И жаль лишь, что все это уже обветшало, частью сгнило, частью подгнило; и требуетъ не ремонта, а замѣны его новымъ. Господь дастъ,—скоро и начнется здѣсь постройка, сначала домовъ, а потомъ и церкви!

Часть денегъ на церковь уже есть: это щедрый даръ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны (5.000 р.) и всѣ пожертвованія, собранныя преосв. Андроникомъ и др. на церковь въ Мацуямѣ и переведенныя сюда (около 8.000). Надѣмся, что Господь пошлетъ добрыхъ людей, и ихъ помощію воздвигнется храмъ, приличный для города, въ которомъ уже сейчасъ около 1.200.000 жителей!.. Дай-то, Господи!

Настоящая церковь—во имя Покрова Божіей Матери. Она занимаетъ большую комнату стараго японскаго дома. Алтарь довольно тѣсный, и хотя надъ престоломъ потолокъ нѣскольکو возвышенъ, тѣмъ не менѣе возгласы раздаются какъ то глухо, будто изъ гроба! Иконостасъ до потолка церкви, т. е. аршина 4 въ вышину! Икона Спасителя и Божіей Матери, Св. Пантелеймона и Александра Невскаго писаны на Доонѣ, и какъ значится на обратной сторонѣ ихъ, посланы для о. архимандрита Анатолія, извѣстнаго дѣятеля здѣсь,—«*въ городъ Японію*»... Память о томъ счастливомъ времени, когда Японію могли считать еще городомъ! Какъ быстро мѣняется исторія! Изображенія двухъ архистратиговъ дополняютъ иконостасъ. На стѣнахъ — большіе образа Спасителя, Б. Матери, св. Николая и преп. Сергія. Въ небольшихъ багетныхъ рамкахъ—иконы 12-ти праздниковъ. Низкій, довольно закоптѣлый потолокъ. Въмѣсто двухъ стѣнъ—стеклянные ширмы, въмѣсто третьей—обычныя ширмы... Духота при нѣкоторомъ скопленіи народа... Какъ все это настойчиво говоритъ, что пора уже Оосакѣ дать церковь, которая и для молитвы была бы удобна, и взоры всѣхъ къ себѣ привлекала бы: не Христу прятаться отъ Будды!—

Такъ называемыя «архіерейскія комнаты»... Въ нихъ жили о. архим. Анатолій, о. архим. Владиміръ, преосв. Андроникъ. Временно помѣстился въ нихъ и я, не намѣреваясь, по волѣ владыки, переѣзжать сюда до постройки новаго приспособленнаго помѣщенія... Что онѣ изъ себя представляютъ?.. Въ одной комнатѣ кабинетный столикъ, койка (устроенная, вѣроятно, человекомъ оч. низкаго роста) и въ стѣнѣ шкафикъ для одежды. Два окна. потолокъ легко достается рукой.—Но въ комнатѣ есть чугунка, комната оштукатурена, одна стѣнка ея снаружи обложена даже кирпичемъ. Можно думать, что зимой здѣсь и не столь холодно. Но размѣры ея не велики: 6 шаговъ въ длину и 6 шаговъ въ ширину.—Другая комната

которую можно назвать гостинной, или заломъ, или столовой— на всякую потребу (смотря по времени, или по гостямъ) нѣсколько больше: 6 шаговъ въ длину, и считая нишу съ библиотечными полками уже—8 шаговъ въ ширину, съ низкимъ опять потолкомъ. Но здѣсь чугушки нѣтъ. Въмѣсто окна—стѣклянная стѣнка изъ раздвижныхъ рамъ. Едва ли здѣсь зимой можетъ держаться тепло! Къ комнатѣ примыкаетъ небольшая галлерейка.—Вотъ и вся архіерейская квартира!—Невелика она! Но утѣшаться можно тѣмъ, что у владыки-архіепископа въ Тоокёо квартира едва ли больше!... А кромѣ того,—видъ на рѣку, на Оосака, отсутствіе днемъ солнца,—все это—развѣ не достоинства квартиры! Правда,—густой дымъ фабричныхъ трубъ, непрерывный стукъ на заводахъ; запахъ варенаго масла съ завода, пріютившагося почти рядомъ съ нами; но все это такъ знакомо петербургскому жителю, что я пональ здѣсь какъ бы въ старую, родную атмосферу!..—По комнатамъ и мебелировка! Но все необходимое есть: можно и писать, и обѣдать, сидя по-европейски; на галлерейкѣ же очень пріятно и помечтать послѣ обѣда!..—Въ такой-то обстановкѣ я сейчасъ поселился и буду жить до переѣзда въ Кёото.

Намѣревался было я сразу же посѣщать христіанъ; но о. Сергій Судзуки увѣрилъ меня, что это лучше сдѣлать послѣ предположеннаго по поводу моего пріѣзда «кангейкая»,—а онъ будетъ лишь 10-го. И я, согласившись съ нимъ, занялся осмотромъ и изученіемъ города.

Ближе всего къ нашему храму оказалась *оосакская крѣпость*. Изъ дикаго камня, съ бѣлыми башнями, окруженная ровомъ, эта крѣпость очень красива и въ свое время могла быть очень сильною. Построена крѣпость Хидеёси въ 1583 г.; въ настоящее же время въ ней стоятъ войска.—Внутрь крѣпости я не пытался проникнуть,—да и не интересовала меня она съ этой стороны. Ограничился же я бѣглымъ наружнымъ ея осмотромъ.

По намѣченному плану осмотра мы съ Кагэтой должны были пройти въ длину почти всю улицу къ морю. И хотя меня предупреждали, что улица—очень длинная, тѣмъ не мене я пошелъ, руководясь соображеніемъ, что города на курумахъ не изучишь... Дѣйствительно, —шли-шли, а улица, кажется, лишь прибавлялась!.. Было жарко, а это еще болѣе «удлиннйло» намъ путь. Наконецъ-то мы попали въ кварталы, сплошь занятые храмами; «изъ этихъ храмовъ подробиѣ

осмотрѣли болѣе значительныя изъ ихъ—*Коотцу*, синтоистскій храмъ, посвященный императору Нинтоку, и темнаго южняе его—*Икутама*, тоже синтоистскій храмъ. Идя по улицамъ, мы поражены были тысячами богомольцевъ-язычниковъ. Всѣ шли, имѣя подвязанными у пояса небольшіе мѣшочки, наполненные рисомъ. Смотря по усердію, а можетъ быть и по уваженію къ извѣстному храму, они и кидали въ большіе ящики у входа въ храмы или щепотки, или зерна риса... Нѣкоторые кидали даже и монеты... На улицѣ стояли бонзы, и время отъ времени позванивали въ колокольчикъ, напоминая о себѣ богомольцамъ... Щепотки риса опускались и въ ихъ мѣшки, и изъ зеренъ они собирали цѣлыя мѣшки!..—Съ храмовыхъ дворовъ пахло ладаномъ: запахъ его мнѣ почему-то сталъ противнымъ: слишкомъ нанюхался въ Мацуямѣ! Шумятъ барабаны... брячатъ какіе-то инструменты... Я зашелъ въ два храма. И вотъ что увидѣлъ... При входѣ въ храмъ, подъ особымъ навѣсомъ, въ огражденномъ шнурами мѣстѣ, совершается моленіе... Молятся за тѣхъ, кто изъявить желаніе... Впрочемъ—«кто дастъ $\frac{1}{2}$ коп., за того сейчасъ вознесемъ молитву»,—такъ при насъ торжественно заявилъ жрецъ... Значитъ—молятся за избранныхъ. Главный жрецъ сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ предъ жертвенникомъ, его обмахиваютъ большими вѣерами двое молодыхъ служителей храма (—мѣра далеко не лишняя, въ виду горящаго впереди костерка и сильнаго жара и безъ него!) По бокамъ четыре (по два на сторонѣ) жреца съ небольшими въ рукахъ палочками съ звонками. Направо отъ жреца—барабанъ, и около него храмовый служитель... Предъ жрецомъ—на жертвенникѣ огонь отъ постепенно подкладываемыхъ тонкихъ палочекъ. Надъ костеркомъ вверху болтаются, движимыя теплымъ согрѣтымъ воздухомъ бумажки на шнурѣ,—закоптѣлыя; жрецы увѣряютъ народъ, что здѣсь *чудо*: бумажки де не горятъ... Однако это чудо легко прорепетировать хотя бы надъ лампой...—Когда набралось достаточно желающихъ помолиться,—главный жрецъ торжественнымъ движеніемъ правой руки беретъ записочку на палочкѣ, и держа ее въ лѣвой рукѣ, въ правую беретъ лежащій предъ нимъ мечъ, держа его у плеча; въ такой позѣ онъ что-то заунывно читаетъ... Въ извѣстный моментъ ударяетъ его сосѣдъ въ барабанъ, а ассистенты въ тактъ барабана потряхиваютъ своими палочками, и въ тактъ же твердятъ что-то, устремивъ свои глаза въ пространство... Молитва кончена...

Главный жрецъ дѣлаетъ мечемъ какія-то движенія въ воздухѣ, а потомъ какъ бы намѣревается проткнуть имъ записочку... Но ограничивается только намѣреніемъ... Записочка передается храмовому служителю, подкладывающему огонь (кстати: въ костюмѣ, въ какомъ въ трамваи воспрещено пускать...), тотъ щипцами ее укладываетъ на костерокъ, а жрецъ на мѣсто кладетъ свой мечъ...—Я долго стоялъ, наблюдая это богослуженіе... И злобные глаза идола (богъ огня), предъ которымъ молятся, и безмысленно устремленные въ пространство глаза «ассистентовъ», и театральные приемы главнаго жреца, и совсѣмъ неприличный (отъ жары!) костюмъ прислуживающаго; шумъ барабановъ, позвонковъ, бормотанье жрецовъ; усердное шептаніе молитвъ крестьянами; а рядомъ же японцы съ напирсами и въ шляпахъ; наконецъ—«за $\frac{1}{2}$ кон. помолимся»!.. Въ какомъ-то туманѣ вышелъ я на улицу и долго не могъ разобраться въ впечатлѣніяхъ отъ всего видѣннаго... Да! *Шуму* много... И какую противоположность этому шумливому служенію составляетъ наше православное богослуженіе,—это тихое, неземное общеніе души, молящейся съ Богомъ, внемлющимъ молитвѣ!...—Долго мы шли потомъ на югъ, желая достигнуть храма *Теннодзи*, этого религіознаго центра Осака. Поражаешься необыкновенными размѣрами площади, занятой отдѣльными храмами и строениями, объединенными подъ общимъ названіемъ «теннодзи». Здѣсь самый большой въ Японіи колоколь, висящій въ особой постройкѣ, довольно изящной. Въ прудахъ—тысячи череныхъ, которыхъ кормятъ любопытствующіе богомольцы. Съ пагоды—пятиэтажной башни, куда я поднялся за 3 сена, прекрасный видъ на Осака, на поля, на море... Кстати,—отъ крыши до перилъ пятаго этажа этой башни сдѣлана проволочная сѣтка... Это на тотъ случай чтобы съ башни не кидались внизъ «влюбленные, но безнадежныя парочки», что здѣсь очень часто повторялось. Если молодые люди не надѣялись соединить свою судьбу здѣсь,—они кончали жизнь одновременной смертью, съ твердой вѣрой, что *тамъ* никто не помѣшаетъ ихъ любви... Говорятъ,—это и сейчасъ оч. часто повторяется... А еще говорятъ, что японцы не знаютъ любви!

Однако время шло очень быстро, и для того, чтобы попасть во-время къ обѣду,—а насъ сегодня пригласилъ обѣдать староста Мацукава,—мы должны были взять дзинрикися: обѣды здѣсь всегда аккуратно—въ 12 час. дня, по выстрѣлу пушки.

Впервые я ѣлъ въ частномъ домѣ японскій обѣдъ, и позволю себѣ его описать. Мы всѣ (а насъ оказалось *мужчинъ* 10 человекъ) усѣлись на полъ; усѣлись правильно японски (соединивъ большіе пальцы ногъ, мы на ноги плотно сѣли)... И если мои сотрапезники чувствовали себя, что рыба въ водѣ; то я воздержался бы это сказать про себя... Однако терпѣль! Полтора часа терпѣль!..—Хозяйка, и вообще женская половина дома за обѣдъ вмѣстѣ не садится: она наблюдаетъ «со стороны», чтобы гости кушали, и постоянно накладываетъ въ небольшія чашечки «гоханъ» (т. е. *варенный рисъ*)...—Предъ каждымъ изъ насъ поставили по большому деревянному подносу, на которомъ наставлены были всѣ яства обѣда. Вотъ здѣсь налѣво—чашечка съ рисомъ, прикрытая крышкой... Рисъ по мѣрѣ надобности прибавляется: онъ замѣняетъ хлѣбъ.—Рядомъ чашечка съ супомъ, опять прикрытая крышкой... И супъ обычно дополняютъ, ибо чашечка—не больше полутарелки... На деревянномъ блюдечкѣ—рыба жареная съ соусомъ; въ небольшой чашечкѣ наръзанная тонкими пласточками сырая рыба съ хрѣномъ. На маленькихъ блюдечкахъ, отдѣльно—такванъ (соленая рѣдька), нарацѣке (особо приготовленные дыни, пласточками), сладкіе бобы, картофель разныхъ сортовъ, разная зелень... Небольшая чашечка съ соей (безъ ней обѣдъ не состоится), въ видѣ миниатюрной чашечки сосудъ для «саке». И конечно—«ха'си»—двѣ палочки, вершковъ по 6 длины, съ нѣскольکو утонченными концами: это—вмѣсто нашихъ ножа и вилки...—Ѣдятъ какъ-то *вмѣстѣ все!* То поѣдятъ супу, то рыбы, то зелени! Словомъ,—дѣло вкуса, но не этикета или обычая. Рисъ—Ѣдятъ палочками, держа чашечку съ нимъ въ лѣвой рукѣ (большой палецъ—на верхнемъ краю; два слѣдующихъ—протянуты вдоль бока чашки; два послѣднихъ держать чашку снизу)... Супъ Ѣдятъ палочками! Точнѣе—ими таскаютъ изъ супа рыбу, зелень; жидкое же прихлебываютъ, какъ-то *втягивая* въ себя, отчего получаютъ обычные здѣсь, но не совсѣмъ красивые у насъ звуки... Рыбу, особенно сырую, прежде чѣмъ опустить палочкой въ ротъ, обмакиваютъ въ сою... Жареную рыбу разрываютъ на кусочки все тѣми же «ха'си», и очень искусно. «Такванъ» и «нарацѣке» Ѣдятъ уже въ концѣ обѣда: это нашъ сыр!..

Обѣдъ былъ поставленъ, конечно, не прямо на полъ, но на прекрасно связанную шерстяную скатерть. Однако—ставить и на полъ!

Нельзя сказать, чтобы сидѣнье по-японски развивало мой аппетитъ... Тѣмъ не менѣе, я ѣлъ обѣдъ съ большимъ удовольствіемъ. Все для нашего вкуса ново,—это правда; но все—вполнѣ хорошо; и многое, напр., сырая рыба, очень вкусно! Палочками владѣлъ въ совершенствѣ (правда, практиковался въ Тоокѳо, когда къ обѣду просилъ себѣ рису, который очень люблю), такъ что своимъ умѣньемъ удивилъ г. Мацукава! Но вполнѣ выдержалъ предъ нимъ экзамень, когда палочками совершенно твердо бралъ мелкій круглый картофель.—Кончая ѣсть рисъ, обѣдающіе всегда въ чашку наливаютъ японскаго чаю (почему чайникъ съ нимъ неизмѣнно около риса): находятъ это вкуснымъ—рисъ съ чаемъ; съ другой стороны—такъ очищаютъ чашку, ибо—риса оставлять не полагается... «Саке» попробовалъ лишь хозяинъ. Ничавъ обѣдъ поклономъ взаимнымъ, гость-японецъ кончаетъ его поклономъ благодарности, говоря «тайхѣнни годсоо—сама діасто»,—фразу не особенно и для нихъ вразумительную (что-то въ родѣ: «очень почтенное угощеніе было»). Конечно, христіане и предъ обѣдомъ, и послѣ обѣда молятся.

Такъ-то я впервые принялъ угощеніе японское, и выдержалъ вполнѣ экзамень!.. Припоминаю невольно, какъ я, вступивъ на японскую почву, попросилъ себѣ въ Цуругѣ обѣдъ... Подали японскій... Рисъ, палочки, масса блюдъ. Послѣднее не столь страшно. Но отъ палочекъ у меня тогда холодный- потъ на лбу выступилъ! Вспомнивъ все, что зналъ изъ Токѳухона по-японски, я сказалъ «сази», и мнѣ принесли ложку (сази), ножъ и вилку... Но какъ быть съ рисомъ? Ёсть его не умѣлъ, а *хлѣба* по токѳухону еще не училъ (а оказалось—слово простое, хотя и не свое: *панъ!*)... Пришлось ѣсть и безъ хлѣба, и безъ риса! А какая же *нда* безъ хлѣба!.. Пропали и мои блюда!—Теперь—думаю—я удивилъ бы въ Цуругѣ своею «образованностью».—Однако обѣдъ мнѣ ноги очень утомилъ. И послѣ сегодняшнихъ хожденій, я боюсь—не повредилъ бы онъ мнѣ ноги и серьезно!

Послѣ обѣда съѣздили мы на трамваѣ въ *оосакскій* портъ. Сѣвъ въ вагонъ въ городѣ, мы довольно далеко ѣхали за городъ среди рисовыхъ полей, пока наконецъ доѣхали до цѣли. Мои спутники, сами предложившіе эту, въ мои планы не входившую, поѣздку, все время дремали, до клеванія носомъ включительно. Впрочемъ, часы были послѣобѣденные; а этимъ занятіемъ упражнялись и другіе многіе.—Въ портѣ видъ очень

красивый. Не безъ причины сюда ѣздять оосакскіе жители ловить рыбу (конечно, въ чистой водѣ моря) и провести часокъ-другой на громадной пристани. Мы шли по этой пристани около 700 шаговъ! Доски, покрытыя когда-то какой-то смолой, страшно накалились и отъ нихъ, что отъ печки, подогрѣвало... Всюду сидятъ люди съ удочками; а нѣкоторые ухитряются ловить даже въ щели пристани!—Мы пробыли здѣсь около полчаса, осматривая въ бинокль портъ и море. И совершенно усталые двинулись въ обратный путь.

Однако вечеромъ я съ Кагэтой пошелъ опять въ городъ: очень хотѣлось посмотрѣть подробнѣе городъ, въ которомъ мнѣ, можетъ быть, придется жить. Мы шли долго-долго по длинной, узенькой улицѣ на югъ. Дойдя до намѣченнаго ранѣе на планѣ моста, мы пришли нѣсколько на западъ, и главной улицей столь же долго возвращались обратно. Главная улица!.. невольно захотѣлось смѣрить ея ширину... Переходя отъ магазина одной стороны къ магазину другой—мы ширину смѣрили: 7 шаговъ, иногда 8, и только разъ—9, да и то благодаря магазину, нѣсколько ушедшему вглубь... И на такой-то узенькой улицѣ сосредоточилась вся торговля! Народъ суетится, шныряя взадъ и впередъ; въ магазинахъ и около нихъ—заколачиваютъ ящики; среди прохожихъ лавируютъ велосипедисты.. Суета и тѣснота!..—Днемъ значительная часть улицы покрывается отъ солнца холстами, натянутыми вверху на проволоки... Впрочемъ,—это замѣтилъ я и на болѣе широкихъ улицахъ.

Для оосакскихъ уличныхъ мальчиковъ я представлялъ большой интересъ. При видѣ меня они обычно перешептывались и такъ-то внимательно оглядывали съ головы до ногъ... Иногда проходили мимо, не обращая вниманія. Развѣ про себя продекламируешь: «по улицамъ слона водили»... Но достаточно кого-либо изъ нихъ, не улыбаясь, тоже смѣрить взглядомъ съ головы до ногъ,—и всѣ убѣгутъ въ рассыпную!.. Но малѣйшая улыбка,—и наоборотъ—всѣ съ улыбками придвигнутся! Однако—сзади не бѣгутъ!.. Вообще же, не только въ подрясникѣ и съ длинными волосами; но и въ рясѣ, и въ панаги ходитъ по улицамъ здѣсь не стѣснительно: очень много воспитанности у публики. И напрасно «волтерьянцы» будутъ доказывать противное!

Ноги, казалось, отказывались служить, когда я возвращался домой. Когда же, сѣвъ при входѣ въ домъ снимать са-

поги, я сказалъ: «да, я усталъ порядкомъ»,—такой веселый смѣхъ поднялъ среди всѣхъ мой спутникъ, тоже едва приплетшійся! Вѣдь мы другъ друга все время увѣряли, что «еще ничего, не устали».

9-е августа. Необыкновенная усталость съ самаго утра. Ноги—какъ будто версты сорокъ только-что сдѣлали. Припилось отсиживаться, а вѣрнѣе—отлеживаться на кушеткѣ дома. Однако, съ обѣда нѣсколько «воскресли», и хотя немного могли посмотрѣть городъ. Подъ окнами моей квартиры направо и налево два моста. Среди нихъ за рѣкой—крыши двухъ храмовъ. Мы и рѣшили идти на правый мостъ, и посмотрѣвъ храмы и мѣстность около нихъ—возвратиться домой лѣвымъ. Такъ и сдѣлали.

Съ мостовъ открывается хорошій видъ на нашу миссію. Правда, она нѣсколько закрыта находящимися внизу и рядомъ съ нею домами. Но когда воздвигнется настоящій Божій храмъ, да съ хорошей колокольней,—несомнѣнно онъ будетъ царить надъ всею мѣстностью.

Проходя къ другому мосту, мы зашли въ *Теммо-но-Тендзинъ*, очень чтимый народомъ храмъ (синтоистскій). Громадное количество жертвованныхъ фонарей, жертвованныхъ мѣшковъ съ рисомъ, бочекъ съ виномъ говорятъ о томъ почтеніи, какое народъ питаетъ къ герою, имени котораго посвященъ этотъ храмъ.

Большой ширины улица—оказалась зеленымъ и фруктовымъ рынкомъ. Дешевизна фруктовъ меня совершенно поразила! Даже бананы приходится не дороже 3 коп. за штуку; а про фрукты мѣстные и не говорю. Черезъ мостъ, по имени храма называемый «Тендзинъ», возвратились мы домой, гдѣ ждалъ насъ обѣдъ.

Передъ всенощной прибыли воспитанники семинаріи Найто и Каминага, лѣто проводившіе поблизости на берегу моря (Сѹма), гдѣ они состояли учителями японскаго языка у русскихъ офицеровъ-восточниковъ. Прибылъ катихизаторъ изъ Вакаяма. Всѣ они собираются на завтрашній «кангейкай».

Всенощная совершена была очень торжественно. Собрались христіанъ достаточно. А пѣвчихъ—даже очень много: что-то около 25 человекъ: усилили хоръ трое изъ проѣзжающихъ въ Тоокѳо мацуямскихъ спутниковъ, и—семинаристы.—Церковь несомнѣнно низка; въ ней нѣсколько душно. Но это не мѣшало при мерцаніи свѣчекъ и лампадокъ всѣмъ горячо

молиться... Проповѣдь говорилъ пріѣхавшій изъ Вакаямы катихизаторъ. Я же буду говорить завтра послѣ обѣдни, и на кангейкаѣ.—Вечеромъ получилъ письмо отъ катихизатора изъ Оказакки съ просьбою,—сообщить день и часъ, когда я буду проѣзжать черезъ ихъ станцію въ Тоокѳо, такъ какъ христіане желаютъ получить у меня благословеніе. Я отвѣтилъ на письмо, что услышалъ голосъ оказакскихъ христіанъ, желающихъ видѣть меня, въ свой маршрутъ включу и Оказакки, и нѣкоторое время среди нихъ пробуду. Это будетъ лучше минутной встрѣчи на вокзалѣ...

Молитвеннымъ приготовленіемъ къ завтрашней службѣ закончилъ я субботу, не столь богатую внѣшними впечатлѣніями, но тихую, молитвенную, радостную! *).

Епископъ Сергій.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Мѣсяць по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

10-е августа. Воскресенье. Я совершалъ литургію, впервые рѣшившись произносить не одинъ, а большую часть возгласовъ по-японски. Доселѣ остерегался, опасаясь неправильнымъ произношеніемъ нарушить благоговѣніе молящихся.— Но первый мой опытъ былъ настолько удаченъ, что вселилъ въ меня бодрость и въ Кёото буду совершать литургіи такимъ же порядкомъ.

По окончаніи службы я обратился къ народу съ проповѣдью. Евангельское чтеніе объ исцѣленномъ у подножія Фавора бѣсноватомъ (Мѡ. XVI 1, 14—23) дало мнѣ предметъ проповѣди. И я говорилъ о твердой, несомнѣнной вѣрѣ, какъ необходимомъ условіи полученія просимаго («по невѣрію вашему»), о молитвенномъ единеніи съ Богомъ и о чистотѣ сердечной («молитвою и постомъ»), при которыхъ твердая вѣра можетъ и горы переставлять. Указавъ на то, что вся наша жизнь—постоянная нужда въ Божьей помощи, я къ молитвѣ съ твердою вѣрою призывалъ свою паству; а напомнивъ, что вся наша жизнь—есть чудо милости Божіей, я предостерегалъ паству отъ сомнѣній въ полученіи просимаго.—И я доволенъ, что слушателями былъ вполне понятъ!... А въ числѣ ихъ были и язычники.

Одинъ изъ нихъ, солдатъ, по окончаніи службы, подаль мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь! Позвольте мнѣ спросить. Я хочу посѣщать Васъ. Въ кото-

*.) Продолженіе. См. Январь.

ромъ часу сегодня можно посѣщать Васъ? Пока—прощайте. Кадетъ 8-го пѣх. пол. М.». Я его тутъ же пригласилъ къ чаю. Онъ оказался кадетомъ, въ Тоокѳо посѣщавшимъ нашъ храмъ: ему очень правилось наше четырехголосное пѣніе. Теперь же онъ служить въ полку (такъ здѣсь *все кадеты до* военного училища, кажется служатъ $\frac{1}{2}$ года) и посѣщаетъ оосакскую церковь... Мы о многомъ говорили; и договорились до вопроса: о чемъ же собственно, или о комъ молится православная церковь... Отвѣчать фразами на этотъ вопросъ было бы и не такъ убѣдительно, и довольно неопредѣленно. И я предпочелъ прочесть ему молитву, читаемую іереемъ на литургіи св. Василія Великаго во время «О тебѣ радуется».—Кадетъ-солдатъ слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ и безъ преувеличенія былъ пораженъ ея всеобъемлемостью!...—Послѣ долгой еще бесѣды, часа черезъ полтора, онъ ушелъ отъ меня, попросивъ разрѣшенія бывать у меня въ Тоокѳо, куда онъ скоро возвратится. Такъ-то,—не знаешь самъ, гдѣ, какъ и когда съется Слово Божіе!

Весь день до вечера приходили ко мнѣ за благословеніемъ христіане: это—прибывавшіе на конгейкай мои знакомые уже христіане изъ Кобе, и еще незнакомые—христіане изъ Вака-яма. Разстояніе верстъ въ 50—60 не удержало ихъ, желавшихъ видѣть и слышать своего «спкѳо»...—При началѣ служенія видѣть такую поразительную любовь къ церкви далеко не безразлично. И я сердцемъ, полнымъ любви къ вѣрующимъ и благодарности къ Богу, привѣтствовалъ ихъ всѣхъ. А самоваръ, кажется, и со стола не сходилъ!

Большая комната между входомъ въ миссіѳскій домъ и церковью прекрасно украшена. Подъ потолкомъ висятъ перевитыя нѣсколько ленты разныхъ цвѣтовъ, перекрещиваясь между собою и давая пеструю, но красивую картину: всюду подъ потолкомъ фонарики и разнообразныя издѣлія изъ цвѣтного стекла. Красные фонари съ бѣлыми крестами на нихъ во множествѣ предъ входомъ въ домъ, и вдоль дома. Впереди—пиша задрапирована матеріей, украшена зеленью и цвѣтами: это—мѣсто для ораторовъ. Въ виду многолюдности собранія, отгорожена ширмами часть церковнаго помѣщенія: здѣсь поставленъ столъ для меня и для другихъ почетныхъ гостей. Комната къ 7 ч. в. была наполнена народомъ; впереди сидѣли небольшія дѣти—мальчики и дѣвочки, ученики и ученицы воскресной школы.

Началось собраніе, конечно, пѣніемъ «Царю Небесный» (по-яп.) и моимъ благословеніемъ. А затѣмъ, по моему желанію, былъ пропѣтъ малышами воскресной школы японскій гимнь: и какъ стройно и твердо пропѣтъ!.. Отраднo было видѣть этихъ малышей, отъ дѣтства воспитывающихъ въ себѣ чувство гражданственности; и скорбно было переноситься мыслью туда, гдѣ въ этотъ возрастъ навѣрное звучно спюютъ разныя «отречемся», но не съумѣютъ снѣть своего національнаго гимна!.. Такъ то подготавлиются побѣды! Такъ то люди стремятся сознательно къ пораженіямъ и позору! — Гимнь прослушали стоя, покрыли его аплодисментами; а далѣе — «кангейкай» шель по опредѣленной программѣ.

Открылъ его самъ о. Сергій Судзуки, какъ распорядитель, рѣчью, въ которой рекомендовалъ меня собравшимся и высказалъ причины, почему они радуются и должны радоваться при *встрѣчѣ* меня. Его смѣнилъ одинъ изъ старостъ оосакскихъ г. Поликъ Курота, привѣтствовавшій меня отъ лица всей оосакской церкви. Другой староста—фотографъ г. Як. Хирота—обратился ко мнѣ лично отъ себя съ пространнѣйшею рѣчью, которая, какъ отъ него и пужно было ожидать, вся проникнута словомъ Божиимъ. — Затѣмъ начались рѣчи дѣвочекъ и мальчиковъ, обучающихся въ воскресной школѣ. Всѣ «ораторы» въ возрастѣ отъ 9 до 12 лѣтъ; входили на кафедру свободно, говорили безъ малѣйшаго смущенія, вполне подѣтски, и конечно вполне заслуженно встрѣчались и провожались аплодисментами... Что они говорили? Да конечно одно: «пріѣхалъ епископъ и мы радуемся», но ту мысль воплощали въ разныя формы, начиная отъ суворовски-краткихъ до болѣе растянутыхъ... Нѣкоторыя (изъ 9) для образца дѣтскаго краснорѣчія я позволяю привести здѣсь: «Сегодня Сергій сикѳо-сама пріѣхалъ, сдѣланный японскимъ епископомъ. Истинно сегодня мы имѣемъ радостный день. Поэтому вмѣстѣ съ вами поздравляю его. Аминь». Это говорила дѣвочка Александра Мори. Другая дѣвочка, Любовь Окамура, ораторствуетъ уже подробнѣе: «Господа! Какой веселый день мы имѣемъ! И не безъ причины такой веселый день. Мы ежедневно съ радостью ожидали «сикѳо-сама», который пріѣхалъ теперь въ Оосака. И сегодня вмѣстѣ съ вами, господа, я могу видѣть его почтенное и нѣжное лицо. Какая же это для насъ радость! Я всегда желаю надолго этому епископу остаться въ оосакской церкви и любить насъ. Аминь». Рѣчь дѣтская, женская, но въ заклю-

чительной фразѣ не безъ тенденціи, навѣянной вѣроятно со внѣ! Уже серьезнѣе о томъ же почти говорить Надежда Ооцука: «я ежедневно ожидала, чтобы «сикео-сама» пріѣхалъ; сегодня онъ пріѣхалъ въ эту церковь. Для насъ это истинная радость. И я прошу, чтобы «сикео-сама» въ оосакской церкви оставался и за насъ, оосакскихъ христіанъ, молился Богу. А мы молимъ Бога, чтобы намъ исполнить архіерейскія наставленія и увеличить оосакскую православную церковь. Аминь. Меиджи 41, восьмого мѣсяца 23 дня. Оосака». Отъ дѣвочекъ не отставали мальчики. Малютка Павелъ Мацукова, мой пососникъ и постоянный алтарный прислужникъ, говорилъ: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Я ежедневно-ежедневно ждалъ, чтобы «сикео-сама» пріѣхалъ сюда. Сегодня онъ пришелъ въ нашу церковь. Истинно я полагаю, что для меня нѣтъ радости, больше этой! Поэтому будемъ исполнять наставленія «сикео», которыя онъ преподавалъ и этимъ мы обрадуемъ Бога. Сегодня, случившись на «конгейкаѣ», я радостно и предлагаю вамъ такое слово».—Но лучше всѣхъ сказалъ мальчикъ, еще не принявшій христіанство, Кикутароо Акифуса: «я еще не сталъ сыномъ Божіимъ, но всегда ходилъ въ воскресную школу и слушалъ рассказы о Богѣ. Въ сегодняшній день, когда я встрѣтилъ давно ожидаемаго епископа Сергія, я получилъ радость, больше которой для меня нѣтъ. Когда меня сдѣлають чадомъ Божіимъ, «сикео-сама» пріѣдетъ въ Оасаку епископомъ, — объ этомъ я теперь молюсь Господу Богу. И я вмѣстѣ съ вами, господа, радуюсь и радостно съ вами встрѣчаю поваго епископа. Меиджи 41, восьмого мѣсяца 23 дня».

Меня всѣ эти дѣтскіе лепеты очень тронули; и нѣволью думалъ я: что это, какъ не ангельское благовѣстіе мира и любви при началѣ моего служенія церкви японской!.. И я вслѣдъ за дѣтскими рѣчами нарушилъ программу и въ краткихъ словахъ поблагодарилъ ихъ за то, что пережилъ въ эти минуты...

Далѣе говорили Юлія Сиракова, какъ представительница женскаго православнаго общества и Мароа Судзуки. Отъ пѣвчихъ съ короткимъ привѣтомъ выступилъ Мори (онъ же и староста), пожелавшій мнѣ «поскорѣе сдѣлаться японцемъ».—Рѣчи смѣнились пѣніемъ. По-славянски (да!) спѣли пѣвчіе «Благослови, душе моя Господа», и спѣли очень хорошо. За рѣчами катихизаторовъ Игн. Ивама и Як. Ивата слѣдовала

моя отвѣтная рѣчь, или какъ значилось въ программѣ— мои «паставленія». Я поблагодарилъ Бога, давшаго мнѣ видѣть паству, любящую пастырей, и увѣщевалъ слушающихъ сплотиться въ тѣсное братство для взаимной поддержки среди житейскихъ бурь. Пѣніемъ по-славянски «Хвалите имя Господне», а затѣмъ молитвою и моимъ благословеніемъ закончился оффиціальнѣй «кангейкай». Помѣщеніе нѣсколько сократили, закрывъ церковь, и начали часть неоффиціальную, которая была не длинной, но интересной и даже веселой. Развлекались не одни только дѣти!

Прежде всего началось угощеніе. Изъ-за занавѣси начали обносить насъ, сидѣвшихъ за столомъ, китайскимъ чаемъ, разными печеньями, фруктами, гостинцами. Последними я дѣлился съ дѣтьми воскресной школы, особенно съ ораторами... Всѣмъ же христіанамъ были разнесены хибаци съ чайниками; появились чашечки и—японскій чай; въ особыхъ бумажкахъ всѣмъ были разнесены *сласти*. Все это устраивается на средства, собранныя всѣми христіанами; и мысль невольно переносится къ временамъ, когда были еще живы «вечерн любви». Пока мы угощались, въ сосѣдней комнатѣ группа дѣтей готовилась къ представленію; но программѣ громко значилась «Идеальная красавица»... Однако, представленіе оказалось и не столь сложнымъ, и не столь страшнымъ; но очень веселымъ: дѣти, человекъ 10, стали по росту, начиная съ высокаго; имъ на лицо шнуромъ подвязали нѣчто въ родѣ маски: картонныя овалы, размѣра головы болѣе широкимъ концомъ—вверхъ; но—совершенно чистые, не зарисованные; старшая дѣвочка имѣла на лицѣ такой же картонъ, но очень красиво нарисованные на немъ глаза, брови, носъ, ротъ...—Всѣ, держась другъ за друга, стали лицомъ (т. е. картономъ) къ публикѣ. Сначала—недоумѣніе: что же дальше? Почему столь громкое названіе?—Но когда старшая роздала дѣтямъ кисточки съ тушью, и когда дѣти «нанзустъ» начали разрисовывать свои овалы-картоны, уставляя «приблизительно» на мѣсто глаза, носъ, ротъ,—смѣхъ увеличивался, кажется, съ каждымъ мазкомъ, доводя нѣкоторыхъ чуть не до истерики: ужъ очень интересныя лица получались подъ кистью этихъ, невольно слѣпыхъ, живописцевъ-малышей. Кому отдать пальму первенства «по красотѣ»,—сказать было невозможно: «всѣ были одинаково хороши!» Невинная вещь, но столько здороваго смѣха и веселья внесла она въ собраніе!..

Когда развеселившееся собраніе нѣсколько успокоилось, выступилъ со своимъ *номеромъ* 9-тній Миша Сэнума, сынъ ректора семинаріи. Маленькій, въ европейскомъ костюмчикѣ цвѣта *хаки*, загарѣвшій на берегу моря, что арабъ, онъ довольно смѣло запѣлъ одну изъ дѣтскихъ пѣсенъ про японскихъ героевъ. Задача нелегкая: и пѣть нужно правильно, и слова помнить твердо! Миша однако блестяще справился и съ тѣмъ, и съ другимъ. Въ одномъ мѣстѣ, правда, призадумался было, и ему уже «для конца» бурно апплодировали; но Миша не удовлетворился апплодисментами, а продолжалъ пѣть и довелъ свой *номеръ* до благополучнаго конца... Конечно, — не говорю уже о восторгѣ публики и апплодисментахъ въ награду за благородную настойчивость!...

Пѣніемъ мнѣ «Многая лѣта» (по слав.) закончился «кангейкай». Я уходилъ въ свою комнату подъ впечатлѣніемъ полной любви и благожелательства, что слышалось во всѣхъ рѣчахъ. А эти рѣчи дѣтей! А эти невинныя игры! Это дѣтское пѣніе! Да, умѣютъ здѣсь и веселиться! Умѣютъ съ дѣтства воспитывать чувство самостоятельности, инициативы, сознание гражданственности...

Удивительно-ли, если съ дѣтства выступающій съ рѣчью, въ возрастѣ зрѣломъ своимъ словомъ будетъ зажигать толпу; а другой, распѣвая теперь пѣсенки про своихъ героевъ, современемъ со всей душой самъ ринется въ бой.

Уроки хорошіе для тѣхъ, кто не стыдится брать уроки... А ихъ нужно брать намъ, если мы желаемъ блага своей великой родинѣ!

11-е августа. Сегодня я посѣщалъ христіанъ въ ихъ домахъ. Староста восточной части города Хирота ѣздилъ нѣсколько впереди, предупреждая христіанъ о моемъ пріѣздѣ: предосторожность далеко не лишняя, въ виду полной свободы въ костюмѣ, какую позволяютъ себѣ японцы въ домахъ въ жаркую лѣтнюю пору. Меня сопровождалъ о. Сергій Судзуки. Съ 8 ч. до 11 ч. у. мы успѣли посѣтить десять семействъ. Мужья по большей части на работѣ, или на службѣ. Исключеніе—старички, сидящіе дома. Встрѣчали насъ хозяйки, дочери и маленькія дѣти. Снявъ при входѣ въ квартиру сапоги, мы входили въ комнату. На приличномъ мѣстѣ—иконки и икона Спасителя и Божіей Матери. Помолившись — привѣтствовали хозяевъ уже сидя по-японски... Впрочемъ, въ двухъ домахъ были настолько предупредительны, что приготовили даже

стулъ для меня... Сидя минутъ 15, говорили мы о семейномъ положеніи и пр., я попутно дѣлалъ наставленія и благожеланія... Той порой, не смотря на мое предупрежденіе вчера, появлялся японскій чай (а дѣдушка Тить даже китайскимъ раздобылся и насъ угощаль!), кофе, фрукты, печенья... Видимо готовились, отъ сердца предлагаютъ и не хватало силъ отказать хозяевамъ и хотя что-нибудь мы пробовали... Да, любви къ себѣ я видѣлъ очень много. И чувствуется, что посѣщенные христіане — преданные св. церкви Божіей ея чада!..

Въ обстановкѣ домовъ и квартиръ нѣтъ—нѣтъ и проглянетъ прежнее прошлое... То на видномъ мѣстѣ изображеніе «Хотэй», одного изъ «сици-фукудзинъ»,—семи боговъ счастья; то въ другомъ мѣстѣ на длинномъ полотнѣ — изображеніе «инори» — лисицы (которую считаютъ японцы покровительницей риса, и боготворять) и надъ ней—изображеніе Богоматери. Но это—въ семьѣ, гдѣ мужъ (зюкса—городовой) еще язычникъ. Вообще же такое пріятное впечатлѣніе производятъ на тебя эти иконки Спасителя и Божіей Матери! Что-то родное—родное на чужой землѣ! А въ нѣкоторыхъ домахъ даже курили нашъ ладанъ (двѣ сестры — вдовушки, обѣ Анны), и зажигали восковыя свѣчи (дѣдушка Тить).—

Проѣзжая по одной улицѣ, мы обогнали похоронную языческую процессію. Хотя очень многіе здѣсь трупы сожигаютъ, тѣмъ не менѣе большинство ихъ еще погребаетъ. Умершаго усаживаютъ въ небольшую бочку, причемъ не очень-то церемонятся, если трупу не входитъ въ нее, позволяя переламывать ноги, хребетъ, шею...—Впереди процессіи на дзинрикися ѣхалъ бонза, сзади него—мужчина съ громаднымъ зонтикомъ, сегодня не раскрытымъ по случаю сѣраго дня. Двое мужчинъ съ большими вазами, въ конхъ помѣщены вѣтви какого-то дерева, и сзади нихъ молоденькій прислужникъ храма. Затѣмъ—умершій, скрытый въ особый ящикъ—носилки, формы усѣченной пирамиды; около него курится ладанъ. Несутъ носилки четверо. Сзади гроба на дзинрикися и пѣшкомъ — родные и знакомые. Сколько опять того, что напоминаетъ и наши погребальныя отряды! — Къ сожалѣнію, я не могъ быть свидѣтелемъ самого погребенія: нужно было посѣщать христіанъ.

Послѣ обѣда, съ 2 часовъ, я опять отправился къ христіанамъ: нужно было закончить восточную часть, и по возможности посѣтить христіанъ южной части. Ыздили теперь до

7^{1/2} часовъ, посѣтили 15 семействъ. Въ двухъ домахъ не застали никого дома. Въ одномъ домѣ насъ встрѣчали малютки 5—7 лѣтъ,—родители на работѣ. Опять вездѣ—большое радушіе, большая радость при нашемъ появленіи... Желаніе хотя чѣмъ-нибудь оказать намъ свое особое вниманіе... Не выдѣлились изъ общаго настроенія и тѣ три семьи, которыя навѣяли было на меня большую грусть... Такъ — одна старушка съ дѣтьми уже давно-давно не бывала въ церкви... Встрѣтила съ радостью. Но я ей много говорилъ о томъ, что называться только христіанкой—мало; нужно *жить* жизнью церкви Христовой, а для этого не забывать того мѣста, гдѣ эта жизнь бьетъ особымъ ключемъ: не забывать церковныхъ собраний; да и въ дѣтяхъ воспитать эту святую привычку. Въ другой семьѣ мужъ, дотолѣ дѣятельный членъ церкви, сталъ общаться съ англиканами... Жена, больная женщина, очень объ этомъ скорбѣть... Но больнымъ оказался и этотъ докторъ... Мы поднялись къ нему, привѣтствовали его; и я пожелалъ ему скорѣйшаго выздоровленія, выразилъ свою скорбь, что онъ предпочелъ англиканство въ то время, когда оно само, въ лицѣ своихъ многихъ представителей, ищетъ единенія съ церковью православною.— Вотъ мы въ семьѣ, члены которой уже давно забыли насъ, не забывая англиканъ... Но въ воскресенье, вчера, были за нашей службой, молились, къ св. кресту прикладывались, антидоръ брали. — Я здѣсь высказалъ твердую надежду, что семья эта приходила не ради только торжества, но изъ любви къ родившей ихъ церкви и пожелалъ ей постоянного живого общенія съ нами. — Такіе факты изъ жизни церкви скорбью отзываются на душѣ... Но къ своему утѣшенію я и въ этихъ домахъ встрѣтилъ наши иконы; и конечно—то же радушіе, и ту же любовь! Будемъ Бога молить, да не разединятся съ нами окончательно поколебавшіяся наши чада. А гдѣ не бываетъ колеблющихся!?

По возвращеніи домой узналъ къ великому прискорбію, что Владыка архіепископъ, благополучно съѣздившій на о—въ Оки, и возвращающійся въ Тоокёо, три часа былъ въ миссіи; но насъ не могъ дожидаться и уѣхалъ. Какъ жаль! А такъ мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ нимъ радостями, много безъ него пережитыми; подѣлиться съ нимъ своими думами; разспросить его о его путешествіи; да и посмотрѣть его: вѣдь ѣздилъ онъ не съ экспрессомъ, а всякими способами, черезъ горы... Придется ждать Тоокёо, и тамъ, за обычной часовой прогулкой,

«докладывать ему *главу*», но теперь уже не только изъ питерской жизни, но и изъ своего путешествія.

Вечеромъ у меня собрались о. Сергій, о. діаконъ, три катихизатора и мы долго бесѣдовали: очень ихъ интересуесть церковная жизнь и разные церковные обычаи въ Россіи!.. Однако,—почти дневное сидѣніе по-японски сильно сказалось на моихъ ногахъ: какъ будто я совершилъ долгій-долгій путь! И въ 11 ч. в. я простился со своими собесѣдниками.

12-е августа. Раннимъ утромъ мы съ о. Сергіемъ снова отправились посѣщать христіанъ. На сегодня намъ остались сѣверная и западная части. Съ нами ѣздилъ по сѣверной части староста Мацукова, а по западной—онъ же и староста Курота. Мы посѣтили 20 семействъ, и этимъ окончили посѣщеніе оосакскихъ христіанъ, отложивъ до слѣдующаго раза тѣхъ, которые находились въ пригородахъ.

Почти всѣ семьи полностью христіанскія. Здѣсь съ полною любовью всѣ встрѣчали насъ и мнѣ оставалось лишь просить и впередъ не ослабѣвать въ той ревности, въ томъ усердіи къ церкви Божіей, о которой удостовѣряетъ батюшка. Лишь одному, уже почти глухому мужу я внушалъ, что грѣшно изъ за ложнаго стыда не бывать въ церкви... Согрѣшилъ, но одумался, покаялся... Богъ проститъ! — А теперь — къ Нему, и опять въ братское общеніе со всѣми (бросилъ жену — христіанку, онъ жилъ нѣкоторое время съ язычницей; но теперь покаялся и семейный союзъ возстановленъ). И трогательно было видѣть, какъ искренно каялся въ своемъ поступкѣ этотъ заблудшій сынъ, и какъ радовался, слыша мое понужденіе ходить въ нашу церковь.

Лишь въ двухъ семьяхъ мы встрѣтили и язычниковъ,—въ одной певѣстка, въ другой—отецъ семейства. Но и они уже слушаютъ слово Христово», съ любовью встрѣчали насъ. И вѣрится, что недалеко то время, когда и эти семьи едиными устами и единымъ сердцемъ прославятъ Отца и Сына и Святаго Духа.

Усердію христіанъ не было и предѣловъ! Кто угощаль чаемъ всякихъ родовъ, кто — кофе, кто предлагаль печенье, конфекты, груши, виноградъ. Волей-неволей хотя немного приходилось чего-нибудь попробовать! Даже въ карманы намъ навязывали гостинцы. И мы, взявъ въ одномъ домѣ, въ ближайшемъ отдавали ихъ какимъ-нибудь дѣтямъ. Одинъ христіанинъ, по окончаніи нами сѣверной части, предложилъ даже

намъ обѣдъ: было 12 часовъ, время японскаго обѣда. Домъ г. N очень большой, прекрасно отдѣланный. Хозяинъ несомнѣнно богатый, и богатство нажилъ своимъ трудомъ. Характерно для него изреченіе, висящее на одной изъ стѣнъ его дома: «одинъ часъ стоитъ тысячи рублей»... Моимъ спутникамъ былъ предложенъ обѣдъ японскій, по мнѣ почему то европейскій: въ трехъ приготовленіяхъ рыба. Подали ножъ и вилку. Подали даже стуль!.. Но столъ японскій, рассчитанный на сидящихъ на полу, и моя пища оказывалась гдѣ-то низко, ниже моихъ колѣнъ... Хотя и не очень-то пріятно было разставаться со своимъ стуломъ; но дѣлать было нечего: пришлось опять сѣсть по японски... А за эти два дня я сидѣлъ уже такъ много, что у меня къ сожалѣнію заболѣла одна нога. Такимъ-то образомъ я обѣдалъ на половину по-европейски, на половину по-японски получился «русско-японскій обѣдъ».—Хозяева на этотъ разъ лишь угощали насъ: обѣдали одни гости.—Очень было пріятно узнать, что г. N не останавливается и передъ денежными жертвами на храмъ Божій, и даже—значительными: такъ, на новый храмъ онъ далъ 100 енъ...

Но дѣтки христіанъ! это часто—что ангелочки! Простота, доброта, безыскусственность! Вотъ въ одной семьѣ мы говоримъ, а ко мнѣ подбѣгаетъ малютка, показываетъ свой волчекъ, спускаетъ его самъ; и меня учитъ спускать его... И какъ онъ былъ радъ, когда и я сумѣлъ спустить волчекъ!.. Въ другомъ домѣ во время самыхъ оживленныхъ разговоровъ мальчикъ и дѣвочка (л. 8—5) принесли ко мнѣ цѣльный ящикъ игрушекъ. Тутъ и малютка-японецъ, тутъ и разодѣтая госпожа, и прислуга, и молодой самурай, скачущій на конѣ. И я долженъ былъ дѣлиться: разговаривая съ родителями,—пересмотрѣть и эти дѣтскія забавы (дѣйствительно хорошія). Одинъ мальчикъ лѣтъ 5-ти быстро садится по-японски при моемъ входѣ въ домъ и кланяясь до полу, отчетливо здоровается со мной: «коцни-ва...» Невольно захотѣлось приласкать этого милаго мальчугана. А когда я уходилъ, я уже самъ «подвелъ» его: отвѣсивъ ему поклонъ, говорю «сайеонара...» Но онъ быстро пришелъ въ себя, и съ прежней церемоніей отвѣтилъ прощальнымъ: «сайеонара». Но особенно мнѣ запомнилась дѣвочка 4-хъ лѣтъ. Я сижу и обѣдаю. По здѣшнему обычаю гостя почетнаго обмахиваютъ вѣеромъ, пока онъ сидитъ. Это дѣлаетъ или прислуга, или небольшія дочери... И вотъ этого-то малютку, котораго отъ земли едва

видно, усадили около меня! Усерднѣйшимъ образомъ онъ махалъ вѣромъ во все время обѣда. Лицо такое, какъ будто онъ совершаетъ какое-то священнодѣйствіе! Иногда я въ шутку бралъ отъ дѣвочки вѣрь и ее обмахивалъ: на лицѣ ея — полнѣйшее недоумѣніе; она съ удивленіемъ осматривала всѣхъ; и едва получала вѣрь въ свои руки, — немедленно же принималась опять за свое занятіе. Пришлось этому милому ребенку, а вмѣстѣ и нѣсколько большей ея сестрѣ, покупать по игрушкѣ, кажется по волчку. Вообще, дѣти здѣсь очень привыкли къ внѣшнему виду священника; не пугаютъ ихъ ни волоса, ни одежда: исключеніе очень рѣдкое!.. Дай-то, Господи, чтобы выросли они и дали св. церкви преданныхъ ея членовъ!..

Встрѣтили мы и больныхъ старушекъ, въ трехъ семьяхъ. Всѣ онѣ лежали на постеляхъ. Одну застали за чтеніемъ св. Евангелія. Болѣе отраднago явленія вообще, а въ странѣ языческой—въ особенности, и представить себѣ трудно! Одна старушка выразила желаніе приобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ; ей назначили день, когда придутъ... Вообще, по словамъ бабюшки, долгъ исповѣди и Св. Причастія христіане исполняютъ и охотно, и аккуратно. Нѣкоторые же приобщаются даже по нѣскольгу разъ въ годъ. Но несомнѣнно, и эта сторона церковной жизни много зависитъ отъ усердія и преданности своему дѣлу священника. И тамъ, гдѣ іерей тепло-хладенъ, тамъ не столь исправны вѣрующіе! Но чья здѣсь вина горше? Вѣрующихъ ли?

Съ отраднымъ чувствомъ снова отмѣчаю: не встрѣтилъ я ни одного дома, гдѣ не было бы св. иконъ! Даже болѣе: предъ многими иконами устроены небольшіе аналои, и на нихъ лежатъ книжки, ладонь, иногда—свѣчи... Это ли не показатель открытаго исповѣданія вѣры?

Итакъ, вчера и сегодня я имѣлъ возможность видѣть христіанъ японскихъ лицомъ къ лицу; не тѣхъ христіанъ, которые идутъ постоянно въ церковь, берутъ у тебя благословеніе, заходятъ къ тебѣ съ визитами; а почти всѣхъ христіанъ Осака съ ихъ разнообразнымъ общественнымъ и имущественнымъ положеніемъ, со всѣми видоизмѣненіями ихъ сердечныхъ настроеній. И какое общее мое мнѣніе о нихъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они искренно увѣровали во Христа и твердо преданы Ему. Горячность ихъ вѣры сказывается не только въ ихъ рѣчахъ, бесѣдахъ; но и въ ревност-

номъ исполненіи всего, что требуется отъ человѣка вѣрующаго: и въ церковь они ходятъ съ охотою, и на клиросѣ поютъ усердно, и на исповѣдь приходятъ аккуратно; церкви своей помогаютъ и своими жертвами, и своимъ трудомъ. Не отметають они и обрядовъ церковныхъ, истово совершая крестное знаменіе, усердно молясь на колѣняхъ, возжигая свѣчи и даже ладанъ... А братскаго общенія, а взаимной любви между ними сколько! И какъ поэтому рѣдко бываетъ, что христіанинъ или охлаждѣваетъ къ Церкви Божіей, или даже временно порываетъ общеніе съ ней... И эти печальные случаи насколько не говорятъ противъ «общаго» настроенія христіанъ, часто лишь какъ бы призывая ихъ къ особой бдительности къ себѣ, какъ бы предостерегая ихъ. Расти же, благодатью Божіею одушевляемая, оосакская церковь и возрасти въ «мужа совершенна, въ мѣру возрасти исполненія Христова!..»

Отъ того, что есть, мысль невольно посетитъ меня къ тому, что могло бы быть!.. Что такое Оосака? — Фабричный и торговый городъ прежде всего... А несомнѣнно простой, трудящійся народъ даетъ прежде всего лучшихъ по искренности христіанъ. Далѣе, — Оосака городъ съ 1.200.000 жителей! Вѣдь это — $\frac{2}{3}$ Тоокѳо! Вѣдь это — почти Петербургъ! Вотъ, что за пиву представляетъ Оосака! А дѣятели на этой нивѣ? Священникъ, діакопъ, катихизаторъ и... больше никого! Но катихизаторъ еще состоитъ и учителемъ пѣнія, и регентомъ; да онъ же съ вечера воскресенья до утра среды переѣзжаетъ въ сосѣдній портъ Кобе, гдѣ въ 1907 г. было 285.000 жителей!.. Итакъ, полтора милліона народу и три дѣятеля!.. Жатва поистинѣ *многа*, но дѣятелей такъ мало! Помогите, Господи, и этимъ тремъ (слава Богу! всѣ изъ семинаріи!) ревностно продолжать свой нелегкій трудъ. Но ясно, что силы наши здѣсь нужно по крайней мѣрѣ утроить, а если принимать во вниманіе лишь катихизаторовъ, то и удесятерить!.. И сдѣлано было бы это сейчасъ, но людей нѣтъ; а людей нѣтъ, ибо — нѣтъ средствъ на ихъ подготовку, на ихъ образованіе. А если же и есть еще кой-гдѣ люди, — печѣмъ хотя бы скромно вознаграждать ихъ!.. А вѣдь и вознагражденіе-то невелико! 14—12—10 ентъ въ мѣсяць жалованья... Господи! неужели же дѣло Твое будетъ стоять, тормозиться подъ гнетомъ грубой, но большой силы денегъ? Добрые люди! Помогите внести свѣтъ въ темную полуторамилліонную массу!.. Вотъ — въ Тоокѳо: тамъ есть работники, — не мала и церковь: до 3.000 хри-

стіанъ... А здѣсь?.. Всего лишь около 300 человѣкъ! Скоро начнемъ строить церковь для Оосака.. Въ ней будутъ молиться оосакскіе хрстіане. Въ ней будутъ поминаться погребенные въ Японіи русскіе воины... Хотѣлось бы видѣть церковь, вполне приличную по городу. Хотѣлось бы имѣть при церкви все, что можетъ влечь къ ней народъ; и прежде всего—школу. Сама молодая Царица прислала намъ жертву нескудную. Есть жертвы изъ Россіи, собранныя черезъ преосвящ. Андроника... Но какъ нужны для дѣла средства еще, еще и еще!.. Если кто-либо прочтетъ эти строчки, и сердце его «расширится», — пусть не колеблется таковой! Святое дѣло будетъ дѣлаться въ Оосака: рано ли, или поздно — по это дѣло широко разовьется! И пусть таковой хотя бы крохами отъ жизненной трапезы своей помогъ Христу, воцаряющемуся въ Японіи, пока рядомъ, но въ будущемъ — вѣзмѣтъ Будды...

Опять какъ будто не дневникъ, а воззваніе! Но люди добрые!! Поймите меня, когда предо мною въ окно видны дымящіяся трубы миллионнаго города; когда предо мною—муравейникъ трудящаго люда... А въ душѣ—сознаніе немощи, безсилія... Не просить, а кричать хочется: помогите Христовой церкви въ Оосака достигнуть большихъ предѣловъ!..

Окончивъ посѣщеніе хрстіанъ, я зашелъ въ католическій соборъ. Снаружи красное кирпичное зданіе въ формѣ креста. Но внутри соборъ этотъ меня поразилъ своимъ великолѣніемъ. Три престола, богато украшенные алтари, ковры; всѣ колонны, арки и потолки красиво обдѣланы деревомъ подъ дубъ. Даже размѣръ собора: при его высотѣ легко можетъ помѣститься въ немъ до 1.000 хрстіанъ. Вотъ, думалось мнѣ, намъ соорудить бы хотя подобное что-нибудь! Но это — конечно — мечты: слишкомъ чувствуется разница въ матеріальныхъ средствахъ! Такъ, при этомъ соборѣ, въ большомъ домѣ, живутъ епископъ, три священника и проповѣдникъ. Кромѣ того, у католиковъ въ Оосака есть священники при госпиталѣ, гдѣ тоже есть церковь. Да и третья церковь есть, только помѣщается въ японскомъ домѣ! Вотъ какъ щедро предлагаютъ и свои средства, и себя—католики, лишь бы приобрѣсти Христу язычниковъ!.. Но нѣтъ такихъ средствъ въ распоряженіи нашемъ. И здѣсь—скорбь наша!..

При осмотрѣ католическаго собора меня поразила икона Божіей Матери, самаго строгаго византійскаго письма. Даже

надписи греческія. Висѣтъ на видномъ мѣстѣ между главнымъ и правымъ алтаремъ. Къ сожалѣнію, проводникъ не могъ сказать, какимъ образомъ она сюда попала...

Вечеромъ собрались у меня о. діаконъ, катихизаторы. Распрашиваютъ все о Россіи, о русской церкви. И насколько пріятно бесѣдовать съ ними о предметахъ серьезныхъ, напр. о мощахъ; настолько тяжело отвѣчать на басни, вычитанныя ими откуда-то; напр. они спросили, вѣрно ли, что въ Россіи воръ, прежде чѣмъ обокрасть домъ, завѣшиваетъ чѣмъ-нибудь иконы; вѣрно ли, что разбойники, ограбивъ на дорогѣ, даютъ на проѣздъ до дому, и т. п. Чего только, видимо, не плетется на Россію! Бѣдная Россія!

Епископъ Сергій.

Мѣсяцъ по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

13-го августа. Сегодня усталыя ноги усадили меня до обѣда дома. И я припоминалъ все, что мнѣ пришлось видѣть во время посѣщенія христіанъ. Я посѣтилъ 45 квартиръ. Были здѣсь и комнаты вдовушекъ, были и богатые. дома старость. Но всюду меня поражала простота обстановки, однообразіе въ устройствѣ комнатъ, и слишкомъ уже легкая постройка домовъ!—Вотъ домъ состоятельнаго человѣка: войдя съ улицы чрезъ узенькую, низенькую, рѣшетчатую дверь, отодвигаемую въ сторону по рѣшетчатымъ же ширмамъ, мы стоимъ на маленькомъ пространствѣ земли, хорошо утрамбованной, или залитой цементомъ, или выложенной кирпичемъ: аршинъ-полтора въ ширину, аршина два-три въ длину. Здѣсь японцы оставляютъ свои гэта, здѣсь мы снимали свои сапоги. Отсюда шагнувъ четверти-на 2 вверхъ, мы уже стояли въ комнатѣ, сплошь устланной «татами», изъ соломы искусно сплетенными матами, вершка 1½ въ толщину. Всѣ ширмы днемъ сняты, и лишь стѣнки, въ которыя они вставляются, показываютъ намъ слѣдующую комнату, гдѣ обычно въ углу, подъ потолкомъ, устраивается божничка: пѣчто, вродѣ висящаго внизъ отверстіемъ вверхъ дномъ, оштукатуреннаго ящика. Здѣсь христіане ставятъ иконы, а язычники своихъ идоловъ, или—вѣсятъ свои изреченія и изображенія... Далѣе, обычно, маленькій дворикъ, иногда размѣромъ въ квадратную сажень. Но въ немъ всегда растетъ дерево или два и стоятъ горшки съ соснами, съ цвѣ-

*) Продолженіе. См. февраль.

тами; иногда банки съ рыбой: это домашній садикъ. Если домъ богатый, а его я и разумѣю, то за садикомъ опять есть комната—двѣ; а около садика *вездѣ*, и въ домѣ бѣдномъ, вы найдете то, что обычно прячется куда-нибудь подальше; но что здѣсь въ одной своей половинѣ устраивается даже безъ дверей. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи въ Японіи царятъ еще привычки и взгляды райскаго человѣка... Не скажу, чтобы это сосѣдство, особенно съ наиболѣе почетной комнатой, служило къ услажденію обонянія почтенныхъ гостей... Изъ такого двора, или изъ комнаты, лѣстница ведетъ во второй этажъ, если онъ есть. Лѣстница—всегда хорошо лакированная, эфирно-построенная... Тамъ, во второмъ этажѣ, всегда больше свѣта, много воздуха; всегда больше чистоты, хотя чистота и въ нижнихъ комнатахъ большая!—Отсюда особая лѣсенка идетъ на черепичную крышу, и по черепичной крышѣ на самый ея конекъ, гдѣ устраивается, на подставныхъ тумбочкахъ, досчатая площадка съ квадратную сажень величины (иногда больше, но часто меньше), съ перилами и съ угольными столбиками, сажени 1¹/₂ въ вышину: связанные между собою, эти столбики и служатъ основаніемъ для тѣхъ бамбуковыхъ шестовъ, на которыхъ здѣсь сушатъ бѣлье... Отсюда можно хоть что-нибудь увидѣть дальше стѣпъ своего «садика». Отсюда же горожане смотрятъ на пожары: по первому удару сигнальнаго колокола, кажется, всѣ крыши усѣиваются народомъ!—Таковъ состоятельный домъ. Чѣмъ бѣднѣе хозяинъ, тѣмъ меньше комнатъ. Но прихожая, 2 хотя бы маленькихъ комнатки, и «дворикъ»—«садикъ» всегда есть.

Обстановка въ домахъ самая простая. Столовъ и стульевъ нѣтъ: пьютъ и ѣдятъ, сидя на полу. Иногда бываетъ для работы или столикъ, или конторка, но на ножкахъ вершка въ 4: приспособлены они для сидѣнья передъ ними на полу. Всегда—комодъ съ 10—12 большими ящичками, и нѣсколькими маленькими. Всегда «хибаци», — или въ деревянномъ ящичкѣ, или въ глиняномъ сосудѣ,—это жаровня, съ таганомъ, съ постоянными горячими углями: отсюда закуриваютъ свои трубки и хозяинъ, и хозяйка; здѣсь всегда стоитъ чайникъ съ горячей водой (но не кипяткомъ), почему въ каждую минуту можетъ быть приготовленъ японскій чай.—На стѣнахъ нѣтъ никакихъ украшеній и картинъ; исключеніе—изреченія, написанныя іероглифами на продолговатыхъ листахъ, и въ тоненькихъ рамкахъ висящія гдѣ-нибудь подъ потолкомъ.—Изреченія пи-

шутся (или принадлежать по меньшей мѣрѣ) уважаемымъ человекомъ. Спальныя принадлежности днемъ прячутся куда-нибудь въ особый уголокъ за ширмой, и поражаютъ своей несложностью.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, японскій домикъ и домъ! Мое впечатлѣніе отъ него, конечно, не въ его пользу: и не очень свѣтло, и зимою вѣроятно не очень тепло; и не очень просторно; и вообще... какъ-то очень скучно.—Но въ этихъ домахъ живутъ и нашей европейской обстановкой, хотя бы, напр., стульями, даже тяготятся. Но, впрочемъ, смотря на внѣшнюю обстановку квартиръ нашихъ, они ею восхищаются, повторяя постоянно «кирси», «кирси» (красиво)... Но вернусь, однако, къ сегодняшнему дню.

Сегодня мы извѣстили нашего консула въ Кубе А. С. Максимова о своемъ намѣреніи съѣздить на кладбище русскихъ военно-плѣнныхъ, жившихъ въ Хамадерѣ, въ 9 миляхъ отъ Оосака. Къ 2 час. А. С.—чѣ прибылъ, и мы, показавъ ему миссію, поѣхали на вокзалъ «Намба», откуда траваемъ и направились въ Хамадеру: до этой станціи ходятъ трамваи черезъ каждыя 3 минуты. Поѣздомъ же нужно ѣхать до ст. Отсу, еще 3 мили дальше; но поѣзда ходятъ рѣже.—Проѣхали Оосака, летѣли предъ нами пригороды, проѣхали фабричный городъ Сакаи. Наконецъ, минутъ черезъ 20, мы и въ Хамадерѣ. Называется это мѣстечко «коэнь» — паркъ, и не даромъ: оно все окружено сосновымъ боромъ! Лежитъ оно на берегу моря, и сюда ѣздить оосакскіе жители на морскія купанья. А для русскаго сердца это мѣсто должно быть памятно тѣмъ, что здѣсь жили нашѣ Артурцы... до 22.000 героев-солдатъ. Въ Хамадерѣ мы взяли дзинрикиса и долго, минутъ 40, ѣхали почти до Отсу: здѣсь среди полей рисовыхъ и устроено русское кладбище. Оно обнесено деревяннымъ заборомъ, съ желѣзными воротами... Надѣво отъ входа ряды песчаныхъ холмиковъ, съ широкими плитами въ возглавіяхъ; на каждой плитѣ надпись по-русски (нѣсколько — по-польски, двѣ по-еврейски, одна по-татарски) и по-японски. Нѣсколько могилъ и направо отъ входа. Все это — артурскіе герои, сданные вмѣстѣ съ крѣпостью и здѣсь свои кости сложившіе! Вотъ кому достойно имѣть вѣчную память на родинѣ, и тамъ же — мѣсто вѣчнаго упокоенія!.. — Сразу же при входѣ, направо, стоитъ громадный камень — памятникъ, сооруженный жителями окрестныхъ селеній. Памятникъ — воинамъ, погребеннымъ здѣсь. И

какимъ симпатичнымъ онъ казался бы, если бы надпись на немъ не упоминала, что эти 89, здѣсь погребенные, изъ числа тѣхъ 22 тысячъ, что жили здѣсь. Памятникъ служитъ сразу двумъ цѣлямъ, и есть дѣло столько же—уваженія къ павшимъ, сколько и гордости своимъ подвигомъ.

Уже издали видна довольно высокая гранитная, круглая колонна съ двуглавымъ орломъ на-верху: это памятникъ павшимъ товарищамъ отъ товарищей артурцевъ. На пяти граняхъ основанія этого памятника—надписи по-русски («миръ праху вашему») и соотвѣтственныя—по-польски, по-нѣмецки, по-еврейски и по-татарски. Надъ надписями—какъ бы эмблемы вѣроисповѣданій: кресты четырехконечный, восьмиконечный, четырехконечный, что-то въ родѣ звѣзды и мѣсяцъ серпомъ... Все это объединено верхомъ: двуглавымъ орломъ. И такъ понятно, и такъ симпатично!—Но признаюсь, я никакъ не могу уразумѣть тѣхъ четырехъ литыхъ одноглавыхъ орловъ, коими увѣнчаны четыре (изъ 8) колонны ограды... Что это? Символь ли орлиной мощи защитниковъ Орлинаго гнѣзда? Или это изобрѣтеніе тѣхъ, кои на плитахъ, и на памятникѣ подчеркнули свою Польшу?.. Если послѣднее,—было бы очень-очень грустно!...

Обойдя все кладбище, мы остановились около этого памятника, и я совершилъ литію по всѣмъ, за вѣру, Царя и Отечество жизнь свою положившимъ...—Съ неба ярко свѣтило солнышко. Синѣло вблизи море, сегодня не столь спокойное. На немъ бѣлѣли паруса... Около ограды толпились собравшіеся съ полей японцы. Изъ-за кустовъ смотрѣли три солдата съ винтовками, возвращающіеся съ ученья... А мы—русскіе—бродили среди этихъ безмолвныхъ могилъ... И хотѣлось услышать голосъ отъ нихъ, отъ этихъ неподражаемыхъ храбрецовъ... И сердце мое чувствуетъ этотъ голосъ... Это вѣчный укоръ тѣмъ, что герои увѣнчали позоромъ сдачи!.. это—сильное желаніе лежать на той землѣ, за которую бѣдные солдатики родныхъ побросали, не дождались, не допивали, ночи не спали, жизни своей не жалѣли...

Упокой, Господи, души всѣхъ, здѣсь погребенныхъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій! Но дай и костямъ этимъ лечь на родной землѣ!

Въ переполненныхъ вагонахъ мы возвратились въ Оосака, и пароходикомъ, если только такъ его можно назвать, пріѣхали по грязнымъ Оосакскимъ каналамъ и рѣчкамъ къ мосту

чрезъ Едо-кова («тендзинъ») вблизи миссіи. Здѣсь меня ждалъ съ отвѣтнымъ визитомъ одинъ изъ старостъ Оосакской церкви; напившись чаю съ нимъ, я и поспѣшилъ дать отдыхъ уставшимъ ногамъ.

Однако,—почему же я такъ скоро сталъ уставать? Неужели же еще сказывается почти двухдневное сидѣніе по-японски?

14-е августа. Сегодня я оставляю Оосака и переѣзжаю въ Кёото. Все утро прошло въ сборахъ къ отъѣзду. Кажется, и собирать-то нечего. А пожилъ недѣлю,—и тутъ лежитъ, и тамъ стоитъ твоя вещь; и здѣсь твое письмо, и тамъ твоя записка!—сходилъ попроситься къ батюшкѣ о. Сергію Судзуки, къ діакону о. Петру Уцида. У катихизатора былъ ранѣе. Всѣ работники на Оосакской Христовой землѣ—умные, скромные, добрые люди... Помогли имъ, Господи, въ ихъ трудахъ! А трудовъ имъ такъ много!—Въ 12 часовъ собрались у меня пообѣдать причтъ, старосты общинъ церковныхъ и наиболѣе лежащія церкви хрістіане; всѣхъ было 12 человекъ. Я приготовилъ обѣдъ европейскій, съ пожами и вилками, и ложками... Прошелъ онъ очень семейно... Много вносилъ оживленія одинъ старецъ, восхищавшійся «ложкой»: какъ все это говорить—мудро придумано!... И однако онъ предпочелъ ѣсть зелень изъ супа вилкой!—О. Діаконъ въ концѣ обѣда сказалъ мнѣ сердечный привѣтъ; а я еще разъ засвидѣтельствовалъ свое полное удовлетвореніе всѣмъ, что встрѣтилъ среди Оосакскихъ хрістіанъ, и около 2 час. дня отбылъ на вокзалъ. Ровно въ 2½ часа подошелъ поѣздъ, а въ 2 ч. 35 м. мы уже поѣхали, оставляя позади далекую, въ копоти, Оосаку; по сердечную, бодрую, съ надеждами на хрістіанство въ пей; и направились въ *Кёото*.

Кёото.

Уже первая станція—по пути въ Кёото—Суита пріятно поражаетъ насъ полнымъ отсутствіемъ копоти и дыму. Чѣмъ дальше ѣдемъ среди полей, среди горъ, тѣмъ воздухъ становится прозрачнѣе. Переѣздъ изъ Оосака въ Кёото занялъ всего 1 ч. 19 м. Время пролетѣло незамѣтно въ бесѣдѣ съ Оосакскимъ катихизаторомъ, поѣхавшимъ для служенія со мной въ Кёото; около 4 часовъ дня я уже здоровался съ Кёотскимъ протоіереемъ о. Семеномъ Мій. Встрѣчалъ на вокзалѣ и представитель мѣстныхъ хрістіанъ.

Во дворѣ церковномъ толпой встрѣтили меня воспитанницы женскаго училища, мѣстные христіане, семья батюшки, о. діакона и катихизатора. Мнѣ отвели помѣщеніе на верху священническаго дома, гдѣ въ ожиданіи всенощнаго бдѣнія я и подкрѣплялся чаемъ, дѣлясь своими Оосакскими впечатлѣніями.

Часовъ въ 5 пришли христіане и попросили у меня «наставленій». Здѣсь вообще любятъ слушать наставленія, и къ такимъ просьбамъ всегда нужно быть готовымъ. Усѣлись они на полу, человекъ 10; а я, сидя на стулѣ, началъ свою бесѣду съ ними... Конечно, бесѣда могла быть только самою простою! Я выразилъ радость, что пріѣхалъ въ Кёото, именемъ котораго я титулуюся, я сказалъ, что смотрю на Кёото какъ на свой въ нѣкоторомъ родѣ городъ, проповѣтаніе церкви въ которомъ для меня далеко не безразлично; почему со своей стороны я постараюсь, когда получу возможность, внести долю труда въ тотъ трудъ, который здѣсь несутъ уже мѣстные дѣятели.—Отмѣтивъ далѣе тѣ препятствія, которыя распространенію вѣры Христовой въ Кёото ставятся уже тѣмъ однимъ, что Кёото—центръ религіозной жизни буддійской и синтоистской (какъ въ Россіи—Москва), я горячо призывалъ всѣхъ христіанъ сплотиться въ тѣсную семью работниковъ и всѣмъ нести долю своего труда по распространенію вѣры Христовой. Сравнивъ церковь Христову съ тѣломъ, съ организмомъ, я частью указывалъ на то, чѣмъ могутъ помочь намъ въ дѣлѣ проповѣди Христа и міряне: одни—благотвореніемъ, другіе—проповѣдью частною среди знакомыхъ язычниковъ, а всѣ непременно—доброю жизнью по завѣтамъ Христа.—Закончилась же наша бесѣда совершенно по-домашнему; и какой-то глубокой старинной, чѣмъ то изъ первыхъ временъ христіанства повѣяло,—когда я долженъ былъ имъ повѣдать, распространяется ли вѣра Христова въ Мацуямѣ, въ Кобе, въ Оосака, и твердо ли въ вѣрѣ стоятъ тамошніе братья!—Взаимно довольные, мы разстались безъ 10 м. въ 6 ч. в.; а ровно въ 6 час. раздался ударъ колокола: зазвонили на колоколнѣ *собора*.

По случаю двенадцатаго праздника и по случаю моего перваго пріѣзда встрѣчу мнѣ устроили въ церкви съ мантией. Служилъ о. Семень Мій съ діакonomъ о. Т. Кано. Пѣли пѣвчіе женскаго училища. Христіанъ немного было, — по достаточно, если принять во вниманіе, что и всѣхъ-то христіанъ въ Кёото еще не такъ много (ок. 100 чел.)! Я выхо-

диль на литію и величаніе; я же и окончилъ службу. Въ числѣ молящихся пріятно было видѣть русскаго офицера-казака, П. А. Захаревскаго съ женой и малютками-дѣтьми: съ отраднымъ чувствомъ отмѣчалъ, что и здѣсь, и въ Тоокѳо проживающіе на практикѣ русскіе студенты-восточники не забываютъ въ праздники храма Божіяго!.. Какъ съ русскими не познакомиться?! А на чужбинѣ забываются всё требованія «приличій»... Лишь бы увидѣть родное лицо!.. Такъ и съ ними я здоровался, какъ съ давно уже знакомыми! Они у меня послѣ всенощнаго пили чай. А я завтра у нихъ буду обѣдать.

Поздно вечеромъ, вдыхая полною грудью чистый воздухъ, я сидѣлъ у открытаго окна и мечталъ... Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не жить епископу кѳотосскому въ Кѳото? Почему бы благоразумно не избѣжать Оосакской копоти? Правда, видѣлъ я дыму и копоти въ Петербургѣ; но тамъ все же не летѣла сажа на кабинетный столъ кусками!

А вѣдь живя въ Кѳото, съ полнымъ удобствомъ я могъ бы работать и для него, города громаднаго (ок. 380.500 жит.), и для Оосака, и для Кобе! Переѣзды между этими городами такъ скоры и такъ дешевы!

Вопросъ этотъ теперь особенно меня интересуетъ въ виду предстоящей постройки домовъ и церкви въ Оосака. Но объ этомъ нужно говорить съ Дай-Сикѳо ¹⁾...

15-е августа. Путешествуя, чуть не забылъ я свои юбилейные дни! А вѣдь вчера исполнилось уже два мѣсяца моего пребыванія въ Японіи. Слава Богу за эти два мѣсяца! Конечно, я еще не заговорилъ по-японски, но все же и не стоялъ въ этомъ отношеніи на мертвой точкѣ. Но я успѣлъ уже нѣсколько ознакомиться съ людьми и съ ихъ правами; съ жизнью японцевъ и ея особенностями; съ христіанами и съ ихъ настроеніемъ: съ дѣятелями японской церкви; наконецъ — съ природой и ея красотами. И скажу по совѣсти: я не могъ не полюбить той нивы, на которую Господь призвалъ меня! Не отозвался на моемъ здоровьѣ и нѣсколько другой, сравнительно съ петербургскимъ, климатъ... Какъ же не сказать отъ полноты благодарнаго сердца: Богу, все къ лучшему устрояющему, за все и всегда слава и благодареніе!

¹⁾ Владыка архіепископъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ моему желанію, считая и съ своей стороны Кѳото болѣе подходящимъ городомъ для епископа. 6. IX. 1908. Е. С.

Сегодня я отслужилъ въ кёотосской церкви литургію. Церковь новая, освящена въ 1903 г., деревянная, въ честь и память Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Довольно просторный алтарь, трехъярусный бѣлый иконостасъ хорошаго письма, очень просторная церковь, масса свѣта, прекрасный малиновый коверъ;—все это такъ пріятно для глазъ, такъ от- радно для души!.. Хорошо, уютно чувствуется въ этой «ми-ленькой» (скажу по-институтски) церкви! Снаружи бѣлая, съ особо выдающимся алтаремъ, съ высокой колокольной,—цер- ковь ласкаетъ взоръ русскаго человѣка среди безконечнаго количества здѣсь буддійскихъ «тера» и синтоистскихъ «мія»! На колокольнѣ 7 колоколовъ, вѣсомъ около 98 пудовъ. Громко звонъ ихъ раздается далеко кругомъ! Въ день освященія здѣш- ней нашей церкви Микадо быть въ Кёото; и когда онъ, окру- женный свитой, сѣлся въ экипажъ, у насъ зазвонили... Ми- кадо прислушался... И этимъ молчаливо какъ бы узаконилъ нашъ звонъ (Императорскій дворецъ находится отъ церкви очень близко).

Въ церковномъ дворѣ помѣщаются домъ священника, домъ діакона, домъ церковнаго сторожа, женское училище и домъ сторожа этого училища. Словомъ: населеніе наше здѣсь не- малое! Весь дворикъ засажень всевозможными мѣстными де- ревями, — соснами, криптомеріями, фисташками и др., — и такъ-то красиво выглядятъ! Подъ окнами у меня растутъ смо- ковницы и большіе кусты олеандровъ!.. Къ сожалѣнію, оле- андры уже отцвѣли!..

И сосѣдей хорошихъ далъ Богъ намъ здѣсь: два громад- ныхъ дома начальныхъ народныхъ училищъ, пустые лѣтомъ, съ тысячнымъ населеніемъ въ учебное время. При нихъ— прекрасный дворъ для игръ. Живетъ миссія съ сосѣдями въ полномъ мирѣ.

Вообще же, наша Церковь и здѣсь занимаетъ одно изъ наиболѣе спокойныхъ мѣстъ въ городѣ, имѣя въ ближайшемъ сосѣдствѣ прекраснѣйшій дворцовый паркъ. На востокъ и за- падъ красиво высятся горы, у подножія которыхъ и располо- жился г. Кёото.

На литургіи было молящихся человѣкъ до 40:—здѣсь дву- надцатыхъ праздниковъ язычники, конечно, не знаютъ и въ такіе дни работаютъ,—приходится работать и трудящимся хри- стианамъ. Я по-японски произнесъ уже восемь возгласовъ; остальное же произносилъ по-славянски. Но, по словамъ о. Мія,

это не должно смущать меня: славянскій языкъ окруженъ въ представленіи вѣрующаго японца ореоломъ какой то священичности и его слушать они любятъ. — Конечно, можетъ быть это и такъ; но все же пужно поскорѣе изучить богослуженіе японски...

По окончаніи богослуженія всѣ подошли чинно къ св. кресту, всѣ получили антидоръ. здѣсь неизмѣнно вездѣ раздающійся; и при торжественномъ трезвонѣ я возвратился домой.

Обѣдъ у русскаго офицера Ив. Ал. Захаревскаго. Совершенно неожиданно я былъ порадованъ и вознагражденъ за два мѣсяца нѣкоторыхъ лишеній!.. Я ѣлъ русскіе щи!.. Самые настоящіе русскіе щи! Даже болѣе: ѣлъ русскій кисель! Даже еще болѣе: пилъ чай съ вареньемъ!.. Да! какъ все родное дѣлается особенно роднымъ на чужбинѣ, и какъ такая даже мелочь можетъ трогать тебя, живущаго не обычаями, не жизнью родины!..

Получилъ нѣсколько писемъ изъ Россіи отъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ,—все это скопилось за время моего путешествія и прислано мнѣ владыкою архіепископомъ, восполнившимъ сегодня мои оскудѣвающія динарин. Въ своемъ препроводительномъ письмѣ онъ пишетъ: «не торопитесь въ Тоокѳо, а исполните все предназначенное, посѣтите и порадуйте всѣ мѣста, означенныя въ Вашемъ письмѣ». Итакъ, я еще буду и въ Нагойя, и въ Оказаки, и въ Тосхаси, и въ Сидзуока!.. Еще и еще я буду знакомиться съ христіанами!.. Сопровождаютъ меня и переводить мои рѣчи будетъ, по предложенію владыки, о. Семёнъ Мій, нашъ благочинный. «Будьте всегда *благодарны, радостны, совершенно здоровы*, — на 50 лѣтъ жизни въ Японіи для служенія Божьему дѣлу», пишетъ владыка. Да, дѣло здѣсь истинно великое, святое и я молю Господа, да удостоитъ Онъ и меня послужить этому дѣлу! Только 50-ти-то лѣтъ, конечно, не прослужить мнѣ: не достанетъ годовъ моей жизни!.. «Ангель Божій да сопутствуетъ вамъ...» — Спасибо владыкѣ!.. Да, съ этимъ спутникомъ бодро иду и пойду впередъ на служеніи, которое мнѣ всегда такъ пришлось, и которое такъ меня теперь увлекаетъ!.. Впередъ!.. На труды!..

Въ 4 ч. пошли мы знакомиться съ городомъ. И прежде всего направились въ дворцовый садъ — паркъ. По-пути зашли въ синтоистскій храмъ *Горѳ*,—хранитель верхней, сѣвер-

ной части города... Запомнилось, что здѣсь бонза игралъ съ японцами въ шахматы, или въ шашки. Паркъ очень большой и красивый; а воздухъ въ немъ такой хорошій! Какъ приятно было бы здѣсь раннимъ утромъ сидѣть съ «Токухопомъ», а вечеромъ почитать газетки изъ Россіи!.. Зданій дворца близко не видѣли: они за стѣной и видны лишь крыши съ громотоводами. Но видно, что и они—старинной японской постройки, и—говорятъ—отличаются своей простотой! Здѣсь жили японскіе императоры до настоящаго включительно, который вотъ уже 41-о годъ живетъ въ Тоокёо—(восточная столица). Изрѣдка, при проѣздахъ, онъ останавливается и въ Кёото, которому дано даже офиціальное названіе «Сайкёо»—(западная столица),—названіе, правда, не привившееся.—Къ сѣверу отъ дворцоваго парка, и даже къ западу, громадное пространство занимаетъ конгрегаціонная академія: здѣсь готовятся образованные и искусные пасторы для проповѣди христіанства среди японцевъ. Въ свое время эта академія была основана, и содержалась на американскія деньги, но теперь японцы стряхнули съ себя заморскую зависимость, и имѣютъ свои средства и своего ректора [профессора же и прежніе продолжаютъ служить въ академіи]. Прекрасные каменные дома академіи, женскаго училища, гимназій, молитвеннаго дома; деревянные дома для студентовъ, профессоровъ; всюду сады и садки: чувствуется въ каждомъ деревцѣ, въ каждомъ камнѣ та большая матеріальная сила, которая все это въ свое время воздвигала, а теперь поддерживасть.—Кстати, земля подъ всѣ эти зданія была куплена, говорятъ, чуть ли не по 5 *сень* за «татами»¹⁾; а теперь ее не уступятъ и за 10 — 16 *сень*!.. Такъ въ свое время сумѣли сдѣлать выгодную покунку!..

Идя вдоль сѣверной стороны дворцоваго сада, мы направились къ епископальной церкви. Высокая башня, увѣнчанная крестомъ и обвитая вьющимися растеніями, придаетъ небольшой церкви много красоты. Внутри ея все изящно и очень просто. На престолѣ стоитъ четырехконечный вызолоченный крестъ, двѣ вазы съ цвѣтами;—но больше ничего: нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній!..—При церкви состоитъ живущій по близости старецъ-епископъ и священникъ.—Мы по-

¹⁾ „Татами“—соломенный матъ, которымъ сплошь устилаются поля въ Японіи. Два „татами“ равняются приблизительно квадр. сажени. Сень—копѣйка. Енъ—рубль.

сидѣли на скамьяхъ въ церкви; и мысли мои неслись къ тому золотому времени, когда молитвы о соединеніи церквей принесутъ плодъ свой... Кто знаетъ, быть можетъ именно эта церковь, епископальная, и подастъ намъ ранѣе другихъ руку общенія!.. Будь, будь!..—А теперь!.. Какая горечь, какой стыдъ чувствуется, когда въ страпѣ язычниковъ видишь эти храмы *разныхъ* христіанскихъ исповѣданій.. И одинъ Христосъ, и нѣсколько!.. «Еда раздѣлися Христосъ»?—такъ и хочется закричать! А вреда сколько непоправимаго вреда даетъ наше дѣленіе на исповѣданія дѣлу проповѣди! Господи! Ты дай силу разрозненнымъ сестрамъ-церквямъ собраться во-едино; пусть будутъ подавлены самолюбія; да прозримъ всѣ очами вѣры въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ нужно всѣмъ прозрѣть!.. Да будетъ едино стадо! Вѣдь одинъ у всѣхъ насъ Пастырь-Христосъ! Заглянули въ синтоистскій храмъ Гоо. Небольшой храмъ. Юо около него опять пушка съ разбитымъ стволомъ: добыча 37 года Меиджи (т. е. добыча въ послѣднюю войну). Да!.. Вездѣ-то «добычи»!.. Бѣглымъ осмотромъ замка Ниджо, въ которомъ останавливался сѣогунъ, пріѣзжая представляться императору, мы закончили обзоръ города сегодня, отложивъ продолженіе на дальнѣйшіе дни. Наши спутники направились домой, а мы съ о. Семеномъ пошли въ христіанскія семьи, а потомъ—къ катихизатору и о. діакону. Вездѣ насъ уже съ истерпѣніемъ ждали... Зажжены лампадки... Предъ иконами мы прежде всего совершили краткую молитву. О. Семень говорилъ краткую сугубую ектенію по-японски, а я заканчивалъ молитву отпустомъ и благословлялъ членовъ семьи. Икона, лампадка, тихо произносимая ектенія, тихое пѣніе «Сю аварэмэ»—Господи помилуй... Какою тихою радостью вѣетъ въ твое сердце отъ этой обстановки!.. И съ какою любовью потомъ выливаются твои слова къ добрымъ христіанамъ. Въ одномъ домѣ—жена, мужъ и усыновленный мальчикъ; въ другомъ — мужъ и жена,—дѣвочку похоронили въ прошломъ году; въ третьемъ — мужъ, жена и четверо дѣтей: благословенная семья! Вездѣ намъ предлагали угощеніе, и съ какою любовною настойчивостью!.. Опять—чай и фрукты!.. Къ моему удовольствію почти вездѣ приготовлены сегодня для меня стулья, —обязанъ этимъ я—вѣроятно—о. Семену! Стульямъ я былъ отъ души радъ: двухдневное оосакское сидѣнье «по-японски» продолжаетъ еще сказываться, и лѣвая моя нога рѣшительно протестуетъ противъ новшества: она въ ступнѣ такъ распухла, что впервые

въ Японіи мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи медицины!..

Пошелъ дождь. Намѣченная прогулка на главную улицу для ознакомленія съ нею, къ моему удовольствію, не состоялась... И я съ большимъ удовольствіемъ «тростию и чернилами» завершаю день свой... Около меня сидитъ сынокъ о. Семена и слѣдитъ за процессомъ письма... Но къ сожалѣнію наша бесѣда съ нимъ не шла еще дальше «улыбокъ»...

16-е августа. Сѣрое утро... Въ воздухѣ—полная тишина... Часовъ въ 8 утра пошелъ очень сильный дождь. Надежды на то, что небо прояснится, не сбылись. Дорогу сильно нагрязнило. Наша поѣздка для осмотра города не могла состояться. Однако послѣ обѣда мы все же на «дзинрикися» съѣздили въ два дома къ христіанамъ. Въ одномъ вся семья сидѣла за работой: готовятъ мелкія бумажныя игрушки для дѣтей... Въ другомъ—христіанинъ лишь одинъ хозяинъ-аптекарь, котораго рекомендуютъ знатокомъ языковъ; нѣсколько словъ онъ знаетъ и по-русски... Въ обоихъ домахъ мы помолились и побесѣдовали. Люди — хорошіе. Однако жаль, что нѣкоторые русскіе, попадая въ Японію, занимаются не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы; и въ числѣ «достопримѣчательностей» русскихъ у аптекаря не нашлось ничего, кромѣ многихъ портретовъ Л. Н. Толстого и Гапона,—даръ русскаго революціонера Б—а!..

Въ 6 ч. вечера пошли мы ко всеобщему бдѣнію. Звоняря хорошаго здѣсь временно нѣтъ. И вотъ, вспомнивъ золотые годы своей юности, поднялся я на высокую колокольню. Подо мной — городъ, изъ котораго, что изъ сердца, въ свое время была ключемъ жизнь и государственная, и религіозная. Затихъ городъ, какъ покинутая столица. Но центромъ религіознымъ остался. И по прежнему тысячи богомольцевъ идутъ къ его стариннымъ храмамъ!.. Шестъ часовъ... Раздался ударъ колокола за нимъ второй, третій... И полились затѣмъ родные звуки!.. И думалъ я, смотря на эти крыши *тери* и *мія*, — чувствуете ли, кто здѣсь благовѣститъ? Чувствуете ли, что здѣсь благовѣщается? Сознаете ли, что каждый новый ударъ колокола — это какъ бы новая вѣсть о побѣдѣ благовѣствующаго Христа, каждый повый ударъ его—какъ «похоронная» вашему господству!.. Но молчатъ крыши кумирень... Взялъ я веревки всѣхъ 7 колоколовъ; привычныя изъ дѣтства руки не измѣнили мнѣ и на этотъ разъ... И съ какимъ чувствомъ я по-русски перебиралъ колокола... И за-

говорили родные колокола! Безъ словъ, но звуками они широко и громко вѣщали Христа! Трижды отзвонилъ я... Съ большими думами я спускался внизъ... Господи! Помоги мнѣ такъ же громко, дерзновенно вѣщать Тебя, какъ дерзновенно звучали эти колокола! И если мѣдъ звенящая зоветъ къ Тебѣ,—помоги и мнѣ, словомъ живымъ, звать къ Тебѣ этихъ, во тьмѣ сидящихъ и тьмѣ служащихъ!..

Хорошо молилось за всеобщей. Собралось достаточно народа, сзади котораго я стоялъ. И какъ хорошо молится этотъ народъ! Вдохновеннымъ словомъ на завтрашнее евангельское чтеніе «о должникѣ тмоу талантовъ» закончилъ о. протоіерей Семень Мій богослуженіе *).

Епископъ Сергій.

•••

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Мѣсяць по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

17-е августа. Сегодня я совершилъ вторую Литургію въ кіотосской церкви. Вѣрующихъ было болѣе, чѣмъ третьяго дня. Всѣ слушали спокойноѣ, увѣреннѣе; и съ чувствомъ полного удовлетворенія я отдыхалъ дома по окончаніи Литургіи. Былъ данъ отдыхъ и вѣрующимъ. Женщины разошлись по церковнымъ домамъ и пили чай; а мужчины благодумствовали около своихъ «хибаци». По звонку собрались снова въ церковь и я предложилъ народу свою немудреную бесѣду. Сказавъ при вступленіи, что у насъ въ Церкви Своимъ свѣтомъ свѣтитъ только Христосъ, Единный Учитель; всѣ же, начиная съ апостоловъ, заимствуютъ свѣтъ отъ Него. Я предупредилъ слушателей, что и я приношу въ Японію не свое слово, но слово Единаго Учителя Христа, и разумѣніе этого слова св. Апостолами. При своемъ первомъ общеніи съ кіотосскими христіанами, я рѣшилъ представить имъ въ возможно полной картинѣ жизнь человѣка-христіанина вообще и въ разныхъ его положеніяхъ общественныхъ и семейныхъ въ частности. Указавъ на нашу обязанность «мудрствовать горная, а не земная», ибо мы умерли со Христомъ для земного (Кол. III, 1—3), я нарисовалъ предъ слушателями, что такое *ветхая* одежда, которую они должны сбросить (Кол. III, 5—9), и что такое, въ противоположность ей, *новая* одежда, въ какую они должны облечься (Кол. III, 10—15). Одѣтый въ новую одежду, человѣкъ долженъ неустанно молиться (Кол. IV, 2), поучаться въ словѣ Божіемъ, назидаться богослуженіемъ (Кол. III, 16), всю свою жизнь устроить во славу Божію (Кол. III, 17). Частнѣе

*) Продолженіе. См. мартъ.

изложилъ я кратко обязанности женъ, мужей, дѣтей, родителей, слугъ и господъ (Кол. III. 18—IV. 1); особо сказалъ объ обязанностяхъ къ пастырямъ (Евр. XIII. 17). Прося молитвъ и за себя при началѣ моего благовѣстническаго труда въ Японіи (Кол. IV. 3), я поручилъ слушателей Богу мира, который и произведетъ въ нихъ все благоутробное чрезъ Иисуса Христа (Евр. XIII. 21—22).

Мою бесѣду переводилъ о. протоіерей С. Мій. Во время бесѣды оба мы сидѣли. Сидѣли и слушатели. Бесѣда длилась болѣе часа, но менѣе полуторыхъ часовъ. Не было въ моей бесѣдѣ глубокой философіи, высокаго богословствованія; но вѣдь все это можетъ оказаться тѣмъ брашномъ, какое еще непригодно для требующихъ млека (I Кор. III. 2), и можетъ поэтому лишь вредъ принести, испразднить крестъ Христовъ!.. Вся моя забота была обращена на то, чтобы въ доступной, но и для *сердца* понятной словесной формѣ, изложить, какъ нужно «благоразумно жить среди внѣшнихъ». И сердце мое чувствовало, что услія мои не пропали, и я вполнѣ былъ понять своєю кѣтосскою наставою.—По окончаніи бесѣды, такъ же какъ и при началѣ, была пропѣта молитва. И благословилъ каждого въ отдѣльности, и съ миромъ отпустилъ уже въ началѣ 2-го часа дня въ дома свои!

Пообѣдали у. Ив. А. Захаревскаго: все равно, что въ родной Россіи побывали! И затѣмъ отправились осматривать городъ. На сегодня рѣшили ограничиться кое-чѣмъ въ западной его части. Вотъ мы у величественнаго синтоистскаго храма *Тендзинъ*. Этотъ министръ въ свое время отличался мудростью, любовью къ литературѣ и стихамъ:—Изображенія стихотворцевъ украшаютъ его храмъ. Онъ любилъ воловъ и ѣздилъ на нихъ: волю и металлическіе и каменные всюду во дворѣ храма! Онъ любилъ сливы,—сливами засаженъ и дворъ и садъ при храмѣ. Но не мало пожертвовано этому богу и вина... Любилъ ли онъ его, или—«такъ», мнѣ не сказали...—Посмотрѣли синтоистскій храмъ *Хирано*, интересный, какъ образецъ старинной, простой и изящной постройки храмовъ. Долго пробыли въ *Киннакудзи*,—въ золотомъ павильонѣ. Его въ 1397 г. устроилъ сѣогунъ іосимипу. Здѣсь показываются различныя изображенія, вещи, комнаты, связанные съ его именемъ. Но ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы, что этотъ павильонъ дѣйствительно золотой! Однако слѣды позолоты на потолкѣ и стѣнахъ еще ясно видны, и даже какъ будто ре-

монтируютъ его, можетъ быть, и золотомъ... Около навильона — прудъ съ необыкновеннымъ множествомъ рыбъ и красныхъ, и обыкновенныхъ: очень интересное зрѣлище не только для дѣтей, но и для взрослыхъ когда на брошенные тобою зерна накидывается сразу можетъ быть не одна сотня и крупной и мелкой рыбы, и когда туда же «поспѣшаетъ» со своей «быстро-той» черепаха! Походивъ около закрытаго за позднимъ часомъ¹⁾ храма *Меостнози* — (секты Зень), мы поѣздомъ отправились въ *Аравіама* (=бурная гора), полюбоваться видомъ, который считается лучшимъ въ Кёото. За 5 к. быстро мы доѣхали до ст. Сага, а оттуда черезъ 15 м. дошли до горной рѣчки «Ооигава», пробивающейся среди сжимающихъ ее горъ. Заплатили по 10 сень съ человѣка и на большой лодкѣ направились вверхъ по ея теченію. Направо отъ насъ — дачка, пріютившіяся въ этомъ прелестномъ уголкѣ. Въ одной, очень хорошей, — живутъ бонзы. А налѣво — высокая гора, вся по склону заросшая лѣсомъ — сосной, криптомеріями и пр. Красива гора и теперь! Но весной, когда обильно цвѣтущія (но безплодная) сакура (—вишни) своимъ розоватымъ покровомъ покрываютъ всю гору; когда цвѣтъ сакура мѣшается съ зеленью сосенъ и криптомерій, — эта гора притягиваетъ къ себѣ все население Кёото! Мы поднялись вверхъ, сколько могли. Прозрачная вода... Скалы направо и налѣво, и подъ нами на днѣ рѣчки... — Какъ хорошо дышалось въ этой чудной обстановкѣ... Быстро спустились внизъ и поѣздомъ добрались до Кёото... «О-цуки-сама» — луна ярко свѣтила намъ. Въ 8 ч. всё мы уже отдыхали дома и отъ впечатлѣній, и отъ усталости.

18-е число августа. Погода необыкновенно благопріятствовала и я весь день осматривалъ городъ и посѣщалъ христіанъ. Уже въ 8 ч. у. мы съ о. Семеномъ пробирались по узкимъ улицамъ населенной бѣднотой западной части города. Не безъ труда въ комнатахъ находили того, къ кому направлялись. Но пужно же видѣть и радость бѣдняковъ при видѣ у себя «Сикёо»! Вотъ бѣднякъ сидитъ и работаетъ «каракаса» — японскій зонтикъ: это его ремесло. Одѣтъ недостаточно. Жена еще явчница, ненадолго вышла куда-то. При видѣ насъ, радость бѣдняка такъ ясно сказывается даже на лицѣ! Бесѣды же его я никогда не забуду. Бѣднякъ считаетъ себя счастливымъ, что ему здѣсь, въ городѣ, удалось даже «сикёо» видѣть у себя:

¹⁾ Храмы съ 5 час. веч. закрываются для публики.

въ деревнѣ и священника-то не дожидаться! Считаетъ себя недостойнымъ того, чтобы такой высокій гость входилъ въ его, столь грязную хижину; и утѣшается тѣмъ, что и Спаситель, не чуждавшійся грѣшниковъ, и родился не во дворцѣ, а въ ясляхъ...—Это ли не гѣлосъ глубокой вѣры!.. И я говорить бѣдняку, чтобы онъ честнымъ трудомъ продолжалъ зарабатывать себѣ пропитаніе; указывалъ ему на примѣръ св. апостола Павла, дѣлателя палатокъ; сказалъ ему, что комнатка, такъ богато украшенная св. иконами, для меня дороже многихъ палатъ!.. Благословляя бѣдняка на трудъ, благословляемый имъ за посѣщеніе, я началъ было прощаться съ нимъ; но онъ пожелалъ проводить насъ до слѣдующаго христіанина, и оставилъ насъ лишь тогда, когда мы, направляясь домой, сѣли на трамвай.—Съ добрымъ сердцемъ и другой христіанинъ: не имѣя своихъ дѣтей, онъ употребляетъ и свои средства, и свое время на воспитаніе чужихъ сиротокъ.—Съ такими-то впечатлѣніями въ началѣ дня садился я на дзинрикиса, направляясь въ восточную часть города.

Проѣхали мимо мѣстныхъ учебныхъ заведеній: первая гимназія, высшая гимназія, женская гимназія, многочисленныя зданія университета, его клиники. Въ послѣднемъ, получивъ разрѣшеніе отъ секретаря провожатаго, мы побыли долго, и хотя поверхностно, но все же осмотрѣли университетъ. Въ немъ сейчасъ уже четыре, почти оборудованныхъ, факультета: юридическій, медицинскій, физико-математическій и историко-филологическій. Учащихся около—800 человекъ, кои съ 11 сент. (29 авг.) и начнутъ свои занятія. Университетъ весьма недавній (существуетъ немного болѣе 10 л.); зданія довольно приличны; но большая часть все же деревянныхъ.

Проѣхали мимо Императорской могилы: находится среди поля (какъ и много другихъ), но тщательно сохраняется. Близко къ ней домъ бабушки — ревностной христіанки, — къ ней мы и заѣхали. Ея сынъ—юристъ, получившій образованіе въ Германіи; состоитъ профессоромъ ун-та и совѣтникомъ на о-въ Формозѣ. Мы съ бабушкой помолились: а къ чаю вышелъ и профессоръ съ женой. Несобыкновенно почтительны и ласковы. Профессору «некогда» заняться вопросами вѣры; тѣмъ не менѣе онъ вполне одобряетъ бабушку и даже поощряетъ ея ревность къ церкви Божіей. Когда-то зналъ нѣсколько словъ и по-русски; но теперь на нашемъ языкѣ нѣтъ.

Поднимаясь постепенно въ гору, мы добрались до *Гимжа-*

кудзи, серебрянаго павильона, въ которомъ серебра однако еще менѣе, чѣмъ золота—въ Кинкакудзи—золотомъ павильонѣ!.. Почему-то и сюда попали лопаты, кирки, топоры, ружья, сабли, взятые въ послѣднюю войну!.. Бѣдное русское сердце! Ни одного-то храма не посѣтишь чтобы не быть уколотымъ глубоко—глубоко, въ самое сердце!.. И такъ-то по всей Японіи!.. Заинтересовала меня здѣсь одна старинная картина... Предъ взоромъ посѣтителя постепенно проходитъ жизнь человѣка въ нѣсколькихъ моментахъ... Разодѣтая японка важно сидитъ! Она же—спитъ. Растолстѣвшая—она вся кѣмъ-то изранена. Умершая уже—она облѣплена мухами. Трупу ея ѣдятъ собаки и клюютъ вороны. Подъ кустомъ—валяется обглоданный полутрупъ. Костякъ. Развалившіяся кости. Могильный памятникъ... Весьма назидательное изображеніе, неменѣе одинаково годное и для христіанской Россіи!..

Осмотрѣлъ синтоистскій храмъ *«Тайнѣкуденъ»*, выстроенный недавно въ память 1.000-лѣтія г. Кёото, необыкновенно большой, необыкновенно пестрый отъ сочетанія красныхъ и бѣлыхъ красокъ, но все же—красивый,—мы уже въ первомъ часу дня, чтобы сохранить больше времени, заѣхали въ гостиницу, гдѣ и *обѣдали* вполне по-японски; супъ съ рыбой, рыба сырая съ уксусомъ и имбиремъ, яичница; конечно, всякая зелень: бобы, такванъ (сол. рѣдька), парацука (особо приготовленные дыни) и пр. Рисъ вмѣсто хлѣба; «хаси»—палочки вмѣсто ножа, вилки и ложки; сидѣніе на полу;—словомъ, вотъ уже опять обѣдъ вполне «по-японски», и съ успѣхомъ. Отдыхать было некогда. Проѣхавъ мимо строящихся зданій промышленной выставки и городской библіотеки, вполне европейскихъ и очень красивыхъ, мы направились въ *зоологическій садъ*. Какъ?.. Епископъ,—и въ зоологическій садъ?.. Да! Епископъ былъ въ зоологическомъ саду! Но это не тотъ садъ, что невѣжествомъ обращенъ въ увеселительное заведеніе!.. Здѣсь—зоологическій садъ—исключительно «вспомогательное» для науки, и для школы учрежденіе! Какъ, оказывается, многому-многому мы можемъ и должны поучиться у японцевъ. Я по саду ходилъ; конечно, не веселился, какъ дѣти; но сѣлъ на «дзинрикися» не безъ приобрѣтенія для себя!—Посѣтили затѣмъ мы христіанское семейство аристократовъ: мать и двѣ дочери; мужъ служилъ помощникомъ управляющаго Госуд. Банкомъ въ Тоокёо, а сейчасъ сталъ во главѣ какого-то промышленнаго предпріятія въ Кёото. Конечно, обстановка въ

домъ очень хорошая; но душа-то и у нихъ та же христіанская! Съ такою же охотою они прослушали нашу молитву, и такъ же истово они крестились, взявъ чашки чаю; и съ такою же любовью брали мое благословіе!.. Вспоминаю старушку, жену профессора... И съ благодарностью Богу говорю: да, вѣра Христова истинно плѣняетъ и еллина, и варвара!..— Съ удовольствіемъ напившись здѣсь чаю, правда, по-англійски, мы направили дальше свои стопы. И соображая время, поспѣшили къ могилѣ Хидеёси: подъемъ на гору, гдѣ она находится до 4 часовъ вечера.

Гора *Амидасаминэ* находится на юго-восточномъ углу Кёото. Влекло насъ на нее, конечно, не столько почтеніе къ памяти излюбленнаго народнаго героя, для насъ памятнаго тѣмъ, что онъ *первый* издалъ указъ противъ христіанъ; сколько тѣ прекрасныя виды, что съ горы открываются на городъ и окрестности. Подъемъ идетъ постепенно: въ разныхъ мѣстахъ мы поднялись на 32 ступени, постепенно поднимаясь помимо этого безъ ступеней и между этими небольшими лѣстницами. Но вотъ мы у самаго подножія горы. Взяли себѣ пропускъ за 5 сень и пошли на верхъ довольно твердо. О. Семень отсталъ! Пройдя 63 ступени, мы могли немного отдохнуть на площадкѣ. И такимъ-то порядкомъ мы поднялись по четыремъ лѣстницамъ въ 63 ступени и по одной въ 61 ступень. Затѣмъ могли вздохнуть: нѣсколько саженой, около 50, шли безъ подъема: 4 ступени на срединѣ площадки, конечно не подъемъ! Но это было какъ бы нарочитымъ отдыхомъ предъ послѣднимъ, самымъ большимъ подвигомъ: нужно было пройти 172 ступени, и по довольно крутой лѣстницѣ, безъ площадки!.. Ноги тряслись, спирало дыханье, когда наконецъ-то въ послѣдній разъ мы подняли ноги и оказались у гробницы Хидеёси. Что за чудный видъ открылся предъ нами! Кругомъ Кёото—горы: а онъ, эта древняя столица, что въ котловинѣ пріютился среди нихъ! Красота горы, да и разстояніе, однако, дѣлало зданія городскія, и вообще-то не крупныя, еще болѣе мелкими! Лишь европейски построенные *Kyoto-Hotel*, *Myako-Hotel*, Городская Дума, Почта, Государственный, нѣсколько частныхъ банковъ, что большіе ящики высились надъ городомъ!.. Краснѣетъ вдали башня епископальной церкви. Зеленѣютъ Императорскіе сады. Рѣзко выдѣляются своими широкими крышами храмъ Хангандзи. Около одного изъ нихъ высоко бьетъ фонтанъ. Кой-гдѣ дымятъ немногочисленныя фаб-

рики. И на этомъ-то, въ общемъ сбромъ, фонъ красиво бѣлѣтъ наша церковка! Что бѣлая лодочка съ бѣлымъ парусомъ плыветъ она среди окружающаго ее моря язычества! Не хотѣлось отрывать глазъ отъ очаровательной картины!.. Величественная картина!.. Мысли невольно понеслись далеко впередъ... О чемъ я думалъ опредѣленно—сказать трудно! Но невольно я запѣлъ, плохо умѣлъ пѣть, сначала «Отче нашъ», потомъ «Царю Небесный», потомъ «Святый Боже»... И много еще пѣлъ бы я, представляя себѣ христіанское будущее этой страны и этого города. Но поднявшіеся японцы, противъ ихъ воли можетъ быть, сомкнули мнѣ уста и я смолкъ... вѣроятно къ удовольствію Хидеёси, кости котораго едва ли были покойны при пѣніи молитвы Господней!—Гранитный памятникъ—могила, обнесенный гранитной же оградой изъ плить, не особенно интересовалъ меня, и какъ-то не отпечатался въ моей памяти... Но это панорама Кёото!.. Грѣшно быть въ этомъ городѣ и сюда не взобратъ!.. Не вдругъ-то мы спустились и внизъ по этимъ 555 ступенямъ! И спускъ при усталыхъ ногахъ не показался мнѣ легче подъема. Подъ горой продается лимонадъ. Какъ это кстати!..—Было уже около 5 часовъ, когда мы сѣли снова на «джинрикися». Нужно было послѣпнать: закрытые съ 5 ч. храмы много ускорили дальнѣйшій нашъ осмотръ. Заѣхали мы въ храмъ—музей тысячерукой *Квангонъ* (богиня милосердія), гдѣ находится 33.333 изображенія ея. Собственно статуи—1 въ срединѣ со множествомъ рукъ, и по 500 по сторонамъ; стоятъ онѣ правильными рядами на ступеняхъ, постепенно повышаясь. Но на головѣ каждой статуи находятся маленькія статуйки;—всѣ онѣ и даютъ будто бы число 33.333. Многие изъ статуи здѣсь же въ корридорѣ ремонтируются, что нисколько не способствуетъ пониженію религіознаго ихъ почитанія. Зашли на нѣсколько минутъ къ *Дай-буцу*—къ великому буддѣ. Изображена грудь, шея и голова,—все изъ досокъ, довольно плохой работы; громадныя размѣры головы (вышина—42 фута, длина головы 30 ф., ширина 24 ф.; окружность шеи 36 ф.) дѣлаютъ фигуру довольно безобразной; когда же, обходя этого Дай-буду по плохонькимъ дѣсамъ, видишь сзади его пустую голову обращенную чуть ли не въ чердакъ,—невольно является смѣхъ... Но говорить, — даже и здѣсь, простой народъ способенъ молиться... Проѣхали мимо поминальныхъ храмовъ Хогандзи; здѣсь погребенъ прахъ основателя этой секты. Послѣ-

дователи секты свои трупы сжигаютъ и считаютъ за счастье, чтобы ихъ прахъ былъ похороненъ именно здѣсь, гдѣ бы они ни жили!... Постѣ долгихъ скитаній по японскимъ храмамъ, наконецъ — то мы опять добрались до свѣтлаго уголка: мы у христіанъ! Помолились, посидѣли, пили пшеничный чай; ѣли персики; душевно побесѣдовали... Посѣтивъ буддѣйскій храмъ *Кёомидзу-дера*, — старинный храмъ съ высокой пагодой; проѣхавъ чуднымъ паркомъ Маруяма въ храмъ *Ціонъ-инъ*, къ сожалѣнію оказавшійся въ дѣсахъ по случаю ремонта, — мы направились въ домъ христіанъ, гдѣ я получилъ столь же великое утѣшеніе, какъ и въ началѣ дня! Порадовалъ меня прежде всего глава семьи... Сколько въ немъ вѣры въ Бога, любви къ церкви!... Три года онъ лежалъ, разбитый параличемъ; недавно почувствовалъ облегченіе; и первый свой выходъ сдѣлалъ не куда-нибудь въ другое мѣсто, а къ моей службѣ въ церковь! Это ли не любовь къ церкви! А сестра хозяйки!.. Она меня встрѣтила еще на вокзалѣ, когда я пріѣхалъ въ Кёото, между тѣмъ, пока еще лишь «слушающая», а не христіанка... Вчера она была въ церкви; молилась; прикладывалась къ Св. Кресту... Сегодня же она заявила, что теперь она уже многое въ ученіи Христа поняла и желаетъ креститься... Меня же просила дать ей имя, «только полегче для произношенія»... И вспомнилъ я ту святую, которая не въ Грузіи только почитается равноапостольной, и назначилъ этой будущей христіанкѣ святое имя «Нина». Съ какою радостью она приняла его! Хорошо чувствовалось у христіанъ!... Забывалось, что нужно отъ нихъ уходить. Однако «дзинрикиса» взяты только до 7 ч. в., и мы поѣхали домой... Насъ ждалъ все тотъ же добрыйшій землякъ съ семьей и у Ивана Александровича мы закончили свой, полный впечатлѣній, день. Можно сказать, что я уже познакомился съ своимъ Кёото.

19-е августа. Погода опять очень хорошая. Солнышко свѣтитъ сквозь дымку, позволяя ходить и безъ зонтика. Ночью уже вѣяло прохладой, почему и утро было свѣжимъ. Мы сегодня оканчивали и посѣщеніе христіанъ, и осмотръ города. — Первымъ по намѣченному плану былъ *католическій храмъ*. Каменный, снаружи бѣлый, — по внутренней своей отдѣлкѣ этотъ храмъ св. Франциска мало чѣмъ отличается отъ оосакскаго: тѣ же три престола съ иконами на нихъ; такія же колонны изъ дерева, арки изъ дерева, деревянная обшивка по-

толка... Сначала даже думаешь,—не повтореніе ли это оосакскаго храма... И здѣсь такъ же величественно, какъ и тамъ... Но слава Богу, въ Кеото и наша церковь можетъ не уступитьъ католической.

Въ семьѣ рѣзчика по металлу шесть человекъ—христіанъ: дѣдушка и бабушка, мужъ и жена, двое дѣтей,—налицо три христіанскихъ поколѣнія. Въ другой христіанской семьѣ, столь же любвеобильной, какъ и первая, на почетномъ мѣстѣ присланная изъ Россіи крестнымъ отцемъ лейт. Б. икона Смоленской Божіей Матери. Крестница Марія—очень радушно насъ угощала сластями и персиками.

Этимъ домою мы и закончили посѣщеніе христіанъ въ Кеото... Внутреннія впечатлѣнія часто трудно выливаются на бумагу; и здѣсь—всего, мною у христіанъ пережитаго, мнѣ не передать! Но съ вѣрою въ будущую христіанскую Церковь въ Кеото, которая изъ настоящаго вполне здороваго корня вырастетъ въ большое дерево, я покину свой городъ!

По близости у насъ были храмы, осмотрѣть которые было совершенно необходимо: иначе—въ Римѣ были бы, а палы не видали! Это—храмы Хонгандзи. Но еще ранѣе мы зашли въ храмъ *Хонконодзи*, секты Нициренъ. Храмъ былъ закрытъ, но сторожъ съ удовольствіемъ не только впустилъ насъ въ храмъ, но и руководилъ нами при осмотрѣ его. Убранство храма было очень хорошее; даже богатое! Желая показать намъ статую Ницирена, основателя секты, стоящую въ нишѣ за жертвенникомъ, сторожъ поставилъ насъ между стѣной и этимъ жертвенникомъ: удивительное отношеніе къ своей святынь!..—Въ сосѣднемъ храмѣ въ это время совершалось моленіе: тамъ звонили позвонки и мы пошли туда. Жрецъ въ облаченіи, налѣво отъ него другой съ молоточкомъ, направо молоденькій послушникъ... Подъ мѣрное постукиванье второго всѣ трое на разные голоса читали что-то; конецъ молитвы возвѣщаль жрецъ, ударяя въ металлическую дощечку... Оказалось, они совершали поминовеніе умершихъ. Если бы не постукиванье молоточка,—обстановка много напомнила бы деревню, большой праздникъ въ ней и чтеніе поминаній на проскомидіи... Мы постояли минутъ 20, и пошли къ небольшому храму, вѣрнѣе часовнѣ, гдѣ читается память Хидеёси. Здѣсь послѣдователи этой секты исполняютъ свои благочестивые опыты. При нашемъ посѣщеніи вокругъ «часовни» ходили, почти бѣгали, двое;—одинъ старикъ, другой молодой.. Старикъ, кажется, куда-то

поспѣшала, и шлепая своими гэта постоянно обгоняла молодого. А нужно было обойти часовню сто разъ! Въ рукахъ четка; на устахъ «*Наму мѣохоо ренге кѣо*» (въ отдичіе отъ секты Хонгандзи, гдѣ молятся, повторяя слова «*Наму Амида-Буцу*»)... Но должно быть слова были только на устахъ, такъ какъ ни спѣшка, ни благочестивое упражненіе не мѣшали старику съ удивленіемъ осматривать пришедшее чудо—миссіонера съ длинными волосами!... Я стоялъ и думалъ: какъ—право—легко, повидимому, спастись! Повторяй только съ почтеніемъ названіе молитвенника (Наму мѣохоо ренгекео)—и спасеніе обезпечено. Вѣдь это все равно, если кто-нибудь изъ православныхъ сталъ бы повторять, скажемъ, слово «Часословъ, часословъ, часословъ»,... или «поклоняюсь молитвеннику, поклоняюсь молитвеннику» и т. п.—Секта не столь распространенная; но необыкновенно фанатичная, и нужно было, не безъ риска за дальнѣйшее свое пребываніе въ храмѣ произнести противоположную этой формулу молитвы въ Хонгандзи...

Мы въ храмахъ Хонгандзи. Сначала, «*Ниси-Хонгандзи*» (западный Хонгандзи), потомъ «*Хигаси-Хонгандзи*» (восточный Хонгандзи). Оба храма необыкновенно велики, очень красивы и по архитектурѣ и по отдѣлкѣ; всегда въ нихъ есть богомольцы. Когда мы ходили по одному изъ нихъ, конечно безъ шляпъ, въ это время старушки и старички, молодья женщины съ дѣтьми сидѣли предъ главнымъ жертвенникомъ и повторяли безъ конца свою спасительную формулу «*Наму амида Буцу*»... И какъ непріятно было видѣть, когда какой-то японецъ, въ европейскомъ костюмѣ, окруженный двумя-тремя японками, въ шляпѣ разгуливалъ по храму, громко смѣясь;—ему вторили его спутницы... Зачѣмъ такое неуваженіе къ тому чувству народа, которое—пусть оно и ложно—составляетъ его «святое святыхъ»?..—У меня при входѣ въ храмы, чьи бы то ни было, невольно поднимается рука и снимается шляпа. А въ дополненіе—объявленіе на очень видномъ мѣстѣ: «курить воспрещается». Неужели и оно нужно?—Около «Хигаси-Хонгандзи» лежитъ толстый канатъ, 228 фут. длины; сплетенъ онъ изъ женскихъ волосъ: жертва благочестивыхъ послѣдовательницъ секты въ г. Нигата, ко времени постройки храма. Жертва тѣмъ болѣе цѣнна, что японки такъ дорожатъ своими волосами!—Вотъ съ какимъ фанатизмомъ придется иногда дѣло! А еще пишутъ и говорятъ о безрелигіозности японцевъ!

Этимъ мы и закончили осмотръ города. Конечно.—все бѣгло; все поверхностно: даже далеко не все, что можно бы осмотрѣть. Но такова судьба всѣхъ «путниковъ», а стилемъ высокимвъ—«тургитовъ»!.. Но и того, что я видѣлъ, совершенно достаточно для общаго мнѣнія о Кѣото: тихій, спокойный городъ: прекрасные виды: чистый воздухъ: величественные храмы: ревностные поклонники ихъ...—Дать бы Богъ и мнѣ поработать здѣсь! Тогда, при благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, и мы съ помощію Божіей противопоставили бы силѣ человѣческой силу Божію... И видится мнѣ вдали въ-ковъ, какъ и здѣсь Христось смететь Будду: Буди-буди!

Въ 3 часа дня собрались въ моей комнатѣ всѣ члены причта съ женами, всѣ служащіе въ женскомъ училищѣ: они пришли получить себѣ «наставленія». По обычномъ молитвенномъ началѣ мы усѣлись; и я говорилъ *служащимъ* Церкви Божіей о томъ, чтобы они бдительно пасли ввѣренное имъ стадо Божіе; чтобы они ревностно его приумножали съ твердою вѣрою въ то, что языческія вѣрованія, какъ измышленія человѣческія, не смогутъ остановить распространенія вѣры Христовой, какъ дара Божьяго, подобно тому, какъ никакія искусственныя преграды, создаваемые человекомъ, не сильны остановить разъ вырвавшійся изъ нѣдръ горы стремительный потокъ.—*Женъ ихъ* я просилъ помогать своимъ мужьямъ въ дѣлѣ распространенія Христовой вѣры. Какъ вообще женщина скорѣе можетъ понять женщину, такъ и здѣсь: быть можетъ безискусственное, но убѣжденное и теплое слово жены батюшки, о. діакона или катихизатора можетъ сдѣлать свое великое дѣло. Пусть же собираютъ они около себя кружки вѣрующихъ, и еще только расположенныхъ къ вѣрѣ женщинъ и дѣтей; пусть они бесѣдуютъ съ ними; и этимъ они увеличатъ число тѣхъ дѣятелей, которыхъ такъ мало на нивѣ кіотосской.—*Служащихъ въ женскомъ училищѣ* я просилъ помнить, что они и обучаютъ, и воспитываютъ будущихъ женъ и матерей, этихъ носительницъ семейнаго воспитанія. Важность дѣла и матеріаль, надъ которымъ они работаютъ, требуютъ и соответственнаго настроенія работниковъ. Вотъ, если его гнуть грубыми руками, будетъ только ломаться. Но если его сначала согрѣть, умягчить,—тогда изъ него можно лѣпить что угодно. Старательная рука можетъ приноровить фигурку изящную, тогда какъ небрежная рука дастъ и фигуру нехорошую. Обогрѣйте, приласкайте вырванную изъ тьмы язычества дѣ-

вочку: внимательно работайте надъ ея обученіемъ и воспитаніемъ. И какихъ прекрасныхъ женъ и матерей можете тогда воспитать вы!—Закончилъ свою бесѣду я обращеніемъ ко *всѣмъ* безъ различія ихъ положеній: какъ въ тѣлѣ челоуѣка всѣ члены другъ другу нужны, другъ другу помогаютъ и только разнообразіе ихъ даетъ тѣло;—такъ и здѣсь; Богомъ дается разнообразіе положеній въ церкви; но всѣ—одинаково члены церкви, обязанные къ взаимной любовной работѣ. Къ этой-то любви, какъ основѣ общей, братской работы, я и призывалъ въ заключеніе своей бесѣды свою небольшую аудиторію.— Подали чай, мнѣ китайскій, прочимъ японскій; къ чаю—разныя сласти. Началась непринужденная бесѣда отъ сердца къ сердцу... Я здѣсь узналъ, что собранія служащихъ, подобныя настоящему, въ квартирѣ батюшки бываютъ ежемѣсячно: это какъ бы самонровѣрка служащихъ церкви черезъ извѣстный промежутокъ времени. И какъ нужно воинству, въ постоянной борьбѣ съ язычниками находящемуся, такъ провѣрятъ время отъ времени свои силы?—Здѣсь же я узналъ и другія, не менѣе утѣшительныя вѣсти! Такъ,—всѣ христіане не рѣже одного раза въ мѣсяцъ собираются, въ домахъ по очереди, для взаимнаго утѣшенія и назиданія. Всѣ женщины составили женскій кружокъ и собираются ежемѣсячно въ квартирѣ о. діакона.—Какъ отрадно было узнать объ этомъ единеніи вѣрующихъ, какъ пріятно было видѣть это царство любви созидающей въ томъ городѣ, который своимъ упорнымъ сопротивленіемъ христіанству особо требуетъ напряженной христіанской жизни.—Я дѣлился воспоминаніями изъ своей прошлой петербургской проповѣднической дѣятельности. Говорилъ о незабвенныхъ лаврскихъ вечерняхъ, объ общемъ пѣніи на нихъ; и указывалъ на положительную необходимость ввести пѣніе, какъ оживляющій, воодушевляющій элементъ и на наши собранія въ Японіи...—Уже въ 6 ч. веч. разошлись мы. Я—подъ обаяніемъ той любви, которую вотъ уже не первый день наблюдаю среди тѣхъ, у которыхъ Господь мнѣ привелъ жить. Сохрани, Господи, всѣхъ насъ и впереди въ этой любви созидающей!

Вечеромъ я позвалъ къ себѣ Ив. Ал—ча съ семьей; хотѣлось по семейному посидѣть; рѣшено было устроить шеколадъ, Но... въ нужную минуту оказалось все: и шеколадъ, и кастрюльки, и огонь, и чашки; только не могли нигдѣ найти молока: его здѣсь не такъ-то много: но, конечно, и безъ шено-

лада мы сьумѣли въ дружеской бесѣдѣ провести мой послѣдній вечеръ въ моемъ Кёото.

20-е августа. Послѣдніе часы въ Кёото. Почему-то первый разъ за время своего путешествія я чувствую грусть предъ отъѣздомъ... Впрочемъ, и природа здѣсь чудная, и люди здѣсь хорошіе... Привязаться можно было къ Кёото не безъ основаній.—Утромъ сходили въ фотографію, гдѣ снялись на общую группу «съ «русской колоніей», какъ мы прозвали домъ Ив. Ал.—ча. Позавтракали у него и этимъ лишили себя возможности обѣдать: очень ужъ *по-русски* былъ устроенъ завтракъ! Въ 12 часовъ, простившись со всѣми, провожаемый дѣтьми за ворота (а дѣтей такъ много на церковномъ дворѣ!), я поѣхалъ на дзиприкиса на вокзалъ. Въ Нагойя, Оказаки и Тоёхаси меня сопровождаетъ о. благочинный прот. Семень Мій. На вокзалъ явились проводить меня о. діаконъ, катихизаторъ, нѣкоторые изъ христіанъ, и изъ христіанокъ; даже оглашаемые. Въ полномъ составѣ—были воспитанницы женскаго училища. Всѣхъ я на вокзалѣ благословилъ. И трогательно было видѣть этихъ исповѣдниковъ и исповѣдницъ, открыто являющихъ предъ всѣми свою принадлежность къ сынамъ и дочерямъ свѣта. При пожеланіяхъ скорѣе пріѣхать на *постоянное* житье въ Кёото, при крикахъ «сайео-нара»—«прощайте», тронулся мой поѣздъ и гостепріимный Кёото остался у меня позади! Благослови, Господи, мой дальнѣйшій путь!

Нагойя.

Еще предъ отъѣздомъ изъ Кёото накрапывалъ мелкій дождикъ. Мало по малу онъ разошелся и когда мы подъѣзжали къ ст. Баба, дождь лилъ уже вполнѣ. Къ сожалѣнію, поэтому мы не видѣли во всей красотѣ громаднѣйшаго озера Бива, на которое туристы изъ Кёото устраиваютъ нарочитыя экскурсіи. Дали и горы были скрыты отъ глаза или дождемъ, или туманными облаками.—Послѣобѣденное время располагало всѣхъ ко сну. Въ вагонѣ было тѣсно; дремали сидя, вѣрнѣе—клевали носомъ. Я предпочелъ усиленно бодрствовать. Передъ мною неслись чайныя и шелковичныя плантаціи, бамбуковыя рощи; всюду—рисовыя поля, всюду жилье. Вотъ мы проѣхали мимо большого города Хиконэ: здѣсь жилъ министръ Ии Камон-но-Нами, первый рѣшившійся открыть портъ въ Японіи для иностранцевъ; но за это впоследствии убитый япон-

нами въ Тоокёо... Плохо даже вѣрится, что все это разыгралось лишь 50 лѣтъ тому назадъ!.. Проѣхали ст. Секинахара, гдѣ произошла страшная битва между Іэасу и Хидеёри: это японское Бородино. Черезъ пять часовъ пути насъ встрѣтилъ густой чернѣйшій дымъ заводскихъ трубъ: мы подѣхали къ Нагойя. На вокзалѣ меня встрѣтилъ мѣстный батюшка о. Петръ Сибаяма, въ рясѣ и съ кабинетскимъ крестомъ и человекъ 8—10 христіанъ. Опять,—съ какой отрадой я благословлялъ ихъ, когда они подходили ко мнѣ на платформѣ подъ благословіе!.. А еще говорятъ иногда, и къ сожалѣнію пишутъ, что японцы, принимая христіанство, дѣлаютъ лишь на-время выгодное для себя дѣло!.. Нѣтъ, такіе христіане утѣшились бы открытаго проявленія себя на вокзалѣ! Въ церковномъ домѣ меня опять ожидали мужчины, женщины и дѣти. вмѣстѣ съ пріѣхавшими со мною, они составили очень большую группу, и я привѣтствовалъ ихъ краткою рѣчью. Сравнивъ себя съ военачальникомъ, который знакомится со вѣренными ему воинами, я повѣдалъ нагойцамъ, сколько утѣшенія душа моя уже восприняла въ Мацуямѣ, въ Кобе, въ Оосака, въ Кёото... Окрыленный, воодушевленный, я сейчасъ совершаю путь свой къ Тоокёо. Увѣренностью, что и церковь нагойская не покажется мнѣ иною и вмѣстѣ съ прочими, куда я еще поѣду, порадуетъ меня, я закончилъ свое привѣтствіе, заявивъ, что завтра же я ближе познакомлюсь съ христіанами въ ихъ домахъ, а вечеромъ—и побесѣдую со всѣми ими. Благословивъ всѣхъ, я затѣмъ провелъ вечеръ въ бесѣдѣ съ семьей батюшки,—единственнаго пока работника въ Нагойя... Поужинали... Японскія «хаси»—палочки, японскія кушанія—все это меня уже нисколько не смущаетъ; а зелень ихъ—даже очень нравится.—Подъ пологомъ—сѣткой я укрылся отъ знакомыхъ по матушкѣ Россіи супостатовъ—комаровъ, но еще болѣе лютыхъ (москиты, а въ Кёото ихъ нѣтъ!). «Отцы» очень долго и оживленно бесѣдовали... Но или они все же кончили бесѣду, или меня одолѣлъ сонъ, но я скоро забылся *)...

Епископъ Сергій.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Мѣсяць по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

21-е августа. Церковь въ Нагойя не столь многочисленна: нѣтъ и ста человѣкъ; семействъ христіанскихъ около 15. Однако, въ числѣ христіанъ есть лица интеллигентныя, лица со средствами; и они не остановились предъ расходами, купили землю и построили на ней просторный церковный домъ, съ помѣщеніемъ для священника и съ временною церковью. Катихизатора при церкви временно нѣтъ: всѣ обязанности несетъ на себѣ пока одинъ священникъ. Обязанности псаломщика и пѣвцовъ исполняютъ христіане.

Утромъ мы поѣхали по домамъ христіанъ, неся въ ихъ жилища миръ Христовъ. Успѣли сегодня посѣтить всѣ 15 домовъ, изъ нихъ 13 до обѣда и два послѣ обѣда. Вездѣ встрѣчались, по обычаю, необыкновенно ласковый пріемъ; и это тѣмъ дороже, что составъ нашей церкви здѣсь особенный: есть городской судья, есть фармацевтъ, служащій въ городскомъ госпиталѣ, старичекъ — первый въ Нагойя христіанинъ, въ свое время бывшій фотографомъ; пять (!) фотографовъ, въ томъ числѣ — лучший въ городѣ Мидзутани; редакторъ мѣстной газеты; бывшій предсѣдатель страхового общества... Словомъ, — церковь «интеллигентная» вообще, и церковь — «фотографовъ» вчастности! Меня заинтересовало количество фотографовъ-христіанъ; дѣло же объяснилось очень просто: дѣдушка Илья, занимаясь фотографіей, не забывалъ своихъ сотоварищей по ремеслу знакомить и со Христомъ; и вотъ — мы имѣемъ теперь столько добрыхъ христіанъ изъ фотографовъ. Всѣ они церкви

*) Продолженіе. См. апрѣль.

преданы; а одинъ изъ нихъ—Мидзутани—состоить даже ктиторомъ церковнымъ! У него мы сегодня и обѣдали; у него же и снимались во многихъ видахъ.—Примѣру фотографовъ слѣдуетъ и городской судья. Будучи самъ ревностнымъ христианиномъ, онъ исполняетъ въ церкви обязанности псаломщика, жена его поетъ въ хорѣ; а дома онъ проповѣдуетъ Христа!.. И вотъ уже два судьи слушаютъ сейчасъ ученіе Христово!.. Такъ то Богомъ установленными путями растутъ и множатся церкви нагойская! — Имѣеть церковь въ Нагойѣ и добрыхъ сердцемъ, щедрыхъ жертвователей, которые *отыскиваютъ* бѣдныхъ и помогаютъ имъ; таковъ предобрый челоувѣкъ, занимающійся изготовленіемъ шелковыхъ бумажниковъ. Занятіе его оказалось очень выгоднымъ. Господь благословляетъ христианина достаткомъ. А онъ дѣлится имъ съ бѣдняками. Воздай, Господи, вѣчнымъ блаженствомъ сему скромному труженнику за тѣ минуты блаженства, какія щедрая рука его доставляла бѣднякамъ-христианамъ.—Къ прискорбію, одинъ изъ встрѣчавшихъ вчера на вокзалѣ сегодня уже тяжело страдалъ: мы помолились у его постели о его здравіи, ободряли и утѣшали его, какъ могли...

Во то время, когда мы были у дѣдушки Ильи, въ сосѣднемъ буддѣйскомъ храмѣ ударили въ колоколь, —призывали къ богослуженію. Я не хотѣлъ упустить случая посмотрѣть ихъ моленіе, и мы пошли. Храмъ оказался принадлежащимъ сектѣ «Зенъ». Совершали заупокойное моленіе по скончавшемся докторѣ-женщинѣ, — монахинѣ этой секты... То, что я увидѣлъ, поразило не только меня, но было новымъ даже и для о. Семена Мія! На жертвенникѣ горять свѣчи и лампы. Въ храмѣ сидятъ молящіеся. А въ серединѣ, предъ жертвенникомъ, ихъ главный бонза, жрецы и монахини секты Зенъ, всѣхъ 16 челоувѣкъ; трое старшихъ въ цвѣтныхъ, богатыхъ облаченіяхъ. Твердя подъ тактъ, отбиваемый барабаномъ, какой то индѣйскій стихъ (параспѣвъ),—они медленно ходятъ въ четыре ряда, дѣлая зигзагъ: въ то время, какъ первый рядъ идетъ къ югу, второй къ сѣверу, третій къ югу, четвертый опять къ сѣверу... Они, конечно, совершаютъ этотъ зигзагъ, переходя постепенно изъ ряда въ рядъ и послѣ четвертаго ряда опять направляясь къ первому. Медленное покачиваніе жрецовъ, медленное параспѣвъ повтореніе одного и того же стиха, глаза устремленные въ пространство, барабанный бой, удары колокола, послѣ которыхъ главный жрецъ одинъ произноситъ

нѣсколько «въ носъ» какой то стихъ,—все это такъ было интересно. Но и грустно! Невольно хотѣлось спросить: о чемъ молитесь вы, невѣрующіе почти ни во что?.. Не отвѣтили бы на этотъ вопросъ ни жрецы, ни молящіеся, ибо они не понимаютъ тѣхъ стиховъ, кои они повторяютъ на невѣдомомъ имъ языкѣ.—Насъ въ храмѣ приняли съ большимъ почетомъ: провели мимо жертвенника и усадили такъ, чтобы все было видно... А мы, посѣщали христіанъ въ Нагойя (только!) въ полной формѣ: я былъ въ панаги, а о.о. Мій и Сибаяма—въ кабинетскихъ крестахъ... Конечно,—первый вопросъ былъ — кто мы...—Усиленно оставляли насъ пить чай, и видимо опечалились, когда мы поспѣшили и не остались: а въ храмѣ той порой уже накрывалась поминальная трапеза. — Въ четвертомъ часу мы возвратились домой. Здѣсь я получилъ привезенные мнѣ изъ Тоокѳо письма; всѣ съ родины и изъ Россіи!.. Мое доброе настроеніе стало совсѣмъ хорошимъ; и я въ такомъ то святомъ настроеніи шелъ на бесѣду съ христіанами, устроенную по случаю моего пріѣзда въ 7 час. вечера.

На собраніе вечеромъ явились почти всѣ христіане. Спѣли молитву «Царю небесный», послѣ которой я обратился къ собравшимся со своимъ словомъ, въ основу котораго я положилъ слова св. ап. Павла изъ посланія къ Солунянамъ, изъ V гл. [ст. 11. 15—25]. Да! Сколько жизни, современной жизни въ апостольскихъ наставленіяхъ! Читаешь посланіе, а самъ видишь предъ собою своихъ японскихъ христіанъ съ ихъ нуждами... Бесѣду мою слушали со вниманіемъ большимъ. По окончаніи ея пѣвчіе спѣли пріветственную мнѣ пѣснь, а редакторъ газеты отъ лица церкви пріветствовалъ меня особымъ адресомъ, въ которомъ выразилъ радость, что я пріѣзжаю въ Японію при улучшившихся взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, и пожелалъ мнѣ успѣха въ работѣ, которой предстоить много, для умноженія церкви въ Нагойѣ и вообще въ Японіи.—Кратко отвѣтилъ на рѣчь и я, призвавъ всѣхъ къ усиленной проповѣди Христа въ домахъ своихъ: успѣхъ такой проповѣди несомнѣненъ, — примѣръ фотографовъ тому доказательство...—Мнѣ спѣли русское «многая лѣта», пропѣли «достоинно есть» и часть оффиціальную закончили, приступивъ къ другой части, неоффиціальной. Подали японскій чай, разныя сласти, и начались разговоры съ разными лицами, на разныя темы... Оживились особенно дѣти... Долго мы мирно бесѣдовали... Но время шло, и собраніе таяло, постепенно уводили

и уносили дѣтей!.. И когда я благословилъ послѣднихъ трехъ, долго сидѣвшихъ около «хибацн» съ трубками, было уже около 10¹/₂ ч. веч.—Такъ то Господь привелъ мнѣ познакомиться и съ церковью нагойской. Христіане добрые! Ни ослабѣвшихъ, ни уклоняющихся отъ церковнаго общенія — нѣтъ. Да множится же среди нихъ «дѣло вѣры, трудъ любви, и терпѣніе упованія»!

22-е августа. Утромъ съѣздили мы на русское кладбище военно-плѣнныхъ.. И здѣсь — кладбище! Вотъ уже третье за время моего недолгаго пути! Конечно—кладбище за городомъ. на красивомъ мѣстѣ; но оно — помѣщается вмѣстѣ съ японскимъ военнымъ кладбищемъ. Направо отъ входа въ него и лежатъ 15 напихъ солдатиковъ, изъ нихъ 12 православныхъ, 1 католикъ и 2 мусульманина. На могилахъ стоятъ небольшія каменные плиты съ русскою надписью имени, фамиліи погребеннаго, части, въ которой онъ служилъ и съ датой его смерти. Кромѣ этого,—есть общій памятникъ въ видѣ колонны, увѣнчанной двуглавымъ орломъ и крестомъ,—надпись на немъ, къ сожалѣнію. такъ уже вывѣтрилась, что ее и прочитать почти невозможно! Я совершилъ литію на могилкахъ. Пѣли со мной о.о. Мій и Сибаяма. Грустно видѣть эти могилки, заброшенныя на далекую чужбину... Кто-то посѣтитъ ихъ?.. Кто-то вздохнетъ на могилкахъ этихъ героевъ?... Случайные русскіе такъ рѣдки, да и всѣ ли они вспомнятъ о землякахъ?... Но особенно грустно заговорили эти могилки здѣсь, на этомъ кладбищѣ: вотъ рядомъ съ ними огражденное мѣсто павшихъ въ японско-китайскую войну воиновъ; вотъ свѣжіе памятники указываютъ мѣсто погребенія воиновъ, павшихъ въ Манчжуріи... Японскому солдату, оказывается, лежать на чужбинѣ не полагается и прахъ его привозится и погребается въ родной землѣ. Дождутся ли и наши солдатики того дня, когда соберутъ ихъ кости въ общіе гробы и перевезутъ ихъ въ Россію... Братская могила на родной землѣ,—была бы лучшею наградою и вѣчнымъ памятникомъ нашимъ героямъ — воинамъ.

Ровно въ 12 часовъ пообѣдали мы по-японски, напились чаю, и въ 1 часъ дня поѣхали на вокзалъ, покидая Нагойю и направляясь въ Оказаки. Явились провожать христіане въ очень большомъ числѣ... Среди нихъ рѣзко выдѣлялась фигура дѣдушки Ильи, пришедшаго подъ большимъ зонтикомъ и съ большой палкой!.. Большая борода придаетъ ему такой

патріаршій видѣ!.. Всѣхъ христіанъ я благословилъ, поблагодарилъ за ласковый пріемъ, пожелалъ не ослабѣвать въ вѣрѣ и умножать церковь... Всѣ предъ вагономъ стояли безъ шапокъ и шляпъ... Тронулся поѣздъ и я, благословляя всѣхъ, двинулся въ путь. Но еще долго съ платформы посылали мнѣ свои прощальные привѣты добрые христіане.

Оказакіи.

Итакъ, мы ѣдемъ въ *Оказакіи*,—нѣчто въ родѣ небольшого уѣзднаго города. Однако, церковь здѣсь изстари славна и сейчасъ немала! Еще въ Мацуяму писали мнѣ изъ Оказакіи, прося увѣдомить о днѣ и часѣ моего проѣзда: христіане хотя на минуту хотѣли видѣть меня и получить мое благословіе... Теперь Господь приводитъ меня повидаться съ христіанами долѣе и побесѣдовать съ ними. Слава Богу!—День стоялъ очень хорошій. Мои спутники прилегли «на минутку» отдохнуть: а и переѣздъ-то всего 1 ч. 20 м. А я впервые за время отлучки изъ Тоокёо взялся за русскія газеты, такъ любовно присланныя мнѣ Владыкою Архіепископомъ. Матеріала много: не читалъ ничего съ 15 іюля, а присланы гезеты до 1 апрѣля, и я съ жадностью набросился на нихъ. Но пробѣжать успѣлъ лишь три номера и уже нужно было выходить: пріѣхали на ст. Оказакіи, отъ города отстоящую верстахъ въ 4—5.

Конечно, опять встрѣча! О. діаконъ Исида, катихизаторъ, нѣсколько христіанъ, не менѣе 10, среди нихъ — докторъ... Послѣ взаимныхъ привѣтствованій мы заняли нанятый вагончикъ конной тяги и «поплелись» въ Оказакіи... И такъ-то мнѣ вспомнились вагончики, и теперь еще ходящіе должно быть по Гороховой къ Волкову!..—У остановки вагона—масса христіанъ, горячо меня привѣтствовавшихъ. Благословивъ ихъ общимъ благословіемъ, я со спутниками усѣлся въ дзинрикиса и черезъ нѣсколько минутъ подѣхалъ къ церковнымъ зданіямъ.

И земля церковная, и дома на ней устроенные,—все это пріобрѣтено мѣстными христіанами на свои средства. На очень большомъ участкѣ земли въ настоящее время находится устроенный совсѣмъ, какъ церковь, молитвенный домъ. Здѣсь и алтарное помѣщеніе, довольно просторное, съ престоломъ; здѣсь и очень хорошій иконостасъ; достаточной вышины потолка. Жаль лишь, что зданіе уже ветшаетъ, и требуетъ за-

мѣны его новымъ. А какъ бы хорошо было увѣнчать его куполомъ и колокольной, и освятить! Находится оно рядомъ съ синтоистскимъ храмомъ, и богомольцы этого послѣдняго всегда идутъ мимо креста, увѣнчивающаго наше зданіе. Въ просторномъ домѣ катихизатора приготовили помѣщеніе для насъ съ о. Семеномъ.—Недолго намъ пришлось переправляться съ дороги. Наскоро напились чаю, умылись, одѣли свои рясы, и — на дѣланіе. Христіане, побросавшіе свои занятія, наполняли церковный дворъ, постоянно заходя ко мнѣ за благословеніемъ. Дѣтки слѣдили съ удивленіемъ за нашимъ чаепитіемъ, умываньемъ, переодѣваньемъ. Около половины пятаго христіанъ пригласили въ церковь; я положилъ обычное начало; и по молитвѣ началъ свою бесѣду. Говорилъ я о тѣхъ основныхъ настроеніяхъ, которыя неизмѣнно въ жизни должны отличать каждаго христіанина; призывалъ къ *вѣрѣ* въ Бога живого, въ трехъ лицахъ познаваемаго; но къ *вѣрѣ*, не какъ безсодержательному слову, не какъ безотчетному признанію чего-то вышаго надъ собой; а къ *вѣрѣ живой*, какъ сознательному, таинственному объединенію съ Богомъ; я призывалъ къ *любви*, при которой для христіанина существуетъ прежде всего все, что внѣ его: Богъ, ближніе; а потомъ уже онъ; къ любви, при которой онъ всѣхъ обнимаетъ своимъ сердцемъ, живя не для себя, а для другихъ: я говорилъ о *надеждѣ*, которая такъ же одушевляетъ христіанина на его пути къ царству небесному, какъ ослабѣвающаго пловца въ житейскомъ морѣ подбодряетъ вдали виднѣющійся огонекъ маяка. Свою рѣчь я старался основать строго на словахъ самого Спасителя, св. ап. Павла, св. ап. Петра... Я не стѣснялся временемъ: для общенія съ христіанами и прибылъ вѣдь я! И употреблялъ всѣ усилія нѣсколько отвлеченный предметъ бесѣды сдѣлать совершенно яснымъ для всѣхъ. Уже въ седьмомъ часу вечера, выслушанный при гробовомъ молчаніи, съ необыкновеннымъ вниманіемъ, добрался я до конца.—Всѣхъ потомъ благословивъ, я объявилъ, что по примѣру св. апостоловъ, и мы пріѣхали не только благовѣстить, но и миръ Христовъ въ дома вѣрующихъ принести, что и исполнимъ завтра. Въ заключеніе еще разъ я призывалъ вѣрующихъ *проснуться*, если кто изъ нихъ спитъ; встряхнуть *дремоту*, если у кого она есть; и съ твердою вѣрою въ помощь Божію и въ славное будущее Христовой церкви въ Японіи, *идти* къ язычникамъ съ *благовѣстіемъ* Слова Бжжія, не ожидая когда они къ намъ пойдутъ. Надеж-

дою, что еще не успѣю я состариться, а уже увижу церковь окаянскую приумноженною и можетъ быть буду молиться въ храмѣ, созданномъ усердіемъ христіанъ, я закончилъ свою рѣчь.

Было очень жарко. Хотѣлось послѣ бесѣды хотя немного освѣжиться на воздухѣ... И мы мимо синтоистскаго храма пошли на сосѣднюю гору (Кабуто-яма), откуда открылся намъ чудный видъ на лежащій подъ нами городъ. Вдали—рельефы горъ; ближе—поля, рѣка, городъ... И если бы не сырость, начавшая нападать къ вечеру,—кажется не ушелъ бы съ горы!..

23-е августа. День, необыкновенно обильный впечатлѣніями. Рано я сегодня поднялся—уже въ 5 ч. утра; но здѣсь и всѣ такъ рано встаютъ! Вотъ и пригодилось мнѣ, что я по совѣту Дай-Сикѳо приучилъ себя вставать въ 6 ч. у.! Съ 6 ч. вѣдь вся Японія уже на ногахъ! Все утро писалъ, а съ 8 ч. утра поѣхалъ по домамъ христіанъ. Въ первомъ же домѣ оказался глазной докторъ... Благочестивый человѣкъ, имѣющій семью изъ 7 человѣкъ. Изучаетъ русскій языкъ и просилъ выписать для него курсъ анатоміи. Ожидавшіе его паціенты не препятствовали ему молиться вмѣстѣ съ нами!—Вотъ мы у старичка со старушкой... Богатые люди, а еще болѣе благочестивые! Всѣ свои дѣла побросаютъ, если только есть какое-нибудь дѣло церковное! Эта пара—общепризнанное украшеніе церкви!—Старушка же все время плакала отъ радости при нашемъ посѣщеніи!—Мы у доктора Тонака... Роскошный домъ... На молебнѣ именъ не перечесть! Когда же я стала дѣлать отпускъ, — предо мной стояла цѣлая церковь! Пятнадцать человѣкъ христіанъ! Изъ нихъ 10—семейныхъ и 5 служащихъ у доктора!—Докторъ необыкновенно преданъ церкви и отличается большою щедростью. Его тестъ, тоже докторъ—старикъ, основа и украшеніе церкви въ Хамамацу... Конечно, вырваться безъ угощенія мы не могли... Дыни, арбузы, шоколадъ, бисквиты... Но сердца, широкаго любящаго сердца сколько! Оказалось, что и ковры, и одѣяла, и подушки, и ножи, ложки и вилки,—все это прислано въ мою квартиру любовью доктора! Да и видъ то у него какой-то патриаршій: широкое лицо, окладистая борода, костюмъ на подобіе нашей рясы!.. Говорятъ, что когда въ Тоѳхаси посѣтилъ нашихъ плѣнныхъ, къ нему одинъ солдатикъ подошелъ подъ благословеніе... И не удивительно!.. Такая у него... даже «протоіерейская» осанка! — Мы у дѣдушки съ бабушкой... На стѣнахъ длинное копье и штыкъ на шесть: дѣдушка — самурай, учав-

ствовавшій въ войнахъ еще до реформъ 1868 г.!.. — Предъ нами старушка, сынъ которой состоитъ докторомъ въ другомъ городѣ...—Къ сожалѣнію, не удалось мнѣ побывать еще у одного доктора, живущаго въ сторонѣ за городомъ... Да! На-гойя—церковь фотографовъ, а Оказики — церковь докторовъ! А причина опять одна: были здѣсь два преданнѣйшихъ церкви доктора,—они то и распространяли Христа среди соработниковъ. Не урокъ ли, какимъ путемъ и теперь намъ направить усилія! Путемъ домашней проповѣди, путемъ семейнаго ознакомленія со св. Евангелиемъ.—Посѣтилъ я сегодня 16 домовъ: вездѣ встрѣчалъ любовь великую; много встрѣтилъ и радостей: божнички у нѣкоторыхъ христіанъ, — что угольники на Св. Руси!.. Тутъ и иконки Спасителя, и икона Божьей Матери, и св. Александра Невскаго... На стѣнахъ — виды Суругада и портреты Дай-Сикѳо...—Да, не безъ основанія церковь оказикская считается одною изъ лучшихъ!..

Пообѣдали. Время близилось къ отъѣзду. Одинъ за другимъ подходятъ христіане, берутъ у меня благословеніе и остаются въ комнатахъ церковнаго дома. Прибѣгаютъ дѣти. Быстро дѣлаютъ зѣмнымъ поклономъ привѣтъ и бѣгаютъ по двору... Собралось народу около 50 человекъ. Пришла плакавшая на молебнѣ старушка и принесла три коробки съ печеньемъ: одну мнѣ, одну о. Мію и одну просила передать Владыкѣ Архіепископу. Когда же я ее поблагодарилъ какъ только могъ, и благословилъ,—она голосомъ заплакала... Господи! За грѣхи ли мои такая любовь вѣрующихъ...! Вотъ благочестивый старецъ со старушкой несутъ мнѣ коробку японскихъ «о-Каси», конфетъ. Было уже 1 ч. 30 м. дня. Въ 2 часа нужно выѣзжать конкой до станціи... Сердце требуетъ сказать что либо, муравейнику, около меня кипѣвшему, и я, со-звавъ всѣхъ къ своей комнатѣ (³/₄ стояли на улицѣ), сказалъ приблизительно слѣдующее: «Вы, братіе, живете среди язычниковъ. На васъ, какъ на людей новой вѣры, обращены взоры всѣхъ. По вашей жизни язычники оцѣниваютъ не васъ, но вѣру нашу, нашего Христа... Св. Ап. Павелъ когда-то писалъ нѣкимъ христіанамъ: «имя Божіе вами хулится среди язычниковъ». Братіе! Что можетъ быть для насъ дороже Христа, дороже славы Его святаго имени? Будемъ же жить такъ, чтобы смотря на насъ язычники не смѣялись надъ нами, надъ вѣрой нашей, надъ Христомъ, а напротивъ говорили: да,—вотъ это истинная вѣра! да,—добру и жизни доброй учить людей про-

повѣдуемый Христось? — Братья! Христось училъ не только словомъ, но и жизнью своей. Живите и вы, какъ научилъ словомъ и примѣромъ Христось,—и вы станете проповѣдниками Христа среди сѣдящихъ во тьмѣ собратій вашихъ. И не такъ трудно вамъ жить жизнью доброй. Вчера я вамъ говорилъ много о любви, какъ основномъ настроеніи христіанства. И сейчасъ опять повторю: *любите и любите!* Какъ среди темной ночи трудно идти безъ свѣта, и всегда можно споткнуться, упасть, ушибиться и убится; такъ невозможно идти безъ свѣточа и въ жизни... А гдѣ этотъ свѣточъ? Да именно *любовь*. Она освѣтитъ вамъ вашъ жизненный путь! Она покажетъ вамъ всѣ подводныя скалы житейскаго моря, всѣ ямки, всѣ камни жизненной дороги! Она проведетъ васъ по всѣмъ извилинамъ жизненной тропинки! При любви для васъ ясными станутъ всѣ ваши отношенія и къ Богу, и къ ближнимъ, и къ себѣ. Научитесь же любить,—и вы будете свѣтить своею жизнью среди окружающей васъ тьмы. Но и въ жизни такъ бываетъ, что когда среди ночи зажигается свѣтъ, все недоброе, нечистое, злобное прячется отъ свѣта... Зажгите же, братія, свѣтъ любви и вѣры въ мірѣ языческомъ, и вѣрится мнѣ, что при этомъ свѣтѣ и сами язычники станутъ постепенно лучше... Впрочемъ,—время ѣхать. Прощайте, благослови васъ Господь. Молюсь, да стоитъ твердо вѣра, да множится любовь ваша, да поддерживаетъ васъ бодрость духа, надежда. Прошу и вашихъ молитвъ,—да поможетъ мнѣ Господь скорѣе слиться съ вами и устами, и душою; и тогда мы единымъ сердцемъ и едиными устами будемъ славить Отца, и Сына, и Св. Духа». За буквальную точность бесѣды конечно—не ручаюсь; но мысли вѣрны... Опять пошли подъ благословеніе... Багажъ оправили прямо на станцію, а мы до «бася»—«конки» — пошли пѣшкомъ... Ясный, очень жаркій день. Узкія улицы г. Оказакі. Идутъ по нимъ «сикѳо» Сергій, въ подрясничкѣ, подъ зонтикомъ, о. Мій, и большая толпа христіанъ: старцы мужи, жены, дѣти... Изъ лавокъ, изъ домовъ — выглядываютъ любопытныя язычнички. Изъ лежащихъ попути домовъ выходятъ остальные христіане... Картина умилительная!.. Она сама уже отвѣчаетъ на вопросъ: что за христіане въ Японіи... Мы съ представителями церкви усѣлись въ вагончикъ... Ко мнѣ протягиваются для благословенія руки, протягиваютъ ко мнѣ дѣтокъ, стоятъ старики со слезами на глазахъ!.. Можно ли выдержать себя спокойнымъ при такой обстановкѣ?.. Пока-

зался вагонъ, я преподаль общее благословеніе... Оказакі остались скоро вдали. На вокзалѣ пришлось нѣсколько подождать. Но время шло незамѣтно въ бесѣдѣ съ провожавшими. Подкатилъ поѣздъ, которымъ мы и вчера пріѣхали; мы еще разъ горячо простились съ христіанами и усѣлись въ вагонъ... Станція не изъ большихъ, остановка минутная... Уже поѣздъ идетъ далеко за станціей, а фигура доктора съ большой бородой все еще на платформѣ и шлетъ намъ привѣтъ любви! Прощай церковь оказакская! Прощай! Не уѣхаль бы отъ тебя сегодня, но ждетъ насъ и церковь въ Тоѣхаси, самый почетный и ревностный христіанинъ которой пріѣхаль за нами въ Оказакі и теперь ѣдетъ вмѣстѣ съ нами.

Тоѣхаси.

Отъ Оказакі до Тоѣхаси ѣзды одинъ часъ. Поѣздъ идетъ быстро. Вмѣсто рисовыхъ полей вездѣ по сторонамъ шелководныя плантаціи... Направо опять показалось море съ его островками, лодочками... Въ четыре часа съ минутами мы уже выходили на ст. Тоѣхаси, гдѣ насъ встрѣчалъ мѣстный батюшка о. Акила Хирота и человекъ 10 почтенныхъ христіанъ. А когда мы вышли на площадь, со мною начали раскланиваться и направо и налево: это христіане и христіанки, вышедшіе встрѣчать меня (на платформу идти не всѣ: здѣсь всюду за выходъ на платформу—2 к.). Усѣлись на дзинрикися... Образовался поѣздъ телѣжекъ въ 20!.. И съ такой-то торжественностью мы ѣхали по улицамъ очень большого города Тоѣхаси. Намъ отвели помѣщеніе, въ церковномъ домѣ, который построенъ общиной христіанъ на свои средства... Сюда собрались всѣ встрѣчавшіе меня на вокзалѣ, всѣ встрѣтившіе меня здѣсь, и я поздоровался съ ними краткимъ привѣтствіемъ, пожелавъ имъ, какъ *людямъ* вообще, здоровья тѣлеснаго, этого величайшаго дара Божьяго; какъ *христіанамъ* здоровья душевнаго, безъ котораго немислимъ истинный христіанинъ.—Благословивъ каждаго въ отдѣльности, я отпустилъ всѣхъ по домамъ до всенощнаго бдѣнія, которое начиналось въ 7 ч. вечера.

Церковный домъ очень большой, двухъ-этажный. Во-второмъ этажѣ устроена временная церковь... Алтарь достаточный, иконостасъ—рѣзной работы русскихъ военно-плѣнныхъ; иконы

очень хорошія, особенно Спасителя и Божіей Матери. Въ настоящее время у христіанъ уже собрана часть денегъ на постройку новой церкви, планъ которой виситъ въ комнатѣ собраній; и быть можетъ не за горами то время, когда Тоёхаси украсится православнымъ храмомъ, но вѣроятно на другомъ мѣстѣ, уже общиною пріобрѣтенномъ.

Мѣстные пѣвчіе спѣли всенощное бдѣніе очень хорошо; церковь молящимися была наполнена. По окончаніи службы я обратился къ собравшимся съ простымъ своимъ словомъ; я выразилъ радость при видѣ ихъ любви къ храмамъ Божиимъ и къ богослуженію. Храмы, говорилъ я,—это особыя мѣста, въ коихъ неограниченный пространствомъ Богъ какъ бы ограничиваетъ себя мѣстомъ, нарочито являя себя здѣсь для ограниченнаго человѣка... И хотя престолъ этого храма еще не освященъ, но и на немъ совершается безкровная жертва... И въ немъ поэтому Богъ скорѣе услышитъ молитву вѣрныхъ... Однако,—построеніе настоящаго «селенія» Божія всетаки должно быть постояннымъ желаніемъ всѣхъ васъ... Начинайте же скорѣе. Средства отчасти есть. А далѣе Богъ поможетъ.—Ходите въ церковь, говорилъ я далѣе, молитесь общественною молитвою. Съ нею никогда не можетъ равняться молитва частная. Одна свѣчка ярко горитъ, а нѣсколько свѣчей горятъ гораздо ярче: одинъ изъ васъ тепло молится, а нѣсколько несравненно теплѣе, и поэтому скорѣе будутъ услышаны!—Одна свѣчка даетъ малое пламя, а пучекъ свѣчей большое, ибо въ немъ нѣсколько свѣтиленъ даютъ какъ бы одну свѣтильню, раздѣленный на нѣсколько свѣчей воскъ—даетъ какъ бы одну свѣчу. Такъ и въ церкви: нѣсколько молящихся дополняютъ душевную теплоту другъ друга, и образуютъ ту молящуюся единицу, которая сильна раздвинуть небеса и низвести на вѣрующихъ милость Божию. Въ кострѣ сырое полѣно не сразу горитъ, но согрѣтое и высушенное тепломъ другихъ и оно загорается: и въ церкви человѣкъ съ холодомъ въ сердцѣ не вдругъ-то загорится яркимъ огнемъ вѣры! Но его обогрѣютъ своею молитвою братья, и онъ, смотря на примѣръ братьевъ, то же ярко начнетъ вѣрою горѣть и тепло молиться... Призывомъ къ усердному посѣщенію общественныхъ молитвъ въ храмѣ я и закончилъ свою немудреную бесѣду.

Постепенно расходились вѣрующе. Многіе заходили ко мнѣ за благословеніемъ. Но дѣти! И здѣсь, какъ и въ Оказаки, они меня поражаютъ! Такъ они смѣлы! Приходятъ въ

комнату, быстро занимают сидячее положеніе («по-японски»), поклонъ до полу и «конничива» или «сайео-нара». А не вездѣ они одинаково спокойно смотрятъ на длинные волосы и бороду!

Опять пришлось ночью прятаться отъ комаровъ подъ пологомъ. Но и общая усталость, и принятая ванна скоро смежили мои глаза... Въ 12 часу ночи я уже мирно спалъ ¹⁾.

Епископъ Сергій.

---

^{*)} .Окончаніе слѣдуетъ.

Мѣсяцъ по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

24-е августа. Воскресенье. Литургію служилъ о. Акила. У мѣстныхъ пѣвчихъ оказались голоса; есть и умѣнье пѣть. Въ самыхъ простыхъ мотивахъ слышалось мнѣ что-то совсѣмъ уже русское! И мое сердце не обмануло меня: всѣ эти мотивы—наслѣдіе военноплѣнныхъ солдатиковъ, жившихъ и въ Тоѳхаси. Во время «запричастнаго» я бесѣдовалъ съ вѣрующими, опять наполнившими церковь. Взявъ въ основу своей бесѣды изъ посланія къ Галатамъ, изъ гл. V-й ст. 16—17, я прежде всего постарался какъ можно яснѣе нарисовать, какъ въ человѣкѣ сначала царствовалъ *духъ*; какъ человѣкъ, послушавшись плоти, воцарилъ въ себѣ *плоть*, причемъ духъ не умеръ, но какъ бы отошелъ на второй планъ; какъ Христосъ Спаситель, побѣдивъ плоть, *оживилъ духъ* и его возстановилъ въ царственныхъ правахъ... Затѣмъ я убѣждалъ не слушаться вельнѣй *плоти*, въ насъ еще говорящей, ибо *плоды* ея очень ужъ грязны (ст. 19—20). послѣдствія очень печальны—потеря того, куда стремимся (ст. 21). Побѣдить плоть съ ея страстями—вотъ цѣль христіанина, хотя бы достиженіе ея стоило страданій распятія (ст. 24)!—Побѣдивъ плоть, христіанинъ этимъ самымъ развяжетъ крылья *духу* безсмертному и незамѣтно для себя украсить себя чудными *плодами духа*, каковы: любовь, радость, миръ (ст. 22—23) и проч. Увѣщаніемъ не тщеславиться своею праведностью, не раздражать упреками слабыхъ, не завидовать духовно сильнымъ (ст. 26), а напротивъ — носить тяготы другъ друга. для исполненія за-

*) Окончаніе; см. май.

кона Христова (VI. 2) и призваніемъ на дѣло христіанина благодати Господа Исуса Христа, любви Бога и Отца, и общенія Св. Духа,—закончилъ свою бесѣду.—Послѣ литургіи мѣстный фотографъ-христіанинъ увлекъ меня къ себѣ въ фотографію, а затѣмъ и самъ пріѣхалъ къ церковному дому и здѣсь фотографировалъ всю церковную общину.—Пообѣдали. Простились съ о. Міемъ, возвращающимся въ Кёото, и въ 2 часа поѣхали посѣщать христіанъ.

Посѣтили около 20 домовъ.—всѣхъ христіанъ Тоёхаси. Въ каждомъ домѣ насъ ждали: предъ иконами или горѣла лампадка, или зажигали свѣчи. Ладонь курили при началѣ молебна почти вездѣ. Иногда семья стояла молебень со свѣчами. Заранѣе у всѣхъ приготовлена записочка съ именами о здравіи.—А послѣ молебна—сколько и желанія, и усилій угостить, или по крайней мѣрѣ усадить!.. У старость (общинной, обычно, управляютъ выборные старосты со священникомъ во главѣ) мы останавливались долѣе и разсуждали о положеніи церкви въ Тоёхаси.—Составъ церкви—почти исключительно люди состоятельные, или интеллигентные. Есть владѣтель завода, изготовляющаго *сою* (—староста); заводчикъ по обработкѣ риса (—староста), офицеръ—поручикъ, два фотографа, парикмахеръ, торговцы разнымъ товаромъ... Всѣ—люди христіански твердо устроены и производятъ впечатлѣніе искренности и убѣжденности. Особенно же работаетъ для церкви заводчикъ сои, первый въ Тоёхаси богатъ, г. Танака.—Около 6 час. вечера окончили мы посѣщеніе христіанъ. Оставался еще часъ, пока свѣтло на улицѣ. Мы пошли посмотрѣть мѣсто, купленное уже лѣтъ 7 назадъ подъ будущую церковь. Мѣсто очень большое (560 цубо, — около 560 кв. саж.), но и цѣна большая: 2,600 енъ! Однако, христіане усматриваютъ въ немъ и неудобства: мѣсто находится рядомъ съ дивизіей. Опасаются поэтому, не встрѣтитъ ли себѣ препятствій нашъ звонъ. Пошли затѣмъ посмотрѣть городъ: прошли по главной улицѣ, вышли куда-то къ памятнику перваго императора. Но началъ накрапывать дождикъ, и къ 7 час. мы поспѣшили возвратиться домой.

Начали подходить христіане. По мѣстному обычаю благодарятъ за посѣщеніе, и потомъ усаживаются въ большой комнатѣ собраній. Здѣсь стоитъ большое «хибаци» — какъ не усѣсться около него! Человѣкъ десять кругомъ, нѣкоторые покуриваютъ трубки; то помолчатъ, то поговорятъ... Подсѣлъ и я... и разговорамъ не было конца!.. Говорилъ я о свѣтлыхъ

надеждахъ на будущее христіанство въ Японіи, утѣшая христіанъ; отвѣчала на вопросы о почитаніи въ Россіи воскресныхъ дней; о лѣтнемъ рабочемъ днѣ русскаго крестьянина.. Допрашивали они меня и о томъ, —вѣрно ли, что въ Россіи крестьяне не всѣ грамотны (стыдно предъ грамотными японцами было!)... Очень ихъ интересовали и наши бѣлыя ночи, и зимніе короткіе дни... Словомъ, —видимо много слышали про Россію, но очень мало ее знаютъ!.. Уже съ начала одиннадцатаго я всѣхъ ихъ благословилъ и отпустилъ. —Мы собрались ко сну, намѣреваясь завтра пораньше съѣздить на православное кладбище за городъ, гдѣ похоронено два русскіихъ солдатика...

25-е августа. Утромъ шелъ дождь, и настолько большой, что ѣхать на кладбище за городъ было немислимо. Со скорбью въ сердцѣ ходилъ я по своей комнатѣ, да посматривалъ, не пошлетъ ли Господь «ведрышка»; но дождь пересталъ лишь въ 9-мъ, а въ 10 ч. отходилъ нашъ поѣздъ. Пришлось мисленно послать привѣтъ двумъ землякамъ —солдатикамъ!..

На вокзалъ явилась, кажется, вся христіанская община! Какъ дѣти около отца, они собрались около меня; я благословилъ каждого въ отдѣльности, простился со всѣми и усѣлся въ подошедшій поѣздъ... Язычники массою смотрѣли на новое для нихъ зрѣлище. При сердечныхъ пожеланіяхъ тронулся нашъ поѣздъ. Я направлялся въ Хамамацу. О. Акила Хирота нѣсколько заболѣлъ, и я поѣхалъ уже лишь съ Кагэтой, какъ своимъ переводчикомъ. Дорога недолгая — всего часъ! Проѣхали мимо Бентендзима, —морскихъ купаній и чуднаго озера!.. Поѣздъ долгое время шелъ по дамбѣ, потомъ по мосту, имѣя и направо, и налево воду. Всюду —рыбаки, а далеко направо —пѣнящійся морской прибой!.. Хорошо было на душѣ, послѣ всего хорошаго, что я видѣлъ вездѣ, и —только что въ Тоёхаси; и такую прекрасною казалась мнѣ прекрасная и въ дѣйствительности природа...

Хамамацу.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа утра поѣздъ остановился въ Хамамацу. Къ нашему вагону подъѣзжалъ юноша Іоаннъ, сынъ здѣшняго доктора Моисея Оота, и радостно привѣтствовалъ насъ. Тутъ же оказались его папа, и катихизаторъ и даже христіане!.. А и домовъ-то христіанскихъ въ городѣ всего 8!..

Мы поѣхали по улицамъ города. Улицы довольно чистыя, но трубъ фабричныхъ очень много. Говорятъ,—онѣ изукрасили Хамамацу въ послѣднее время. Много трубъ еще только поднимаемыхъ! Производятъ на фабрикахъ матеріи; есть заводы музыкальныхъ инструментовъ. Близость къ городу моря: срединное положеніе между Нагойя и Сидзуока; фабрики и заводы; — все это быстро увеличиваетъ населеніе Хамамацу (уже теперь 25 тыс.). Но къ сожалѣнію, скорбятъ христіане, съ увеличеніемъ фабрикъ портятся и нравы жителей...

Недолго намъ пришлось ѣхать, вотъ мы уже у зеленаго дома, со стѣны котораго такъ привѣтливо зоветъ къ себѣ восьмиконечный вызолоченный крестъ!.. Это — молитвенный домъ христіанъ г. Хамамацу и его окрестностей (всѣхъ до 80 чел.). Внизу устроена временная церковь; иконостасъ въ ней очень хорошій; и—мнѣ кажется—много лучше иконостасовъ Нагойя, Оказаки и даже Тоѣхаси; вверху—комнатка на случай пріѣзда священника (своего здѣсь нѣтъ; ѣздитъ изъ Тоѣхаси отъ Акила Хирота). Здѣсь же квартира катихизатора.

Въ верхней комнаткѣ я и помѣстился было... Юноша Иванъ (японское имя — Какуси) не забывалъ насъ; и наша комната постепенно наполнялась всякой-всячиной! Китайскій чивъ американское печенье къ нему, прекрасный виноградъ, груши, яблоки... Все это доставлялось изъ дома его папаши. Въ 12 часовъ намъ принесли оттуда же прекрасный японскій обѣдъ... Господи,—думалось мнѣ! Люди только-только меня, увидѣли, а съ какой любовью не только дѣлаютъ для тебя все, но стараются даже угадать твои желанія!... За что? За что? Но вотъ чрезъ нѣкоторое время пришла прихворнувшая было супруга доктора Оота и для меня сразу все стало понятнымъ: столько даже на лицѣ ея добраго сердца, нѣжной теплоты, материнской ласки!..

Въ ожиданіи бесѣды постепенно подходили христіане. Привели старца-слѣпца и усадили его въ моей комнаткѣ. Пришелъ докторъ изъ-за города... «Какъ? Второй докторъ?... Да нѣтъ ли у васъ тутъ и еще докторовъ?».. И что же? Оказалось сейчасъ въ Хамамацу *пять* докторовъ! Это — старецъ Оота и его четыре ученика по вѣрѣ... Ждутъ еще шестого! И тогда дѣйствительно можно будетъ говорить, что церковь здѣшняя—церковь докторовъ!...

Меня этотъ фактъ навелъ на много свѣтлыхъ думъ!.. Вотъ, мечталось мнѣ, сейчасъ здѣсь одинъ докторъ привелъ ко

Христу четырехъ докторовъ... Его зять въ Оказаки, д-ръ Танака, тоже имѣеть своихъ учениковъ по вѣрѣ среди собратьевъ по профессіи... Въ Нагойя около старца—фотографа Міясита сколько появилось фотографовъ-христіанъ!.. Наступить время, когда вотъ такимъ то путемъ, путемъ семейныхъ, родственныхъ вліаній черезъ знакомства, ученѣе Христово не слабой струей, но стремительнымъ потокомъ начнетъ вливаться въ страну японскую и напоить всѣхъ, кто увидить въ этомъ потокѣ воду чистую, воду живую!..

Невольно обращаешь вниманіе и на то, что не люди необразованные; а люди просвѣщенные; да еще кто? — доктора, во всемъ обычно видящіе кровь, да мясо,—принимають вѣру Христову! И не только сами ее свято содержать: но и собратьевъ влекутъ ко Христу!.. Предъ Христомъ склоняеть свою главу здѣсь не только буддистъ или синтоистъ, но—и образованный человѣкъ!.. Это ли не сила Христова! Это ли не побѣда Его надъ сильными вѣка сего?..

Ровно въ 2 часа, какъ было объявлено христіанамъ, спустился я внизъ, въ церковь. Тамъ зажжены лампадки; христіане уже сидятъ въ ожиданіи проповѣди. Помолились мы Царю Небесному и я началъ свою «бесѣду»... «Бесѣда»... Сколько въ этомъ словѣ простого, сердечнаго, желаннаго!... Это не торжественно раздающееся слово, въ которомъ именно по причинѣ его торжественности трудно очень развернуться душѣ! Это не поученіе, которое постоянно тебѣ напоминаетъ о краткомъ времени и вынуждаетъ поскорѣе на поученія... «Бесѣда»—это общеніе одной души съ другими душами; это постоянное чтеніе чужихъ душъ по выраженію лицъ, по глазамъ, по общей настроенности! «Бесѣда»... — сколько здѣсь твоя душа, твой умъ изгибается, чтобы идти рядомъ съ душами братьевъ и быть имъ понятнымъ!.. Люблю я «бесѣдовать» вообще... А сегодня бесѣдовалъ какъ то особенно сердечно. И казалось мнѣ, что мои слушатели говорятъ со мною: такъ живо отвѣчали на мои слова лица этой *семьи* христіанъ!... О чемъ я бесѣдовалъ?.. Да, конечно опять обратился за помощью къ неподражаемому Св. Ап. Павлу; онъ давалъ мнѣ содержаніе; а я его переживалъ, отливалъ въ доступныя для слушателей, а главное — отвѣчающія потребностямъ минуты и времени, формы. И сердце мое чувствовало, что я не на камни сѣялъ и былъ не только понятъ, но и принятъ своими слушателями! Можетъ ли быть для проповѣдника награда лучше этого сознанія.

Кончилась бесѣда. Полтора часа продолжалась она. Но не чувство усталости у тебя на душѣ, а какое-то отрадное сознание сдѣланнаго добраго дѣла!.. Право, и самъ какъ-то мягче, какъ-то лучше, сердечнѣе сдѣлаешься, когда вотъ такъ-то побесѣдуешь съ христіанами!.. Впрочемъ, мы вѣдь всегда «уча, учимся»... Такъ даже говорить какая то латинская пословица.

Пришелъ въ свою комнатку; но милый «Какуся» уже плѣнилъ мой дорожный саквояжъ; а докторъ и супруга не позволяли и думать о почлегѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; и насъ повели къ себѣ. Домъ ихъ—въ нѣсколькихъ шагахъ, и я черезъ пять минутъ былъ уже на новомъ мѣстѣ, но въ атмосферѣ любви, еще болѣе напряженной.

Доктору сейчасъ 65 лѣтъ. Нѣсколько отпущенные (а не бритые) волоса съ легкой просѣдью; такая же борода, густые усы. Японскій костюмъ. Тихія, скромныя манеры. Природное благодушіе, написанное на лицѣ и особенно въ добрыхъ глазахъ. — Супруга появляется всегда съ доброй улыбкой и неизмѣнно съ какимъ-нибудь угощеніемъ; но занятая домою, постоянно убѣгаетъ, сказавъ: «гомѣнь насай»—извините. Какуси—Иванъ, красивый юноша, съ открытыми, добрыми глазами, высокаго роста, необыкновенно подвижной, очень развитый. Таковы Моусей, Лидія и Иванъ, среди которыхъ я оказался.

Свой входъ въ семью я началъ молитвой. У доктора устроена особая комнатка—часовня... Въ ней есть все: и иконы строгого письма, и копія съ Дольчи и др... Аналойчикъ, свѣчи, ладонь... Какъ уютно чувствовалось въ этой «храминѣ», въ этой «келейкѣ» добрыхъ христіанъ! Молилось сердце мое!.. Тихо на мои слова отвѣчалъ пѣніемъ катихизаторъ... Сосредоточенно молились хозяева дома... По отпустѣ я благословилъ эту семью, этотъ столпъ хамамацкой церкви; и благословляя пожелалъ и счастливой жизни семейной, и полезной дѣятельности на облегченіе страждущихъ братій, и научнаго роста, и плодотворной помощи намъ по насажденію вѣры Христовой среди язычниковъ... Искренне, горячо меня благодарила вся семья...

На корридорѣ около этой «часовни» стоитъ кресло: — единственный представитель нашей мебели... Но кресло это «памятное»: на немъ сидѣлъ японскій принцъ, бывшій у хозяина; а теперь ожидало это кресло нашего владыку — архіепископа... Но не дождалось пока... А пришлось посидѣть хоть

минутку на пемь мнѣ... И будетъ оно опять стоять подь прикрытіемъ: и опять будетъ ожидать «дай-сикѣо», или «сикѣо». Не могу умолчать объ этомъ!.. Какая любовь, какое уваженіе къ «дай-сикѣо» чувствуешь и здѣсь, какъ и вездѣ! Отраднo, что люди «знаютъ своего спасителя» отъ тьмы язычества!.. И не забываютъ его.

Городъ занимаетъ площадь не очень большую; да и домовъ христіанскихъ не такъ много. Мы рѣшили посѣщать христіанъ пѣшкомъ: много пріятнѣе, чѣмъ на курумахъ! Не могу забыть семьи слѣпца! Самъ—слѣпой, жена—тоже слѣпая! Оба успѣли уже состариться!.. Но за свою долгую тяжелую жизнь они не прибѣгали къ чужой помощи, сами исполняя всѣ домашнія работы. Нужда такъ изощрила ихъ органы, что даже нитку въ иголку старушка продѣваетъ сама. Не помѣшало имъ несчастье воспитать и дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери, уже почти невѣсты, и 4 сына. Я помолился за нихъ, и благословилъ старцевъ на дальнѣйшее терпѣніе среди испытанія, которое, какъ огонь — золото, очищаетъ нашу душу отъ всего нечистаго... Призывалъ я ихъ къ бодрости, ибо поднятыя на ноги дѣти должны и сьумѣють успокоить старость своихъ страдальцевъ-родителей. Рады были нашему посѣщенію старички очень; но радость ихъ трудно и описать, когда мы еще и присѣли у нихъ хотя ненадолго!..

Съ особымъ отраднѣмъ чувствомъ вспоминаю я семью Каваан. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть сразу четыре поколѣнія христіанъ! Дѣдушка Гедеонъ, его сынъ — хозяинъ, его внуки и внучки, изъ коихъ одинъ учится въ университетѣ; и даже правнуки!.. Четырнадцать именъ поминалъ я о здравіи на эктениі!.. Вѣдь это — пастоящая община по здѣшнимъ мѣстамъ!.. Радушно приняли насъ здѣсь!.. Очень уже радушно и тепло!.. Дѣдушка былъ радъ необыкновенно!.. «Вотъ, дѣдушка, Господь привелъ вамъ видѣть какую домашнюю церковь! 14 человекъ вѣдь»,—сказалъ я; а дѣдушка перекрестился и заплакалъ слезами радости! И эти слезы старика много говорили молодежи!.. Пожелавъ старцу дожить до ста лѣтъ, я пошелъ далѣе, провожаемый на улицу всей семьей, на удивленіе язычниковъ: домъ-то очень богатый и среди сосѣдей выдающійся.

Не торопясь шли мы по улицамъ города, попутно и осматривая его. Юноша Иванъ охотно насъ со всѣмъ знакомилъ... Однако, пришло время и домой возвращаться; и черезъ нѣсколько минутъ мы уже опять видѣли предъ собою лица на-

шихъ добрыхъ хозяевъ. Осталось намъ съѣздить къ другому доктору, — но онъ за городомъ: отложили на завтра. Остался еще поохладѣвшій христіанинъ; но начавъ сладкимъ, мнѣ не хотѣлось заканчивать день горькимъ: поэтому и этотъ домъ остался до завтра.

Вечеръ прошелъ совершенно по семейному... Посреди комнаты стоялъ низенькій столикъ: отсюда все время не снимались гостинцы, фрукты, печенья... Подъ ноги при сидѣннн обычно подкладываются особыя подушки: мнѣ такихъ наложили штукъ шесть, и усадили меня на нихъ... Юноша Иванъ принесъ массу фотографій, картинъ, альбомы... Все время ихъ разсматривали, разговаривали, шутили... Хозяйка принесла «банъ-лиси» (ужинъ) и такъ настойчиво имъ угощала, что я измѣнилъ себѣ и ужиналъ съ хозяиномъ по-японски... Постепенно приходили христіане. Начали подходить христіане даже изъ деревень, узнавъ о моемъ пріѣздѣ! Разговорамъ не было конца. И хотя разговоры не переходили въ тонъ и форму проповѣди, тѣмъ не менѣе—полагаю я — не безъ пользы для сердца, для души, уходили изъ докторскаго дома братья по вѣрѣ, когда пришло время спать, и когда я далъ имъ благословеніе прощальное.

Хозяева много хлопотали о болѣе покойномъ снѣ; и спать было очень хорошо! Изводившіе было меня съ вечера два комара сами лезли на явную опасность; и поэтому, можно сказать,—покончили жизнь самоубійствомъ. Черезъ полчаса же, не болѣе, закончили свой концертъ и обитательницы чердаковъ. И я заснулъ крѣпкимъ сномъ!

26-е августа. Давно уже, тринадцать лѣтъ назадъ, съ этого числа я сталъ монахомъ. Цѣль моя тогда была вполне опредѣленная! Но мой сотоварищъ по иночеству уже успѣлъ послужить въ Америкѣ, и теперь возвратился въ Россію. А я не управился туда, куда влекло тогда меня сердце мое... И лишь теперь Господь привелъ меня миссіонерствовать... Но не Америка, а Японія—стала жребіемъ моимъ. Господь строить жизнь человѣка. Ему пужно было вести меня по распутіямъ жизни на милой родинѣ. Онъ привелъ меня теперь и сюда... И какъ легко у меня сейчасъ на душѣ!.. Благослови же, Господи, мое дальнѣйшее иночество, но—уже иночество миссіонерское...

Рано я проснулся сегодня. Будить никого не хотѣлось, и я осмотрѣлся въ той обстановкѣ, въ какой нахожусь. Моя

комната—верхъ изящества! Конечно, на полу соломенные «татами»; конечно, потолокъ изъ досокъ некрашенныхъ. Но всѣ доски, всѣ бруски, всѣ столбики такъ выскоблены, такъ отполированы, такъ отлакированы,—что все блеститъ, глаза ласкаетъ и внушаетъ осторожность, бережливость, чистоту... Плюнуть на полъ, облокотиться на столбикъ, сѣсть на перила, пройти по лакированнымъ доскамъ каблуками;—да не хватить совѣсти!.. И дѣйствительно,—чистота удивительная!—Въ нишѣ стоятъ разныя статуэтки; на искусственномъ суку—чучело орла. Двѣ высокихъ лампы на полу... На стѣнахъ, въ нишахъ, на длинныхъ листахъ, писанные тушью цвѣты: работа изящная. Выше раздвижныхъ ширмъ, подъ самымъ потолокомъ, широкое—широкое полотно со столь знакомымъ мнѣ теперь береговымъ видомъ Японіи: тутъ и горы, съ выдающимися вершинами; тутъ и сосенки, покрывающія эти горы; и эти извилистые заливы; и эта даль моря съ бѣлѣющими парусами!.. Какъ все это красиво на самомъ дѣлѣ, и какъ превосходно схвачено на картинѣ!..—А вотъ «Фудзи-санъ», священная, самая высокая гора Японіи!.. Столь знакомое—(видишь чуть не въ каждомъ домѣ!)—изображеніе горы, на половинѣ прикрытой дымкой облаковъ, на верху бѣлѣющей снѣгомъ...—Да! Простота и изящество здѣсь сочетались очень умѣло и говорятъ много о вкусѣ хозяевъ...

Но... появился тихо милый Какуси; увидѣлъ меня уже бодрствующимъ; и столь же быстро исчезъ, какъ и появился. Но вмѣсто него пришли слуги приводить комнату въ ея дневной видъ... А далѣе—сердечный утренній привѣтъ; утренній чай; и составленіе болѣе удобнаго распредѣленія дня... Я уже согласился ѣхать не въ 9 ч., и не въ 11 ч., какъ значилось въ предварительномъ моемъ расписаніи; и даже не въ 1 ч. дня, какъ хотѣлось непременно, а лишь въ 3 часа, какъ призналъ за лучшее докторъ! Но его соображенія вполнѣ серьезны: хочется сняться на группу всею церковью; между тѣмъ до 2 часовъ всѣ дѣти въ школахъ!.. Впрочемъ..., я и не рвался очень-то отъ тепла!

Около 9 часовъ сѣли мы на дзинрикиси и поѣхали сначала къ доктору... Двѣ версты—недалеко!.. Выѣхали за городъ; ѣдемъ по прекрасной дорогѣ... По сторонамъ—рисъ, гдѣ уже желтоватый, гдѣ совсѣмъ зеленый... Картофель разныхъ сортовъ, горохъ, бобы... Высоко поднимаетъ свою голову гаолянъ.—Едва пробивается изъ земли новой посадки рѣдиска...

Вездѣ крестьянскія поселенія, или отдѣльными домами, или деревнями... На дорогѣ то и дѣло переѣзжаемъ селенія... Но нашего доктора все нѣтъ! Было почти уже 10 часовъ, когда наконецъ-то съ главной дороги мы свернули на узенькую дорожку и направились къ чему-то въ родѣ мызы: здѣсь и жилъ докторъ!.. Оказалось, что дѣйствительно до него 2 версты, только японскихъ! А русскихъ цѣлыхъ 8! Не ожидать насъ въ такую даль къ себѣ докторъ; но тѣмъ пріятнѣе для него было наше посѣщеніе... Времени терять намъ было нельзя. Мы совершили предъ иконками—а ихъ опять много—краткій молебенъ, выпили по чашкѣ японскаго чая; и оставляя хозяину миръ Христовъ, провожаемые благодарностями всей его семьи, простились съ нимъ... Телѣжки наши долго плелись до большой дороги. Но семья доктора все еще стояла у воротъ своего дома, посылая намъ временами свои привѣты. И лишь деревня, въ которую мы въѣхали, не дала возможности и мнѣ еще и еще отвѣчать на прощальные привѣты доктора своею шляпою... Такъ то сердечно принимаютъ здѣсь христіане своего «сикѳо»... И тепло поэтому на сердцѣ!..

При самомъ въѣздѣ въ городъ находится тотъ домъ, въ которомъ живетъ поохладѣвшій христіанинъ... Не безъ сердечнаго волненія я къ нему подѣзжалъ. Должно быть въ сотый разъ провѣрялъ себя, какъ бы не сказать «сгоряча» чегонибудь лишняго, но въ то же время и не забыть существеннаго! Но Господь не судилъ мнѣ въ Хамамацу заговорить инымъ языкомъ: христіанина сего и его семьи мы дома не застали... Пришлось поручить катихизатору сказать христіанину, что я у него былъ, и что если еще буду въ Хамамацу, опять приѣду къ нему...—этимъ мы и закончили свое прямое дѣло въ Хамамацу. Отпустили «дзинрикия» и пѣшкомъ направились къ дому. По пути зашли въ старую крѣпость... Уже въ ветхость приходитъ она!.. Но на-верху устроены домики, и за 3 сена насъ пропустили на крышу этого дома (на терраску, которую можно видѣть почти на каждомъ домѣ)... Прекрасный по обыкновенію видъ открылся передъ нами. Вотъ городъ, съ торчащими кверху трубами,—этими грозными надгробными памятниками здоровью рабочаго люда; вотъ за городомъ—гимназія, гдѣ учится Какуси—Иванъ; еще далѣе—видны казармы.—Конечно—неизмѣнное здѣсь, на Тоокайдѳо, море... Горы кругомъ... Вѣроятно, и сегодня опять не одинъ разъ полѣземъ въ туннель!.. Да! Какъ красива здѣсь природа!.. Вотъ гдѣ

поистинѣ раскрыта великая книга съ ясно написанными въ ней глаголами о присносущной силѣ и Божествѣ творца всѣхъ этихъ красотъ природы...

Проходили мимо зданія, специально построеннаго для упражненій гимнастическихъ, и прежде всего — для «дзюудзицу»!.. Какъ было не зайти сюда послѣ всего, что съ такимъ воодушевленіемъ и такъ картинно описывалъ намъ Какуси!.. При нашемъ появленіи учитель немедленно мнѣ прислалъ стулъ; а подростки, поклонившись другъ другу по-японски, парами начали бороться. Большею частью поединки кончались быстро; но въ двухъ парахъ сошлись ловкость съ ловкостью; и мы долго сидѣли, восхищаясь сими юношами!.. Да! Съ сихъ лѣтъ начинаютъ,—что же будетъ дальше?.. Къ сожалѣнію, большихъ гимнастовъ сегодня не было, и «что бываетъ дальше», этихъ «чудесъ» мнѣ не пришлось видѣть! Учитель съ большимъ почтеніемъ насъ провожалъ. Когда я уже вышелъ и прошелъ много впередъ, онъ отъ спутниковъ узналъ, что я—помощникъ Владыки-Архіепископа Николая; и нужно было видѣть его смущеніе, что не оказалъ онъ «должнаго» пріема!.. И издали мнѣ посылалъ онъ свой послѣдній поклонъ... Имя Владыки и мнѣ часто помогаетъ! За чужой крѣпкой спиной и мнѣ чувствуется недурно!..

Уже въ обѣденный часъ возвратились домой. Сытно по-японски пообѣдали... Докторъ мнѣ далъ свою карточку, Какуси подарилъ открытки «Хамамацу»: трогательныя мелочи! Пока я приготовлялъ къ отъѣзду свой багажъ, подошло время сниматься на группу. Отыскивая наиболѣе удобное, просторное и красивое мѣсто, остановились на синтоистской *мія*, къ которой и собрались христіане... Дѣдушка Гедеонъ, къ сожалѣнію, не пріѣхалъ: силъ мало... Дамъ усадили направо и налево отъ меня (а говорятъ о приближенномъ положеніи женщины здѣсь!), а мужчины, съ докторомъ во главѣ, стояли... Впрочемъ, старичекъ какой-то тоже сидѣлъ... И опять фотографическій снимокъ! Пойдетъ время; а я буду пересматривать всѣ эти снимки, и съ любовью вспоминать тѣхъ, среди которыхъ я встрѣтилъ столько любви!

Нужно было поспѣшать... Я горячо простился съ хозяевами... Владыкѣ Архіепископу они послали корзину фруктовъ... А мнѣ отъ всѣхъ христіанъ подарили «тушечницу»,—коробку съ принадлежностями для японскаго письма тушью и кистями... Опять «тушечница»! — Принимаю, какъ настойчивое напоминаніе любви: нужно упорно изучать японскій языкъ...

Прощальное благословеніе всѣхъ, собравшихся на проводы христіанъ... Торопливые привѣты направо и налево, ввиду приближающагося поѣзда... Слово глубокой благодарности изъ окна вагона... Общее всѣмъ благословеніе... Все это—на удивленіе глядящей публики!..

Звонковъ не бываетъ... Свистокъ. Плавно тронулся вагонъ... И я направился далѣе, оставивъ въ сердцѣ своемъ навсегда Хамамацу и его добрыхъ христіанъ. А Оота-санъ! А Какуси! А его мама! Скучно было уѣзжать изъ Хамамацу!

Сидзуока.

Дальнѣйшей, и послѣдней, нашей остановкой былъ г. Сидзуока. Городъ — большой, губернский; но церковь въ немъ сравнительно молодая, успѣшно управляемая старцемъ о. Матѳе. Кагэта и распространяемая опытнымъ катихизаторомъ.

Разстояніе отъ Хамамацу до Сидзуока — 3 ч. ѣзды; но я поѣхалъ экспрессомъ и къ 5 час. веч. былъ уже у послѣдней цѣли своего путешествія. О. Матѳе и христіане встрѣтили меня на вокзалѣ, откуда, благословивъ всѣхъ, я и направился въ церковный домъ. Находится онъ въ центрѣ города, около старинной крѣпости; поражаетъ своей необыкновенной тѣснотой: могутъ съ трудомъ помѣститься человекъ 50, а для сотни — не достало бы ни мѣста, ни воздуха! О. Матѳе совершилъ краткій молебень по случаю моего пріѣзда, а я къ собравшимся уже *всѣмъ* христіанамъ обратился съ рѣчью, содержаніе которой и планъ намѣчала мнѣ XII гл. посланія къ Римлянамъ. Церковь молодая, — мудрствовать не было удобнымъ! Хотѣлось быть для всѣхъ понятнымъ и это опредѣлило большую простоту и въ содержаніи, и въ построеніи моей рѣчи.

По окончаніи бесѣды опредѣлили общимъ совѣтомъ съ христіанами, когда мнѣ удобнѣе ѣхать къ нимъ по домамъ и конечно, мои планы выѣзда въ Тоокёо въ 11 ч. у. рушились: отъѣздъ отложили до 4 ч. дня. Обѣдомъ, или ужиномъ — не знаю—въ гостинницѣ закончили мой день г. Кондо, мѣстный староста, и о. Матѳе; и пожелавъ мнѣ покойной ночи, здѣсь же устроили для меня и прекрасный ночлеги.

27-е августа. Съ 8 ч. утра поѣхалъ я по домамъ христіанъ г. Сидзуока,—ихъ здѣсь 21. Какъ и всюду,—я былъ вездѣ желаннымъ посѣтителемъ. И такъ-то хорошо чувство-

валось на сердцѣ, когда глядя на ликъ Спасителя или Божіей Матери поминаль я имена живущихъ «въ домѣ семь»... Душа отрывалась отъ земли и молила Господа утвердить всѣхъ ихъ въ вѣрѣ, совершить въ любви.. Посѣтилъ между прочими одного небогатаго сапожника: Онъ такъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ, что не находилъ ни формы, какъ бы поблагодарить... На вокзалѣ же явился съ корзиною фруктовъ, чѣмъ совершенно растрогалъ меня!.. Посѣтилъ домъ только что скончавшагося христіанина Петра. Его сегодня погребаютъ. Крещеніе онъ принялъ лишь четыре дня назадъ, хорошо оглашенный; принялъ христіанство по глубокому убѣжденію. Семья еще языческая. Но одна дочь-христіанка, замужемъ въ Нагойя за фотографомъ-христіаниномъ. Я помолился о здравіи нагойскихъ христіанъ, а потомъ совершилъ краткую литію по рабѣ Божіемъ Петрѣ. Пѣть было некому: пѣлъ самъ. И съ такимъ-то чувствомъ я пѣлъ «со святыми упокой!» Вѣдь предомноу истинно-святая душа только что въ водѣ св. крещенія омывагося Петра... «Вѣчная память», — да будетъ и Петру, и всѣмъ, кои своимъ примѣромъ жизни сѣте Христово ученіе въ мірѣ языческомъ! Домъ былъ наполненъ и язычниками, и христіанами. Я не удержался и сказалъ приблизительно слѣдующее: «Братіе! Христіанство не знаетъ «умершихъ», — оно знаетъ лишь «уснувшихъ»; и рабъ Божій Петръ не умеръ, но спитъ продолжительнымъ сномъ. Наступитъ время, — и онъ проснется, но уже для жизни вѣчной, блаженной. Но онъ сослѣдетъ, скажете вы?.. Да, тѣло его сослѣдетъ. Но Господь, давшій намъ тѣло изъ ничего и вдохнувшій въ него душу безсмертную, развѣ не силенъ и вновь душѣ живой дать тѣло, но уже нетлѣнное. безболѣзненное?.. Какъ ни хорошо бываетъ жить въ гостинницѣ, но человѣку всегда хочется возвратиться въ свой домъ... Настоящій міръ — это гостинница, въ которой мы временно живемъ; и только потому, что мы «обживаемся» въ этой гостинницѣ и не знаемъ радостей вѣчныхъ селеній, — только поэтому мы скорбимъ при видѣ смерти!.. Не скорбѣть, братья, нужно намъ, а радоваться; и вѣрьте, что и рабъ Божій Петръ лишь переселился въ обитель Отца Небеснаго, для жизни вѣчной, въ нетлѣнномъ тѣлѣ!.. Не будемъ же скорбѣть, имѣя такое упованіе, а утвердимся въ крѣпкой вѣрѣ, что жива душа Петра, оживетъ и его тѣло, и будетъ воскресшій Петръ вѣчно жить, но уже не въ гостинницѣ, а въ дому Отца Небеснаго. И будемъ Господа молить, да спо-

добить и насъ Онъ увидѣть сіи небесныя наши обители!— Братья! Въ водѣ Св. Крещенія христіанинъ омывается отъ всѣхъ грѣховъ, ранѣ имъ содѣянныхъ: такова вѣра наша. Петра Господь сподобилъ скончать свое земное странствованіе въ день св. крещенія... Счастливый Петръ: И прислушайтесь къ голосу души его, исходящему изъ гроба; прислушайтесь *всѣ*, а особенно вы, семейные его! И вы услышите, какъ онъ говоритъ: «довольно вамъ ходить во мракѣ! Будетъ вамъ валяться въ грязи? Свѣтитъ яркое Солнце-Христосъ: къ Нему скорѣй спѣшите! Одна истина, одна вѣчная правда, одна чистая жизнь — у Него, — къ Нему всей душой прильнитесь!» Возлюбленные! Иного не сказалъ бы сейчасъ новокрещенный представлявшійся Петръ, ибо онъ видитъ теперь истину лицомъ къ лицу... Да подвигнетъ же насъ гробъ ко кресту, ко Христу!»—Говорилъ я совершенно неожиданно для себя и самъ чувствовалъ тогда силу своихъ словъ... Но постарался сейчасъ записать...—Нѣтъ! Все не то!.. Впрочемъ, мысли все же сохранились...

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ я получалъ одни утѣшенія, а въ домѣ мѣстнаго «столца»—Кондо (магазинъ обуви и чемодановъ) меня даже попросили сказать нарочитое «наставленіе». Въ семьѣ—14 человекъ,—аудиторія вполне достаточная; и я говорилъ о томъ, чтобы слушающіе меня своею жизнью славили Христа среди язычниковъ и тѣмъ безъ словъ помогали бы дѣлу проповѣди, которую несемъ мы. Говорилъ я и о вѣрѣ въ славное будущее церкви въ Японіи... Какъ луна, звѣзды, электричество, лампы, свѣчи не пужны съ восходомъ солнца; — такъ теряютъ силу и всѣ *тера* и *мія* съ ихъ ученіемъ и служеніями; и не за горами то время, когда предвѣстница великаго Свѣта—заря смѣнится яснымъ днемъ, и Солнце Правды осѣнитъ, просвѣтитъ страну восходящаго Солнца!..—Кондо много дѣлаетъ по объединенію христіанъ; много помогаетъ имъ, помогаетъ церкви Божіей; онъ—душа мѣстной общины. И поддержать его въ вѣрѣ, ободрить его надеждою на свѣтлое будущее,—было такъ справедливо, и понятно!

Побывать я и на кладбищѣ,—оно не такъ далеко отъ дома одного изъ христіанъ... Кладбище за городомъ, на полѣ; общее съ язычниками; впрочемъ,—христіане все же какъ будто придерживаются одного мѣста. Когда мы пришли на кладбище,—въ это время готовили могилу для умершаго Петра.

Напротивъ свѣжей могилы—лежить подпоручикъ 12 вост.-сиб. полка Алексѣй Григ. Лазаревъ,—одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ... Памятникъ его въ полномъ порядкѣ, но изъ 4-хъ цѣпей около памятника осталась лишь одна, и та, вѣроятно, на время!.. Я совершилъ литію,—пришлось опять самому и пѣть! Поминаль его, и всѣхъ убіенныхъ и утопшихъ воиновъ; и въ этой молитвѣ хотя немного нашель успокоеніе себѣ: не могу досѣлѣ простить себѣ, что испугался дождя и не побываль у двухъ солдатиковъ на кладбищѣ въ Тоѣхаси!

Около часу дня возвратился я въ гостиницу. Обѣдать было некогда, такъ какъ черезъ полчаса назначено было отпѣваніе Петра, и я къ полчасу 2-го пошелъ въ молитвенный домъ. Около него стояли уже толпы народа. Предъ самымъ домомъ громадныя букеты, аршинной вышины, живыхъ цвѣтовъ. Въ молитвенномъ домѣ полно: собрались проводить своего собрата почти всѣ христіане; были и язычники; женщины-родственницы въ бѣлыхъ костюмахъ, — здѣшній трауръ...—Истово совершалъ старецъ о. Матѳеѣй чищъ отпѣванія. Не очень стройно, но весьма терпимо пѣли пѣвчіе... Всѣ стояли съ возженными свѣчами... И такъ вѣяло у этого гроба смерти жизнью! Такъ чувствовалось здѣсь дыханіе Христовой любви, все оживляющей, все созидающей!.. Вѣдь что иное, если не любовь братская, привела сюда всю церковную общину?..—Нѣтъ ни слезъ, ни стоновъ... Говорять,—не полагается. Спокойно, не торопясь всѣ простились съ умершимъ, цѣлуя иконку и вѣнчикъ... Заколотили крышку гроба гвоздями,—и по завершеіи отпѣванія вынесли гробъ на улицу... Здѣсь его оставили на очень изящныя носилки. Впереди цвѣты и столбъ съ надписью и крестомъ на немъ, затѣмъ—о. Матѳеѣй въ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ; катихизаторъ въ стихарѣ; дальѣ гробъ, родные и знакомые позади... Процессія очень торжественная, и на язычниковъ всегда производитъ сильное впечатлѣніе... Я не имѣлъ времени идти на кладбищѣ и возвратился въ гостиницу. Наскоро обѣдалъ; за полчаса до отхода поѣзда возвратился ко мнѣ радостный о. Матѳеѣй: семья Петра очень тронута всѣмъ, что она встрѣтила у гроба и при погребеніи и выразила желаніе поскорѣе присоединиться ко Христу... Такъ-то у насъ и гроба источаютъ жизнь, какъ нѣкогда изъ гроба возсіяла Жизнь для всего міра!.. Въ братскомъ общеніи съ вѣрующими, заходившими проститься, проводилъ я послѣднія минуты въ Сидзуока, а въ 4 ч. 45 м.,

провожаемый всею христіанскою общиною до вагона, я уже отправлялся «домой». въ Тоокёо... И опять—какъ отраднo видѣть, когда наперерывъ у тебя берутъ благословеніе христіане! Неужели и такое открытое «исповѣданіе» своей вѣры не убѣдить въ обратномъ тѣхъ, кои непремѣнно вездѣ, и у японцевъ-христіанъ вчастности, хотять видѣть неискренность?..

Быстро полетѣлъ нашъ экспрессъ... Въ вагонѣ тѣспо... Сидимъ плечо къ плечу... Постоянно раздаются пронзительныя свистки паровоза, а за ними—зажигается электричество: мы черезъ нѣсколько секундъ въѣзжаемъ въ туннель... Какой-то особо рѣзкій шумъ колесъ, неожиданная обстановка почти, ѣдкій дымъ, проникающій сквозь незримыя щели... Все это нѣсколько треплетъ твои нервы... Но вотъ мы опять вылетаемъ на свѣтъ Божій... Направо неизмѣнное море; на лѣво, позади и впереди—горы!.. И опять—туннель, и опять горы!..

Хотѣлось мнѣ очень посмотретьъ Фудзи-санъ. Изъ-за этого я намѣревался было выѣхать изъ Сидзуока пораньше. Однако темнота наступила быстро и въ 7 час. все было покрыто мракомъ. Луна же, такъ красиво потомъ освѣщавшая море, еще не выходила. А въ эту пору мы и проѣзжали ст. Готемба, съ которой путешествуютъ на Фудзи-санъ!

Ровно въ 9 ч. в., по росписанію, поѣздъ нашъ подошелъ къ Симбаси, вокзалу въ Тоокёо. Съ какимъ-то нетерпѣніемъ я ждалъ этой минуты, и съ какимъ-то радостнымъ волненіемъ ѣхалъ по улицамъ уже «своего» города, направляясь въ «нашъ» Суругадай, во «свою» квартирку!.. Около 10 ч. в. я былъ уже *у себя дома*. Слава Богу!..

* * *

Итакъ я совершилъ мѣсячную поѣздку по церквамъ Японіи. Это моя первая поѣздка. Довольно неожиданно она совершена мною... Теперь, когда этотъ мѣсяць уже позади, когда я опять сижу за своими обычными занятіями, переживая все, чѣмъ Богъ только что наградилъ меня, что скажу я, заканчивая свои замѣтки?..

Твердо идетъ на брань военачальникъ, знающій вѣрность долгу и любовь къ себѣ своихъ воиновъ. Окрыленный, воодушевленный на дальнѣйшую работу пріѣхалъ и я изъ своего путешествія, такъ много испыталъ я твердой вѣры христіанъ, и ихъ Христовой любви.

Богу, Строителю судебъ и народовъ и каждаго изъ людей, за все слава и поклоненіе!.. Благодареніе Ему и за тѣ дни сердечнаго утѣшенія, которыми Онъ благословилъ меня въ истекшій мѣсяць. .

Чувствую, что этотъ мѣсяць меня какъ бы «присосалъ» къ Японіи, къ ея добрымъ христіанамъ... Лучшаго средства «утѣшить» меня, «упрочить» меня въ Японіи не могъ и придумать мой Владыка-Архіепископъ. За это ему земное поклоненіе.

Съ вѣрою въ помощь Божію, съ удвоенной энергіей берусь сейчасъ опять за изученіе языка... А читателямъ вынуждаюсь сказать: *до свиданья!* До слѣдующаго моего путешествія по церквамъ Японіи!

Епископъ Сергій.

10 (23) сент. 1908. Тоокѳо.